МЕЖВУЗОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

ВЫСШАЯ ШКОЛА:
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Межвузовский международный конгресс

ВЫСШАЯ ШКОЛА: НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Том 2

Москва, 2026

ББК 65

В42

Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 6 августа 2026 г.). Том 2. / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 139 с.

В42

DOI 10.34660/INF.2026.75.56.122

Сборник составлен по итогам работы Межвузовского научного конгресса. Включает в себя доклады российских и зарубежных представителей высшей научной школы, в которых рассматриваются современные научные тенденции, новые научные и прикладные решения в различных областях науки, практика применения результатов научных разработок. Служит инструментом обмена опыта научных работников, апробации исследований путем их публичного обсуждения.

Предназначено для научных работников, профессорско-преподавательского состава, соискателей ученой степени и студентов вузов.

Все статьи, представленные в сборнике, проходят процедуру рецензирования. Рецензирование осуществляется членами редакционной коллегии и приглашенными экспертами по соответствующим научным направлениям.

ББК 65

© Издательство Инфинити, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kinetic nature and wear criterion of cutting tools
Lebedev Valeriy Alexandrovich, Kuvshinov Mikhail Mikhaylovich *7*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Диагностика точки безубыточности в управлении продажами производственной организации
Лытнева Наталья Алексеевна, Кыштымова Евгения Александровна *17*

Evaluating financial management, financial stability, and bankruptcy risk: evidence from Veolia Jur Closed Joint-Stock Company
Gyulasaryan Mikayel Rafayel, Matevosyan Ashot Varazdat, Matevosyan Mane Henrik, Mkrtchyan Diana Arthur *25*

Financial and economic performance assessment and sustainable development prospects of a strategic mining enterprise: evidence from Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC
Gyulasaryan Mikayel Rafayel, Matevosyan Ashot Varazdat, Matevosyan Mane Henrik, Asatryan Aida Arman *40*

Comprehensive assessment of the financial stability and investment attractiveness of “Viva Armenia” CJSC under digital transformation conditions
Gyulasaryan Mikayel Rafayel, Matevosyan Ashot Varazdat, Matevosyan Mane Henrik, Khlghatyan Astghik Aghvan *53*

Capital structure and working capital management as drivers of financial stability: empirical evidence from the construction industry
Gyulasaryan Mikayel Rafayel, Matevosyan Ashot Varazdat, Matevosyan Mane Henrik, Barkhoyan Mariam Artyom, Babayan Anahit Ashot. *67*

Трансформация конкурентной среды на рынке авиаперевозок Российской Федерации в условиях структурных и геополитических вызовов
Рудых Алексей Сергеевич, Кильдюшевская Елена Владимировна *76*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Реализация права на материнский (семейный) капитал детьми-сиротами: правовые проблемы и пути их решения
Коростелева Юлия Александровна, Егикян Лилит Араратовна *84*

Международное право VS новый мировой порядок
Примов Магомедрасул Наримановичч *89*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цифровая трансформация как триггер актуального образования: психолого-педагогические ориентиры для преподавателя вуза
Асаулюк Татьяна Валентиновна *113*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Социально-психологический тренинг как метод формирования межкультурной компетенции будущих учителей иностранного языка в университете
Лейфа Ирина Ильинична, Лейфа Андрей Васильевич *118*

Использование информационно коммуникационных технологий в курсе «астрономия»
Дмитриев Владимир Викторович *123*

Организационно-методические особенности включения в урок математикив начальной школе устных упражнений
Трофименко Юлия Владимировна, Коваленко Виолетта Алексеевна *131*

DOI 10.34660/INF.2026.69.66.096

KINETIC NATURE AND WEAR CRITERION OF CUTTING TOOLS

Lebedev Valeriy Alexandrovich
Candidate of Technical Sciences, Professor
Kuvshinov Mikhail Mikhaylovich
Postgraduate Student
Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. *The cutting tool wear process is examined as a sequence of stages – elastoplastic deformation, damage accumulation, and fracture – constituting a kinetic, irreversible process. The cumulative degree of wear is expressed through the summation of incremental damage contributions. The internal energy stored in the surface layer of the cutting tool working surface is adopted as an integral parameter reflecting the wear state within the thermodynamic phase space. A criterion for cutting tool wear resistance is proposed, defined as the sum of the enthalpy increment from ambient temperature to the melting point and the latent heat of fusion of the tool material. This relationship provides the thermodynamic foundation for constructing a comprehensive energy-based model for managing tool wear resistance during machining.*

Keywords: *cutting tool; wear; kinetics; internal energy; melting point; cutting process.*

1. Introduction

The working surfaces of a cutting tool undergo continuous wear as friction forces act during machining. Over time, the tool loses its specified characteristics, ceases to achieve the required dimensional accuracy and prescribed surface roughness, and must be replaced or resharpened.

Wear has been shown to result from an increase in dislocation density driven by the interaction of elastic distortion fields around dislocation cores [1–4]. This interaction hinders dislocation motion, leading to damage and fracture of the crystalline structure. Deviations from the ideal crystal lattice in the subsurface layer of the tool contribute to the same effect.

Within the dislocation framework, wear is associated with the generation (nucleation), migration, and annihilation of elementary defects – vacancy

clusters, dislocations, free radicals, and similar species – together with submicroscopic continuity disruptions such as pores and microcracks, in the deforming material volumes.

According to [1–9], any contact interaction between solids accompanied by deformation, degradation, and consequent fracture constitutes a kinetic and irreversible process, irrespective of the physico-chemical nature of the material, its microstructure, or loading conditions. The kinetic interpretation of tool wear rests on two experimentally established facts: the first establishes its statistical character, and the second elucidates its phenomenological aspect.

2. Kinetic model of the wear process

From a statistical standpoint, the wear process unfolds as follows. At each instant (or loading cycle) of chip-tool contact interaction, a specific degree of working surface damage corresponds to the imposed cutting conditions. Once the damage in a local microvolume reaches its ultimate (critical) value, fracture initiates as micro and macro-discontinuities that manifest as surface wear. This is confirmed by experimental studies on the effect of cutting duration on tool wear resistance, which demonstrate that the onset of fracture signs (microcracks) on the working surface marks the beginning of progressive wear resistance degradation. Maximum tool wear resistance is therefore achieved during the time interval – or number of loading cycles – over which critical (ultimate) damage accumulates in working surface elements.

The wear kinetics outlined above can be described within the kinetic framework as follows. Let U denote the quantitative damage measure for a working surface element under chip-tool contact, and let $U_t^0 = \frac{du}{dt}$ denote the damage rate. Under any external force loading mode – dynamic or quasi-static – the damage to a surface element evolves at rate U_t^0, which in general is a function of the deformation force parameter P, temperature T, and time t of the cutting process.

Graphically, this is represented by kinetic curves (Fig. 1): as chip-tool contact proceeds, damage in the working surface element increases until the accumulated damage U reaches the critical value U*, which depends on the working surface properties of the tool and is independent of the loading mode. The latter is a direct consequence of the phenomenological nature of material deformation and fracture. Figure 1 shows the dependence of working surface element damage on force parameters and loading duration; analogous curves can be constructed for any damage level

$$U < U^*.$$

The condition for ultimate damage of a tool working surface element is written as:

$$U = U_0 + \int_0^{t^*} U dt = \dot{} const \quad (1)$$

where U_0 is the initial damage level of the working surface element prior to machining; t^* is the ultimate cutting time, equivalent to the limiting duration of force loading on the working surface.

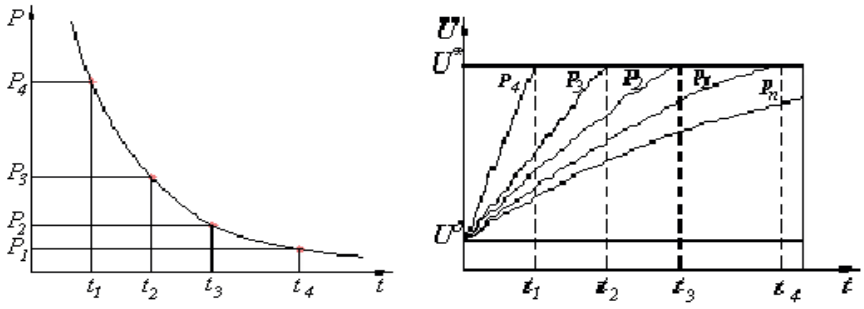

Fig. 1. Kinetics of the working surface wear process

The condition for ultimate damage of a tool working surface element is written as:

$$U = U_0 + \int_0^{t^*} U dt = \dot{const} \quad (1)$$

where U_0 is the initial damage level of the working surface element prior to machining; t^* is the ultimate cutting time, equivalent to the limiting duration of force loading on the working surface.

Since damage in local volumes of the working surface is irreversible and the total degree of wear equals the accumulated sum of damage increments, the ultimate damage – and consequently ultimate wear – occurs when the sum of fractional damage contributions reaches unity:

$$W = \frac{1}{U^*} \int_0^t U^0(t) dt = 1 \quad (2)$$

This condition enables prediction of ultimate tool life and of the force loading duration required to achieve the limiting degree of fracture for various cutting regimes, provided the functional relationship $U = f(P,T,t)$ is known.

Practical implementation of this condition requires identifying a parameter U^* that integrally characterises the strength properties of the tool material and provides a thermodynamically grounded fracture criterion for volumes of the working surface during cutting.

3. Energy-based damage parameter

As established in Section 2, wear results from increasing dislocation density driven by interactions among elastic distortion fields around dislocation cores,

which impede dislocation motion and lead to damage and fracture of the crystalline material in the subsurface layer.

According to the thermodynamic theory of strength and fracture of solids [1–3], the energy (work) expended on elastoplastic deformation, damage accumulation, and fracture is comparable to thermodynamic characteristics of the material – heat of sublimation, enthalpy in the solid or liquid state at the melting point, and latent heat of fusion. The fundamental premise of this equivalence is the experimentally established fact [1, 3] that a significant fraction of the contact interaction energy converts to thermal energy; the portion retained in the deforming volumes is very small compared to the fraction dissipated as heat into the tool body, workpiece, chip, and surroundings.

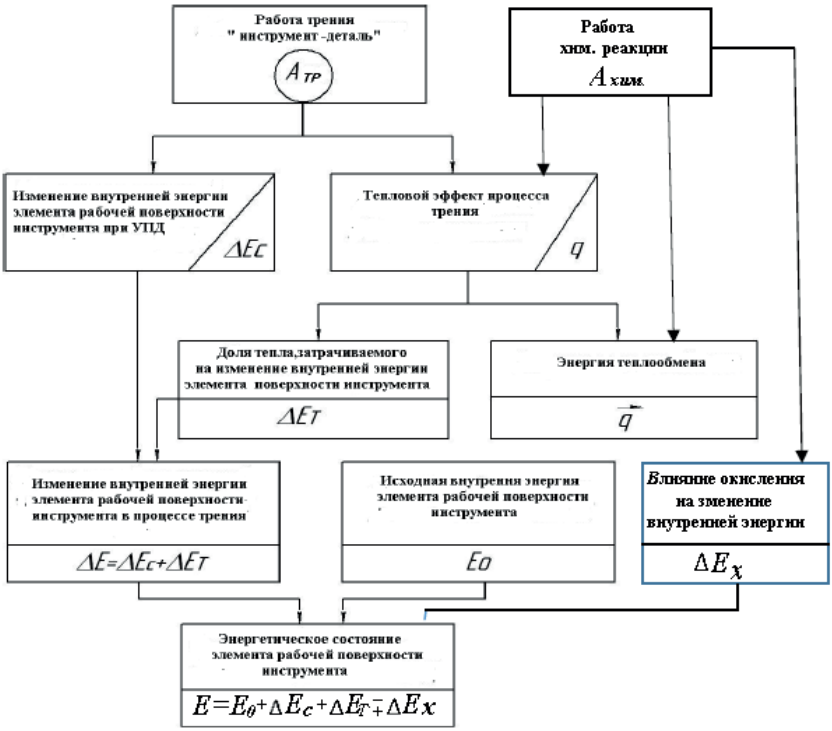

Fig. 2. Energy balance diagram of the friction process between the tool and workpiece, taking into account oxidation processes

Each dislocation and defect generates an elastic stress field around it, and a definite amount of work by external forces – in this case, friction work $\mathbf{A}_{tr}$ –s

consumed in nucleating these defects during cutting. Applying the first law of thermodynamics to a unit local volume of the tool working surface for the friction pair "tool-workpiece":

$$A_{tr} = \Delta E_c + q$$

where ΔE_c is the change in the potential (latent) component of internal energy associated with defect accumulation, and q is the thermal energy released by friction. Since only a minor fraction of q is retained in the friction-modified element – raising its internal energy by $\boldsymbol{\Delta E_T}$,– the friction thermal energy decomposes as $q=q'+\Delta ET$. The total increment of internal energy stored in the local surface element is:

$$\Delta E = \Delta E^c + \Delta E^T,$$

and the energy balance of the friction process becomes:

$$A_{pl} = \Delta E + q' \tag{1.4}$$

where q' is the heat dissipated by thermal exchange into the tool body, workpiece, chip, and surrounding environment.

The foregoing analysis, grounded in phenomenological thermodynamics and the molecular-kinetic theory of friction, leads to the following structural-energy interpretation of cutting tool wear:

1. The working surface of a cutting tool is treated as a solid, quasi-complex, heterogeneous metallic body in which structural elements and defects of various types are statistically distributed throughout its volume.

2. The microscopic phenomena of plastic deformation, damage, and fracture of a surface element under friction are interpreted as the combined effect of a vast number of atomic-molecular rearrangement acts, governing the generation, migration, interaction, and annihilation of elementary defects. The intensity of elastoplastic deformation is determined by the rate of defect generation, migration, and annihilation driven by thermal energy fluctuations in the external stress field. Damage accumulates through the progressive build-up of defect populations; fracture of a surface microelement occurs when the defect density in failure-responsible volumes reaches a critical magnitude.

3. Contact friction is regarded as the competition between two opposing, coupled, concurrently active tendencies: growth of the internal energy density ΔE_c through defect accumulation driven by friction work A_{tr}, and its reduction (release) through relaxation processes driven by friction-generated thermal energy q – the former being linked to damage during elastoplastic deformation, the latter to dynamic recovery.

4. Oxidation processes on the tool working surface are treated as destructive, reducing internal energy density ΔE_x while activating defect accumulation through chemical reaction work A_{xim}.

5. The internal energy ΔE accumulated in the deforming local microvolume of the working surface is responsible for its fracture, comprising a potential component (ΔE_c (associated with material damage) and a kinetic component ΔE_T (associated with thermal softening).

6. The internal energy *E*, characterising the energy state of the surface layer element following all stages of technological force loading, is adopted as the damage parameter. A surface layer element is considered effectively fractured when *E* reaches the critical value $E_{пр}$ at which the local microvolumes lose the strength properties required to maintain wear resistance during cutting.

The critical energy E_{pr} is therefore proposed as the wear resistance criterion. The energy condition for fracture of the tool working surface layer is:

$$E = E_0 + E_{\text{р}} \geq \text{E}_{\text{пр}} = const\ ,$$

where E_0 is the initial energy state of the surface layer element ($t_i = 0$), reflecting the inherited material properties; $E_{\text{р}} = \Delta E_c + \Delta E_T - \Delta E_{\text{х}}$ is the change in internal energy of the working surface element during cutting, dependent on the duration of contact interaction between tool and workpiece.

The energy representation of a deforming solid is appropriate for the following reasons:

1. Energy is a universal state descriptor: all external actions and internal conditions at any scale level reduce to an equivalent energy description.

2. System energy is an unambiguous state parameter: all changes in the material during deformation or environmental interaction can be represented as motion of the phase point (PP) in a one-dimensional energy phase space.

3. Energy is additive: any energy characteristic can be expressed as an algebraic sum of identified components.

4. Energy obeys the conservation law for all transformations, ensuring the validity of energy balance equations for each process, including damage accumulation.

5. Energy carries unambiguous physical meaning, directly corresponding to the concept of material strength as potential energy barriers opposing kinetic (irreversible) processes.

6. Energy retains its meaning and magnitude under any description of the object – it possesses transitivity.

Thermodynamic theories of strength and fracture based on the analogy between mechanical and thermal fracture modes have gained significant traction and are regarded as particularly promising.

The kinetic and energy representations of cutting tool wear adopted here rest on advances in solid-state physics and link damage accumulation and material fracture to the system state in the thermodynamic phase space, the components of which are illustrated in Fig. 1.

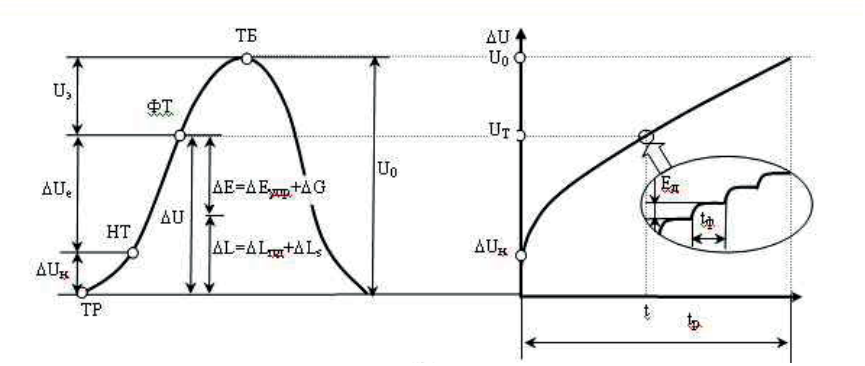

Fig. 3. Diagrams of the kinetic transition at macroscale during fracture of a local material microvolume at the bifurcation point. «ФТ» – phase point in energy phase space; «ТР» – equilibrium point; «ТБ» – bifurcation point; – initial energy stored during manufacturing; u_e – accumulated damage energy – insert figure here

Each defect nucleated introduces an increment of internal energy equal to its elastic strain energy. The sum of initial u_n and accumulated Δu_e energies (Fig. 3) defines the position of the system «ФТ». Progressive growth of defect density in the deforming material raises the internal energy; once the critical value (ТБ) is reached, material fracture ensues.

Selecting a rational parameter that unambiguously and integrally characterises the damage state of a tool working surface element during cutting remains one of the most difficult open problems. The cutting process involves abrupt changes in mechanical, physical, and chemical material properties. In principle, any property undergoing change during cutting might serve as the damage parameter U. In practice, however, the state of the working surface material under force loading is so complex and heterogeneous – even within highly localised microvolumes – that a single mechanical or physical property rarely provides an adequate description. The difficulty is compounded by the fact that different physico-mechanical characteristics respond differently and non-monotonically to the fundamental structural changes that occur during contact force interaction (friction, plastic deformation, etc.).

An increasing number of researchers have turned to energy-based damage parameters and fracture criteria grounded in thermodynamics [1, 4–6, 10], primarily because such approaches do not require detailed knowledge of the underlying physical mechanisms of deformation and fracture.

To quantify the critical internal energy density at which tool surface fracture occurs during wear, an analogy is drawn between energy absorption by the crystal lattice under mechanical loading and under heating. In both cases, disruption of interatomic bonds follows the absorption of the limiting energy for the given crystal lattice. For heating a metal from a reference temperature T_0 to the melting point T_s, the limiting specific energy absorbed is:

$$\theta = \int_{T_o}^{T_s} C_p dT \,, \tag{3}$$

where C_p is the specific heat capacity.

The integral $\int_{T_o}^{T_s} C_p dT$ represents the change in enthalpy of the metal on heating from T_0 to the melting point; this energy excites atomic vibrations to the critical amplitude without yet disrupting interatomic bonds. Bond disruption occurs when the crystal lattice additionally absorbs energy equal to the latent heat of fusion $L_{пл}$:

$$\theta^* = \int_{T_o}^{T_s} C_p dT + L_{\text{пл}} \tag{4}$$

This analogy has been applied in [3, 4, 10] to assess the energy state of local structures in crystalline solids under various loading conditions. The approach rests on the premise that, as in melting, mechanical loading to fracture is preceded by critical distortion of the crystal lattice – achieved here not by thermal agitation but by accumulation of a critical dislocation density in deformed local volumes, beyond which further energy absorption disrupts interatomic bonds.

Assuming the specific energy required to reach the critical lattice distortion is independent of the energy source (thermal or mechanical), the limiting specific energy the crystal lattice can absorb equals the difference between the solid-state enthalpy at the melting temperature H_{ts} and the enthalpy at 293 K:

$$\Delta H^* = H_{TS} - H_{293^0} = \int_{T_{293^0}}^{T_{TS}} C_p \, dT. \tag{5}$$

The critical internal energy density $E_{ПР}$ accumulated in the wear-affected surface layer element – and causing its fracture – can therefore be quantified through the thermodynamic constant ΔH^*:

$$\text{E}_{\text{пр}} = E_o + \Delta E^* = \Delta H^* + L_{\text{пл}} \,. \tag{6}$$

Table 1 lists values of ΔH^* *and* $L_{пл}$ for metals commonly used as the base of engineering alloys.

Table 1. Values of for metals commonly used as alloy bases

Metal	L_{pl}, J/g	ΔH*, MJ/m³
Iron	247,3	10500
Aluminium	397,0	1800
Titanium	295,6	5250
Copper	208,7	4150

This analogy is valid only at the scale of local metal volumes that have absorbed the limiting specific energy. Extending it to macroscopic volumes is not justified: during heating, energy is absorbed nearly uniformly throughout the crystal lattice, whereas during plastic deformation and friction, lattice anisotropy and imperfections produce heterogeneous energy absorption.

4. Conclusions

Cutting tool wear is a kinetic process governed by progressive damage accumulation. The working surface material undergoes irreversible structural changes that accumulate until a limiting state is reached.

The proposed wear resistance criterion – expressed through the thermodynamic constant

$E_{пр} = \Delta H^* + L_{пл}$ – provides a quantitative basis for characterising the damage state of a working surface element during cutting. This thermodynamic constant links the material properties of the tool to its wear resistance, offering a physically grounded fracture criterion.

When the functional relationship U = f(P, T, t) is known, the limiting damage criterion can be applied to predict tool life across a range of cutting conditions. The derived relationship is valid for localised surface volumes in which energy density reaches critical levels; extrapolation to larger volumes is precluded by the inherently heterogeneous nature of energy absorption in real polycrystalline materials.

This theoretical framework forms the basis for developing predictive models of tool wear and for the subsequent construction of a comprehensive energy-based model of tool wear resistance management during machining operations. Further work should establish the explicit form of

U = f(P, T, t) and validate the proposed criterion for diverse tool materials and cutting regimes.

References

1. Ibatullin, I. D. Kinetics of fatigue damage and fracture of surface layers: monograph. Samara State Technical University, Samara, 2008. 387 p.

2. Aliev, M.M., Fomenko, A.V., Fominov, E. V. Effect of wear-resistant coatings on tribological processes in the cutting contact zone. Vestnik Mashinostroyeniya, 2023, vol. 102, no. 7, pp. 596–600. (In Russian)

3. Aliev, M.M., Fominov, E.V., Kharakhashev, A. Kh. Selection of optimal turning regimes based on thermodynamic criteria. In: Mechanical Engineering Technological Systems: Proc. Int. Sci.-Tech. Conf. DSTU, Rostov-on-Don, 2022, pp. 23–28. (In Russian)

4. Marchenko, A.A., Fominov, E.V., Gvindzhiliya, V. E. Temperature modelling of the turning tool rake face accounting for cutting-mode parameter fluctuations. In: High-Tech Technologies in Mechanical Engineering, Aviation and Transport: Proc. XVI Int. Sci.-Tech. Conf. DSTU, Rostov-on-Don, 2024, pp. 428–432. (In Russian)

5. Sokolov, V.D., Lebedev, V.A., Shtyn, S. Yu. Investigation of the energy state of a surface layer strengthened by surface plastic deformation. In: Mechanical Engineering Technological Systems: Proc. Int. Sci.-Tech. Conf. dedicated to the 95th anniversary of DSTU, Rostov-on-Don, 2025, pp. 560–567. (In Russian)

6. Lebedev, V.A., Shtyn, S.Yu., Kukarkin, I. Investigation of adhesive strength of vibrational mechanochemical coatings and their effect on the corrosion resistance of components. Voronezh Scientific and Technical Bulletin, 2023, no. 3, pp. 48–52. (In Russian)

7. Inozemtsev, V. E. Study of the surface formation process during mechano-electrochemical processing of aluminium alloys. Science-Intensive Technologies in Mechanical Engineering, 2022, no. 11, pp. 8–15. (In Russian)

8. Syanov, S. Yu. Technological provision of machine wear resistance by electrodischarge machining. Science-Intensive Technologies in Mechanical Engineering, 2020, no. 12, pp. 18–21. (In Russian)

9. Tamarkin, M.A., Tishchenko, E.E., Khashash, O. Optimisation of part strengthening treatment using an oscillatory tool. Transport Mashinostroenie, 2023, no. 5, pp. 26–38. (In Russian)

10. Fominov, E.V., Shuchev, K. G. Thermodynamic foundations for selecting rational regimes in blade machining with high-speed steel tools. In: Fundamental Principles of Physics, Chemistry and Mechanics of High-Tech Shaping and Assembly Systems: Proc. Sci. Symp. of Mechanical Engineering Technologists. DSTU, Rostov-on-Don, 2021, pp. 207–212. (In Russian).

DOI 10.34660/INF.2026.69.81.201

ДИАГНОСТИКА ТОЧКИ БЕЗУБЫТОЧНОСТИ В УПРАВЛЕНИИ ПРОДАЖАМИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Лытнева Наталья Алексеевна
доктор экономических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Кыштымова Евгения Александровна
кандидат экономических наук, доцент
Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина

Аннотация. *В статье рассмотрены методические подходы к анализу точки безубыточности, значение ее прогнозирования для принятия обоснованных управленческих решений по изменению продаж. Представлен пример расчета и анализа точки безубыточности, величина которой позволяет определить минимальный объем продаж, необходимый для покрытия всех издержек, что является основой для планирования и оптимизации производственных процессов, ценовой политики и стратегии сбыта.*

Ключевые слова: *прибыль, продажи, точка безубыточности, издержки, управление, планирование, сбыт.*

В современной экономической среде, характеризующейся высокой динамичностью и конкуренцией, вопросы эффективного управления прибылью, повышения рентабельности и прогнозирования безубыточности являются ключевыми для обеспечения финансовой устойчивости и стратегического развития организации [2]. Прибыль, как основной показатель результативности деятельности, служит не только индикатором успешности, но и фундаментом для дальнейших инвестиций, инноваций и расширения бизнеса. Рентабельность, в свою очередь, отражает эффективность использования ресурсов и капитала, позволяя оценить конкурентоспособность предприятия на рынке.

Недостаточная проработка вопросов анализа прибыли, рентабельности и прогнозирования безубыточности может привести к неэффективному использованию ресурсов, снижению конкурентоспособности и, в конечном итоге, к финансовым затруднениям. В этой связи, глубокое и всестороннее

исследование данных аспектов, разработка и применение современных методов анализа и прогнозирования приобретают особую актуальность для обеспечения устойчивого развития организации и повышения ее финансовой эффективности.

Особое значение приобретает диагностика безубыточности бизнеса, под которой понимают такое состояние компании, при котором доходы от реализованной продукции или оказанных услуг полностью покрывают все понесенные затраты, не принося при этом ни прибыли, ни убытков. Это критическая точка, которая определяет минимальный объем продаж, необходимый для того, чтобы предприятие не уходило в убыток. Компании своевременно должны принимать решения по предотвращению возможной ситуации безубыточности, правильно планировать и контролировать не только формирование финансовых результатов, но и устойчивое положение организации.

Концептуальное изучение точки безубыточности считается методическим инструментом, используемым чаще всего в управленческом учете, как CVP-анализ (Cost–Volume–Profit). Посредством CVP-анализа определяют возможные допустимые границы по снижению уровня деловой активности компании без возникновения угрозы получения убытков по результатам бизнеса.

Для исследования и прогнозирования будущих результатов существует различное множество методов анализа безубыточности. Один из таких методов – графический, который предполагает построение графика зависимости затрат и доходов от объема производства. На графике отображаются линии постоянных и переменных затрат, а также линия выручки. Точка пересечения линии выручки с линией суммарных затрат (постоянные + переменные) и является точкой безубыточности. Графический метод наглядно демонстрирует взаимосвязь между объемом производства, затратами и прибылью, позволяя визуально оценить зону прибыльности и убыточности компании. При возникновении ситуации, когда точка показателя выручки окажется на графике ниже значения точки безубыточности, то следствием этого является деятельность компании, осуществляемая в убыток. Наоборот, если значения меняются местами, то превышение выручки, над точкой безубыточности приведет к получению прибыли.

Возникновение безубыточности характеризуют в литературных источниках, как «нулевая точка» или «нуль бизнеса». Такая ситуация возможна при отсутствии у компании расходов и неполучении доходов, то есть возникает ситуация выхода компании по итогам отчетного периода в ноль.

Любая, возникшая ситуация, связанная с безубыточностью должна подвергаться всестороннему анализу, с целью выявления причин, которые привели к ее возникновению. Альтернативным подходом является расчетно-аналитический метод, предусматривающий расчет ожидаемой

точки безубыточности по определенной формуле. В расчет принимаются постоянные затраты и величина маржинального дохода на единицу продукции (цена на реализацию единицы выпущенной продукции за минусом суммы переменных затрат на единицу к выпущенной продукции), определяется соотношение между этими показателями. Исчисленное значение характеризует объём продаж выпущенной продукции в натуральных показателях, который должен быть получен для достижения безубыточности. Расчетно-аналитический метод позволяет быстро и точно определить точку безубыточности, а также оценить влияние различных факторов на ее изменение. При этом под величиной постоянных затрат следует понимать сумму затрат, которые остаются неизменными при изменении выручки, то есть их величина не зависит от изменения показателя выручки, полученной от продажи выпущенной продукции. К таким расходам можно отнести аренду, амортизационные отчисления, сумму управленческих расходов.

Что касается переменных затрат, то к ним относятся расходы, которые не только участвуют в формировании себестоимости выпускаемой продукции, но и зависят от величины полученной выручки за реализованную продукцию [1]. В состав таких расходов следует отнести стоимость материалов и расходы на их доставку, заработную плату производственных рабочих и другие. Поэтому для расчета маржинального дохода в расчет принимается показатель выручки и сумма переменных затрат, разница между ними составит полученный доход. Сущность маржинального дохода заключается в покрытии постоянных затрат и формировании конечного финансового результата в виде прибыли.

Используя коэффициентный анализ можно исчислить значение коэффициента маржинального дохода [5], как отношение величины маржинального дохода к сумме полученной выручки за анализируемый период. Тем самым, можно определить долю выручки от продажи готовой продукции, которая участвует в формировании маржинального дохода. Расчет коэффициента маржинального дохода необходим для оценки точки безубыточности компании в денежном выражении, которая определяется, как отношение суммы постоянных затрат и коэффициента маржинального дохода.

Для диагностики точки безубыточности можно расчет осуществлять, как по количеству продукции, так и по объему полученной выручки компанией. Исчисленный показатель позволяет определить минимальный объем продаж, необходимый для покрытия всех издержек, и является основой для принятия стратегических решений в области ценообразования, управления затратами, планирования объемов производств, а также является важным инструментом для оценки финансовой устойчивости и эффективности деятельности компании.

Результаты проведенного маржинального анализа безубыточности служат для оценки финансовой безопасности компании по следующим позициям [4]:

– для расчета запаса финансовой прочности компании, посредством вычитания из фактически полученной выручки, по итогам отчетного года и показателя выручки, полученной при расчете точки безубыточности, величина которой характеризует предельную допустимую возможность сокращения объёма продаж компании до возникновения ситуации перехода в зону убытков;

– для исчисления коэффициента запаса финансовой прочности, который представляет отношение запаса финансовой прочности компании к фактически полученной выручке по итогам отчетного года, умноженное на 100 %; предельным значением считается коэффициент в интервале не ниже 10–15 %;

– для исчисления операционного рычага, который характеризуется отношением величины маржинального дохода к показателю прибыли от продажи продукции (оказания услуг или выполнения работ), он отражает процент изменения суммы прибыли от изменения выручки компании на один процент.

Практическая апробация расчетно-аналитического метода оценки точки безубыточности компании осуществлена на производственной компании ООО «Керама Марации». Источником информации служит Отчет о финансовых результатах компании, расчеты осуществлены по данным отчетности [3].

Для диагностики безубыточности исследуемого предприятия использована информация за три последних года. В составе постоянных расходов по данным Отчета о финансовых результатах приняты управленческие расходы, в качестве переменных затрат принимаются в расчет показатель себестоимости и сумма коммерческих расходов. Показатель выручки принят, как выручка-нетто, без учета налогов с продаж (таблица 1).

Таблица 1 – Исходные данные для оценки точки безубыточности компании, руб.

Показателя	2023 год	2024 год	2025 год	Темп роста к 2024 г.,%
1.Выручка от реализации продукции	22467067,0	25253527,0	25885757,0	102,5
2. Себестоимость реализованной продукции	17030217,0	18165114,0	18928556,0	104,2
3.Величина коммерческих расходов	1758381,0	1 954710,0	1833799,0	93,8
4. Величина управленческих расходов (постоянные расходы)	400497,0	423775	420417,0	99,2
5. Сумма переменных затрат (стр.2+ стр.3)	18788598,0	20119824,0	20762355,0	103,2
6. Маржинальный доход (стр.1- стр.5)	3678469,0	5133703,0	5123402,0	99,8

Показателя	2023 год	2024 год	2025 год	Темп роста к 2024 г.,%
7. Коэффициент маржинальной прибыли (стр.6/ стр.1)	0,1637	0,2033	0,1979	97,3
8. Точка безубыточности (стр.4/ стр.7)	2446530	2084481,0	2124391,0	101,9
9. Значение запаса финансовой прочности (стр.1- стр.8)	20020537,0	23169046	23761366	102,6
10. Коэффициент запаса финансовой прочности (стр.9/ стр.11*100)	89,1	91,7	91,8	100,1
11. Прибыль от продажи	3277972,0	4731390,0	4702985,0	99,4
12. Значение операционного рычага (стр.6/ стр.11*100)	112,2	108,5	108,9	100,4

Данные таблицы свидетельствуют о том, что выручка производственного предприятия ежегодно увеличивается, что характеризует развитие производства продукции. В 2025 году она составила 25885757,0 тыс. руб., что по отношению к прошлому году составило 102,5%. Вместе с тем, наблюдается снижение прибыли от продажи продукции, если в 2024 году она составляла 4731390,0 тыс. руб., то в отчетном году составила 4702985,0 тыс. руб., что на 0,6% ниже прошлого года. На снижение прибыли от продаж повлиял рост себестоимости выпущенной и реализованной продукции. В 2024 году показатель себестоимости был равен 18165114,0 тыс. руб., а в отчетном 2025 году его сумма возросла до 18928556,0 тыс. руб., темп роста составил 104,5%.

Точка безубыточности ООО «Керама Марацци» в 2025 году возросла по сравнению с 2024 годом (с 2084481,0 тыс. руб. до 2124391,0 тыс. руб.), это означает, что компании требуется больший объем выручки для покрытия всех своих затрат и достижения безубыточности. Увеличение точки безубыточности связано с снижением маржинальной прибыли, что в свою очередь обусловлено ростом выручки и более эффективным управлением переменными затратами. В 2025 году компания стала работать эффективнее, так как для покрытия всех расходов ей нужно использовать меньше выручки, чем в предыдущем году, сумма маржинального доходам в 2025 году составила 5123402,0 тыс. руб.

По сумме управленческих и коммерческих расходов наблюдается снижение, так управленческие расходы, характеризуемые, как постоянные затраты снижение произошло на 0,8%, их сумма в 2025 голу составила 420417,0 тыс. руб. вместе с тем, несмотря на снижением коммерческих расходов, совокупные переменные расходы возросли, отрицательно повлияли на величину прибыли от продажи и сумму маржинального дохода. Маржинальный доход изменялся неоднозначно, в 2024 году в сравнении с 2023 году он возрос, а в 2025 году снизился и составил 5123402,0 тыс. руб.

Ситуация с точкой безубыточности не является положительной, ее сумма возросла с 2084481,0 тыс. руб. до 2124391,0 тыс. руб. прирост составил

1,9%. Это означает, что в 2025 году потребуется больше денежных средств для покрытия, то есть больше полученной выручки. Сложившаяся ситуация обоснована ростом себестоимости продукции в составе переменных затрат и снижением коэффициента маржинального дохода.,

Запас финансовой прочности в 2025 году составил 23761366 тыс. руб., прирост составил 3,6% к 2024 году. Коэффициент запаса финансовой прочности вырос всего лишь на 0,1%, что означает, что выручка компании может снизиться примерно на 0,1% прежде, чем деятельность окажется убыточной на операционном уровне. Нормативное значение коэффициента запаса финансовой прочности составляет не менее 10–15%, для ООО «Керама Марацци» показатель 91,8% существенно превышает ориентир, что свидетельствует о высокой устойчивости операционной деятельности к возможному падению спроса на выпущенную и реализуемую продукцию.

Графическая интерпретация CVP-анализа представлена на рисунке 1. График безубыточности позволяет визуально оценить положение точки безубыточности относительно фактической выручки и проследить динамику зоны финансовой прочности за три года.

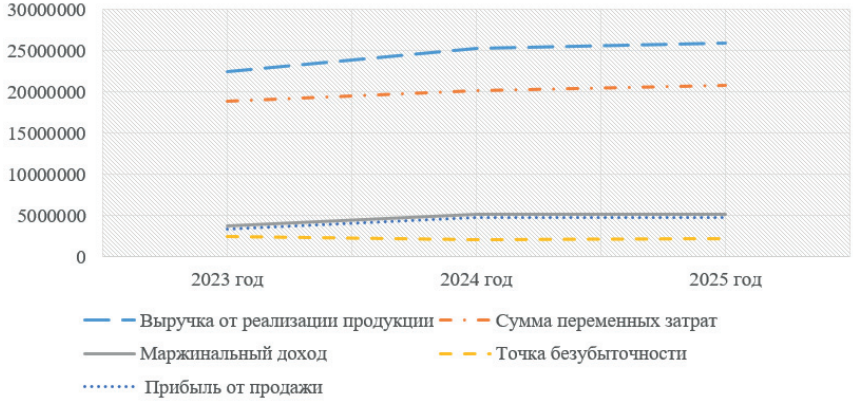

Рисунок 1 – График безубыточности ООО «Керама Марацци»

В сопоставлении с 2024 годом точка безубыточности изменилась на 1,9%. При этом выручка за тот же период выросла на 2,5%. Это говорит о том, что порог рентабельности рос медленнее выручки, что обеспечило расширение зоны безопасности.

Операционный рычаг в 2025 году составил 108,9%, увеличение по отношению к 2024 г. составило 0,4%. Увеличение операционного рычага свидетельствует о повышении операционного риска: при изменении выручки на 1% прибыль

от продаж теперь изменяется в сторону снижения на 8,9%, тогда как в 2024 году на 8,5%. Иными словами, компания стала более чувствительной к колебаниям выручки. Обосновано это за снижения прибыли от продаж по сравнению с маржинальным доходом темпами роста себестоимости пролукции.

Таким образом, диагностика безубыточности ООО «Керама Марацци» за 2023–2025 годы демонстрирует противоречивую, но в целом управляемую картину: постоянные затраты снижаются, снижение маржинального дохода рост переменных затрат обеспечивают рост точки безубыточности. Зона финансовой безопасности снижается, а операционный риск увеличивается.

Рисунок 1 наглядно демонстрирует, что на протяжении всего анализируемого периода выручка ООО «Керама Марацци» устойчиво превышает точку безубыточности. Зона финансовой прочности (расстояние между линией фактической выручки и точкой пересечения с суммарными затратами) в 2025 году составила 23761366 тыс. руб., что соответствует коэффициенту 91,8% и является наилучшим значением за три года.

Для удачного развития компании важно управлять переменными расходами, оптимизировать производство и расширять каналы сбыта чтобы увеличить прибыль. Эффективное управление затратами содержит в себя сокращение расходов, внедрение свежих технологий и оптимизацию логистики. Прогнозирование безубыточности и оценка перспектив финансовой устойчивости организации требуют применения комплекса специализированных аналитических инструментов. В отличие от ретроспективной диагностики, рассмотренной в предыдущих параграфах, прогнозный анализ опирается на ряд методов, каждый из которых имеет собственную логику применения, допущения и аналитическую ценность. Для ООО «Керама Марацци» целесообразно использование четырёх взаимодополняющих инструментов: сценарного анализа, анализа чувствительности, трендового прогнозирования и динамической модели Дюпона как инструмента управления рентабельностью. Данные инструменты не заменяют, а дополняют друг друга: каждый отвечает на свой вопрос и работает на определённом горизонте планирования.

В целях улучшения ситуации следует повысить производственные мощности и внедрить новые спецтехнологии для укрепления позиций компании на рынке и возрастания конкурентоспособности, а также необходимо выпускаемой продукции привлечет свежих клиентов и увеличит доходы компании;

– развитие сети интернет-торговли способствующей расширению рынка и понижению расходов на обслуживание продажи готовой продукции;

– укрепление бренда, что позволит компании удерживать конкурентные позиции и сформировывать стабильный поток заказов;

– развитие контент-менеджмента. Публикации полезных статей и ведение веб-сайта, повысит доверие к бренду и привлечёт свежих потребителей.

– обучение персонала, квалифицированные и мотивированные работники – это ключевой фактор успеха каждый компании

Литература:

1. Боброва, Е. А. Управление затратами в системе стратегического менеджмента Организаций АПК/ Е. А. Боброва, Е. А. Кыштымова // Стратегия развития учетно-аналитических и контрольных систем в механизме управления современными бизнес-процессами коммерческих организаций. Международный экономический форум «Бакановские чтения». 2014.– С. 111–114.

2. Головина Т. А. Современные модели принятия стратегических и тактических решений в системе функционирования промышленной государственной корпорации как бизнес-партнера / Т. А. Головина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2–1. С. 27–35. EDN: WCAGIB

3. Парушина, Н. В. Формирование и использование показателей бухгалтерской отчетности организаций в управлении и экономическом анализе / Н. В. Парушина, О. В. Губина, М. В. Калабухина // Экономическая среда.– 2016.– № 1.– С. 6–13. EDN: WMAUQJ

4. Смирнова, Л. И. Маржинальный анализ: управление уровнем безубыточного производства, конкурентная величина. // Смирнова Л. И., Богославцева В. В. В сборнике: Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления. Материалы XV международной научно-практической конференции. Курск, 2020. С. 338–342

5. Смирнова, Л. И. Анализ безубыточности деятельности организации/ Л. И. Смирнова, О. В. Тахумова, А. А. Даниленко, А.В. // ЕГИ. 2022. № 4 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-bezubytochnosti-deyatelnosti-organizatsii

DOI 10.34660/INF.2026.70.49.154

EVALUATING FINANCIAL MANAGEMENT, FINANCIAL STABILITY, AND BANKRUPTCY RISK: EVIDENCE FROM VEOLIA JUR CLOSED JOINT-STOCK COMPANY

Gyulasaryan Mikayel Rafayel
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Parvanyan Consulting LLC, Head of Research and Analytical Department,
Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0005–4234–1377
Matevosyan Ashot Varazdat
Doctor of Economic sciences, Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0000–0003–1741–0172
Matevosyan Mane Henrik
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0001–3529–5174
Mkrtchyan Diana Arthur
Undergraduate student
Armenian State University of Economics

Abstract. *This study provides a comprehensive assessment of the financial management and financial stability of* ***Veolia Jur Closed Joint-Stock Company****, the largest water supply operator in Armenia. The primary objective of the research is to analyze the company's financial statements for the period 2021–2024, identify key financial risks, and evaluate the probability of financial distress within the context of public utility infrastructure management.*

The study employs a combination of financial ratio analysis, including Return on Equity (ROE), Return on Assets (ROA), and the Weighted Average Cost of

Capital (WACC), together with SWOT analysis and internationally recognized bankruptcy prediction models. Specifically, the analysis incorporates the Altman two-factor and five-factor models, the Lis model, and the Taffler model to assess the company's financial sustainability and bankruptcy risk.

The empirical findings indicate that the company operates with a relatively high level of financial leverage and a substantial reliance on debt financing, which adversely affects its return on assets. Nevertheless, the results obtained from the Lis and Taffler models suggest that the company maintains a satisfactory level of financial stability, primarily attributable to its dominant market position, regulated operating environment, and stable revenue base. Based on the findings, the study proposes several strategic recommendations aimed at strengthening the company's long-term financial sustainability. These include the implementation of smart metering technologies to improve operational efficiency, the installation of solar photovoltaic systems to reduce energy costs, the development of an integrated mobile application to enhance customer service and digital interaction, and the refinancing of high-cost debt through the issuance of green bonds to optimize the capital structure and lower financing costs.

Keywords: *Veolia Jur; financial management; working capital; financial stability; profitability; capital structure; bankruptcy risk.*

1. **Introduction**

The provision of safe drinking water and wastewater services represents one of the fundamental public utility functions supporting economic development, environmental sustainability, and public health. Because water utilities operate critical infrastructure with long service lives and substantial capital requirements, maintaining financial sustainability has become a strategic priority for governments, regulators, and utility managers. Sound financial management enables utility companies to ensure uninterrupted service delivery, finance infrastructure modernization, and improve operational resilience under increasing economic and environmental pressures **[22]**.

Financial sustainability in public utility enterprises depends primarily on effective capital structure management, efficient working capital allocation, and continuous monitoring of financial risks. Corporate finance theory emphasizes that an appropriate balance between equity and debt financing minimizes the weighted average cost of capital while preserving liquidity and long-term solvency **[4; 5; 14–17; 19]**. Likewise, efficient working capital management improves cash-flow stability, reduces financing costs, and enhances operational efficiency, thereby contributing to sustainable financial performance **[6; 8; 9; 13; 20]**.

The assessment of financial stability is particularly important in regulated utility sectors, where organizations operate under substantial investment obligations,

regulated tariff systems, capital-intensive infrastructure, and strict environmental standards. Unlike firms operating in competitive markets, water utility companies must simultaneously pursue financial sustainability and universal service provision while maintaining compliance with regulatory requirements. Consequently, evaluating their financial condition requires an integrated approach that combines profitability, liquidity, leverage, capital structure, and financial distress assessment rather than relying exclusively on traditional profitability measures **[22]**.

Financial distress prediction has become another essential component of corporate financial management because early identification of financial vulnerabilities enables managers and policymakers to implement corrective actions before financial instability becomes critical. Among the most widely applied quantitative approaches are the Altman bankruptcy prediction models and the Taffler model, which provide reliable analytical tools for evaluating corporate solvency and financial resilience **[1; 21]**.

The theoretical foundations of capital structure management have evolved considerably since the seminal work of Modigliani and Miller **[14; 15]**. Subsequent developments – including the Trade-off Theory, the Pecking Order Theory, and Agency Theory – demonstrate that financing decisions significantly influence corporate value, financial flexibility, and long-term sustainability **[7; 11; 12; 16–18]**. Recent empirical studies further emphasize that financial sustainability depends on the integrated management of capital structure, liquidity, and solvency rather than on isolated financial indicators **[2; 3; 10]**.

Despite the extensive literature on capital structure, working capital management, and bankruptcy prediction, relatively limited empirical research has examined the financial sustainability of public water utilities operating in emerging economies through an integrated financial management framework. Most previous studies focus either on corporate finance in competitive industries or on operational aspects of water utilities, whereas fewer investigations simultaneously evaluate capital structure, profitability, liquidity, financial leverage, and bankruptcy risk within a unified analytical framework. This research gap is particularly relevant for regulated public utility companies whose financial sustainability directly affects national infrastructure reliability and the quality of essential public services.

In Armenia, **Veolia Jur Closed Joint-Stock Company** serves as the country's principal water supply and wastewater operator, providing services to the majority of the population. Owing to its natural monopoly position and strategic role in national infrastructure, the company's financial sustainability has important implications not only for corporate performance but also for public policy, regulatory effectiveness, and sustainable infrastructure development.

Accordingly, the objective of this study is to evaluate the financial management efficiency and financial sustainability of Veolia Jur CJSC using

financial statement data for the period **2021–2024**. The empirical analysis examines capital structure, profitability, liquidity, financial leverage, and the weighted average cost of capital (WACC), together with internationally recognized bankruptcy prediction models, including the Altman two-factor model, Altman five-factor model, Lis model, and Taffler model.

The study contributes to the literature in three principal ways. **First**, it provides one of the few integrated financial assessments of a national water utility operating in an emerging economy by combining capital structure analysis, financial performance evaluation, and bankruptcy prediction within a unified analytical framework. **Second**, it extends previous research by jointly examining profitability, liquidity, leverage, and financial sustainability in a regulated public utility environment. **Third**, it offers practical recommendations that may support corporate financial management, regulatory decision-making, and long-term infrastructure sustainability in the water supply and wastewater sector.

2. **Research Methodology**

This study is grounded in the theoretical and methodological framework of corporate finance and applies a comprehensive set of financial analysis techniques and quantitative methods widely used in the assessment of corporate financial performance and financial sustainability. The methodological approach integrates traditional financial statement analysis with internationally recognized bankruptcy prediction models to provide a comprehensive evaluation of the financial management practices of Veolia Jur Closed Joint-Stock Company (CJSC).

The empirical analysis is based on the company's audited financial statements for the period 2021–2024, including the Statement of Financial Position, Statement of Profit or Loss and Other Comprehensive Income, Statement of Cash Flows, Statement of Changes in Equity, and the accompanying notes to the financial statements. These data provide the basis for evaluating the company's capital structure, profitability, liquidity, financing policy, and overall financial stability.

To achieve the research objectives, several complementary analytical methods were employed.

Comprehensive financial analysis was applied to examine the company's financial position as an integrated system. This approach enabled the assessment of the interrelationships among profitability, liquidity, solvency, capital structure, and financing decisions, thereby providing a holistic evaluation of the company's financial management effectiveness.

Comparative analysis was used to evaluate changes in the company's financial performance over the 2021–2024 period. In addition, selected operational and financial indicators of Veolia Jur CJSC were compared with publicly available information on Veolia Group, allowing an assessment of the Armenian subsidiary within the broader context of the parent company's operational scale and financial performance.

Horizontal and vertical financial statement analysis was employed to investigate both the dynamics and structural composition of the company's financial position. Horizontal analysis measured year-to-year changes in individual financial statement items, while vertical analysis evaluated the relative proportions of assets, liabilities, and equity, thereby identifying structural shifts in the company's financial resources and financing sources.

Financial ratio analysis constituted one of the principal analytical tools of the study. Key performance indicators were calculated to evaluate profitability, financial efficiency, and capital management, including Return on Equity (ROE), Return on Assets (ROA), the Weighted Average Cost of Capital (WACC), and the Financial Leverage Effect (FL). These indicators were used to assess the efficiency of resource utilization, the effectiveness of financing decisions, and the company's capacity to generate returns while maintaining financial stability.

To complement the quantitative assessment, a SWOT analysis was conducted to identify the company's internal strengths and weaknesses, as well as the external opportunities and threats affecting its long-term development. This strategic analysis facilitated the formulation of practical recommendations aimed at improving financial sustainability and operational performance.

Finally, the probability of financial distress was assessed using several internationally recognized multivariate bankruptcy prediction models, which remain among the most widely applied tools in corporate financial risk analysis. Specifically, the study employed:

- Altman's Two-Factor Model;
- Altman's Five-Factor Z-Score Model;
- Lis Four-Factor Model; and
- Taffler's Bankruptcy Prediction Model.

The simultaneous application of multiple bankruptcy prediction models enhances the robustness and reliability of the assessment by allowing comparison across different methodological frameworks. Given the specific characteristics of regulated public utility companies – particularly their capital-intensive infrastructure, stable operating cash flows, and regulated revenue structure – the combined use of financial ratio analysis, strategic assessment, and bankruptcy prediction models provides a comprehensive evaluation of the company's financial condition and long-term sustainability. This integrated methodological framework ensures a balanced assessment of both operational performance and financial resilience, while reducing the limitations associated with reliance on a single analytical technique.

3. Literature Review

Financial management constitutes one of the fundamental pillars of corporate finance because it determines an organization's ability to maintain profitability, liquidity, solvency, and long-term financial sustainability. Across both private

and public utility sectors, effective financial management requires an optimal combination of financing decisions, efficient resource allocation, and continuous monitoring of financial risks. Consequently, capital structure optimization, working capital management, and financial distress prediction remain among the most extensively investigated topics in contemporary financial research [4; 5].

The theoretical foundations of capital structure originate from the seminal work of Modigliani and Miller, who demonstrated that, under perfect capital market assumptions, corporate value is independent of financing decisions [14]. Their subsequent study incorporated corporate taxation into the framework and established the tax advantage of debt financing, thereby laying the foundation for modern capital structure theory [15].

Building upon these contributions, Kraus and Litzenberger developed the Trade-off Theory, according to which firms determine their optimal leverage by balancing the tax benefits of debt against the expected costs of financial distress [12]. Myers subsequently introduced the Capital Structure Puzzle, arguing that no single theoretical framework adequately explains corporate financing behavior [16]. Expanding this perspective, Myers and Majluf proposed the Pecking Order Theory, which suggests that firms generally prefer internally generated funds, followed by debt financing, while equity issuance represents the least preferred financing alternative because of information asymmetry [17].

Agency theory has also made an important contribution to financial management research. Jensen and Meckling demonstrated that financing decisions are influenced by conflicts of interest among managers, shareholders, and creditors. Although moderate leverage may reduce agency costs by improving managerial discipline, excessive borrowing increases financial distress risk and may adversely affect long-term corporate performance [11].

Contemporary corporate finance literature emphasizes that financing decisions should not be evaluated independently from corporate performance. Comprehensive studies show that an optimal capital structure simultaneously enhances shareholder value, financial flexibility, and organizational resilience while reducing the weighted average cost of capital [4, pp. 745–758; 5, pp. 518–535; 19, pp. 462–489].

Empirical research has identified several robust determinants of corporate financing decisions. Rajan and Zingales demonstrated that firm size, profitability, asset tangibility, and institutional characteristics significantly influence leverage decisions across countries [18]. Similarly, Frank and Goyal confirmed that profitability, asset structure, firm size, and market conditions consistently explain variations in corporate capital structures [7].

Working capital management represents another essential component of financial sustainability. Efficient management of inventories, accounts receivable,

accounts payable, and cash resources contributes directly to liquidity, operational continuity, and profitability. Gitman, Juchau, and Flanagan emphasize that maintaining an optimal level of working capital enables firms to minimize financing costs while supporting uninterrupted business operations [9].

A substantial body of empirical evidence confirms the relationship between working capital management and financial performance. Shin and Soenen demonstrated that shorter cash conversion cycles improve profitability by reducing the amount of capital tied up in operating activities [20]. Likewise, Deloof reported that efficient management of inventories, receivables, and payables significantly enhances corporate profitability [6]. Similar conclusions were reached by Lazaridis and Tryfonidis, who identified a statistically significant inverse relationship between the cash conversion cycle and profitability among firms listed on the Athens Stock Exchange [13]. Gill, Biger, and Mathur further showed that efficient working capital management positively affects profitability across industries, although the magnitude of this relationship varies depending on industry characteristics [8].

Recent studies have increasingly adopted integrated approaches to financial sustainability by jointly considering profitability, liquidity, solvency, and financing policy. Baboyan argues that long-term financial stability depends primarily on achieving an optimal balance between equity and borrowed capital while preserving sufficient financial flexibility to withstand external shocks [2]. Extending this perspective, Baboyan demonstrates that liquidity indicators should be evaluated together with capital structure because sustainable financial performance requires simultaneous optimization of solvency, liquidity, and financing policy rather than maximization of individual financial ratios [3].

The growing importance of cash-flow-based financial analysis has further expanded the traditional understanding of corporate financial sustainability. Gyulasaryan, Matevosyan, Grigoryan, and Matevosyan proposed a solvency assessment framework based on operating cash flows, demonstrating that cash-flow indicators provide additional information regarding long-term financial resilience beyond conventional balance-sheet measures [10]. Although their empirical analysis focuses on technology service companies, the conceptual implications are equally relevant for infrastructure-intensive public utility enterprises, where stable operating cash flows are essential for maintaining operational continuity and financial sustainability.

Financial distress prediction remains another important research direction within corporate financial management. Altman's Z-score model continues to be one of the most widely applied multivariate techniques for assessing bankruptcy risk and identifying early warning signals of financial instability [1]. Subsequent developments by Taffler further improved multivariate prediction methodologies

through the incorporation of additional financial indicators reflecting liquidity, profitability, and operating efficiency [21]. These models remain internationally recognized instruments for evaluating corporate financial stability across industries and institutional environments.

Despite the extensive international literature on capital structure, working capital management, and financial distress prediction, relatively limited empirical evidence exists regarding regulated public utility companies operating in emerging economies. Water utilities differ substantially from conventional commercial enterprises because they operate under natural monopoly conditions, require continuous long-term infrastructure investment, and function within regulated pricing systems. These characteristics create unique financial management challenges that cannot be fully explained by evidence derived from manufacturing or purely commercial sectors [22].

Accordingly, the present study contributes to the existing literature by providing a comprehensive assessment of the financial management efficiency and financial sustainability of Veolia Jur Closed Joint-Stock Company. By integrating financial ratio analysis, capital structure evaluation, profitability assessment, SWOT analysis, and internationally recognized bankruptcy prediction models within a unified analytical framework, the study extends previous research on financial sustainability in regulated public utility enterprises and provides practical recommendations for improving long-term financial resilience and strategic financial management.

4.Results and Discussion

4.1. Company Profile and Financial Development

Veolia Jur Closed Joint-Stock Company is the Armenian subsidiary of **Veolia Group**, one of the world's leading multinational corporations in water, waste, and energy management. Since 1 January 2017, the company has operated Armenia's national water supply and wastewater system under a 15-year concession agreement with the Government of the Republic of Armenia. As the sole national water operator, the company possesses the characteristics of a natural monopoly, serving 46 urban communities, 334 rural settlements, and providing wholesale water services to an additional 65 communities. Overall, approximately 810 thousand customers receive services through the company's nationwide infrastructure.

The analysis of the audited financial statements for 2021–2024 indicates continuous expansion of business operations accompanied by structural changes in the company's financial position. Total assets increased from AMD 49.43 billion in 2021 to AMD 63.51 billion in 2024, representing approximately 28.5% cumulative growth. This expansion primarily reflects continued investment in infrastructure modernization, concession-related assets, and network development. Simultaneously, net sales revenue increased from AMD 24.28 billion to AMD 31.38 billion, confirming the stability of operating activities and increasing service demand.

Cash and cash equivalents also demonstrated positive dynamics, increasing from AMD 7.98 billion to AMD 12.89 billion during the study period. From a liquidity perspective, this represents an important positive signal because higher cash reserves improve operational flexibility and reduce short-term financing pressure. However, the simultaneous increase in trade receivables – from AMD 5.31 billion to AMD 8.29 billion – indicates that part of the company's revenue growth has been accompanied by slower cash collection, thereby increasing working capital requirements.

4.2. Working Capital Management

Working capital management constitutes one of the most important determinants of financial sustainability for utility companies because uninterrupted service provision requires continuous financing of current operations.

As presented in Table 1, current assets increased steadily throughout the study period, reaching AMD 24.02 billion in 2024. Nevertheless, current liabilities grew at an even faster pace, increasing to AMD 19.55 billion. Consequently, net working capital declined substantially from AMD 3.80 billion in 2022 to only AMD 335 million in 2024.

The deterioration in net working capital does not necessarily indicate immediate liquidity distress because public utility companies generally maintain relatively predictable operating cash inflows under regulated tariff systems. Nevertheless, declining internally financed working capital increases dependence on short-term liabilities and reduces financial flexibility.

An additional indication of weakening operational efficiency is the increase in working capital turnover from 237.3 days in 2021 to 275.6 days in 2024. Longer operating cycles imply that financial resources remain tied up within inventories, receivables, and other operating assets for extended periods before being converted into cash. Similar findings regarding the adverse effects of prolonged working capital cycles have been reported by Deloof (2003) and Lazaridis and Tryfonidis (2006), who demonstrated that inefficient working capital management negatively affects corporate financial performance.

4.3. Profitability and Capital Structure

The company's financial performance was further evaluated using Return on Equity (ROE), Return on Assets (ROA), Financial Leverage (FL), and the Weighted Average Cost of Capital (WACC).

ROE exhibited considerable variation during the observation period. After reaching an exceptionally high value of 103% in 2022, it declined to 28.8% in 2023 and further to 8.75% in 2024. Although this downward trend may initially appear unfavorable, it is primarily explained by the rapid increase in shareholders' equity resulting from accumulated retained earnings rather than deterioration in operating profitability. Therefore, the declining ROE reflects capital base expansion instead of reduced corporate performance.

ROA remained consistently low throughout the period, fluctuating between 0.39% and 1.04%, with a value of only 0.57% in 2024. Such relatively modest profitability is typical for infrastructure-intensive public utilities because these companies operate extremely large asset bases while generating regulated returns under concession agreements.

Financial leverage remained high throughout the study period. The company continues to rely substantially on borrowed capital to finance long-term infrastructure investments. Despite elevated leverage, interest expenses remain manageable, while WACC has remained remarkably stable within the narrow interval of 8.0–8.2%. Stable financing costs indicate that existing debt obligations have not yet created excessive financial pressure despite the relatively high debt burden.

Overall, the profitability analysis suggests that Veolia Jur maintains acceptable financial performance despite operating under the inherent financial constraints characteristic of regulated public utility enterprises.

4.4. SWOT Analysis

The SWOT analysis provides a strategic interpretation of the company's financial position by integrating internal capabilities with external environmental factors.

The company's principal strengths include its legally protected natural monopoly position, long-term concession agreement with the Government of Armenia, extensive support from the international Veolia Group, stable demand for essential public services, and nationwide infrastructure coverage.

Conversely, several structural weaknesses continue to constrain financial performance. These include the aging water distribution network inherited from previous decades, relatively high technical and commercial water losses, significant dependence on debt financing, and increasing customer expectations regarding service quality.

From a strategic perspective, considerable opportunities exist for digital transformation through smart water management technologies, AI-based leakage detection systems, renewable energy investments, and green financing instruments. Simultaneously, external threats include strict tariff regulation, climate change, increasing water scarcity, public dissatisfaction, and continued exposure to financial leverage risks.

Overall, the SWOT analysis confirms that the company's future competitiveness will largely depend on technological modernization rather than conventional capacity expansion.

4.5. Bankruptcy Risk Assessment

To evaluate long-term financial sustainability, four internationally recognized bankruptcy prediction models were applied.

The Altman two-factor model generated negative Z-scores for 2021, 2023, and 2024, indicating a probability of financial distress below the critical threshold.

The exceptionally high positive score observed in 2022 resulted primarily from temporary structural changes in shareholders' equity rather than deterioration in operating performance.

By contrast, the classical Altman five-factor model consistently produced Z-scores below the conventional distress threshold of 1.23. At first glance, these findings suggest elevated bankruptcy risk. However, this result should be interpreted cautiously because the original Altman model was developed primarily for manufacturing companies operating in competitive markets rather than concession-based public utilities. Consequently, the model systematically penalizes firms characterized by high infrastructure investment and substantial long-term liabilities.

The limitations of the Altman model become evident when compared with the results obtained from the Liss and Taffler models. Throughout the entire observation period, the Liss model generated values above the critical threshold of 0.037, while the Taffler model consistently produced Z-scores substantially exceeding the safety benchmark of 0.30. These findings indicate that the company maintains satisfactory financial stability and faces a relatively low probability of financial failure.

The apparent discrepancy among bankruptcy models illustrates an important methodological issue frequently discussed in financial distress literature. Prediction models developed for manufacturing firms may underestimate the financial resilience of regulated infrastructure companies because they fail to account for monopoly market structures, concession agreements, predictable operating cash flows, and implicit governmental support.

Therefore, the overall evidence suggests that although Veolia Jur operates with a relatively leveraged capital structure, its stable revenue base, regulated operating environment, and consistent cash-generating capacity substantially mitigate bankruptcy risk.

4.6. Managerial Implications

Based on the empirical findings, several strategic recommendations can be proposed to further strengthen the company's financial sustainability.

First, the large-scale implementation of smart water meters would improve billing accuracy, accelerate receivable collection, reduce commercial water losses, and strengthen working capital management.

Second, artificial intelligence-based monitoring systems could substantially reduce technical water losses by identifying leaks at an early stage, thereby improving operational efficiency and increasing asset productivity.

Third, investments in photovoltaic power plants would reduce electricity expenditures associated with pumping operations and improve long-term operating profitability while supporting environmental sustainability objectives.

Fourth, refinancing expensive debt through Green Bond issuance would diversify financing sources, reduce borrowing costs, and optimize the company's weighted average cost of capital.

Finally, developing an integrated mobile customer platform would enhance payment collection efficiency, improve customer satisfaction, strengthen digital interaction with subscribers, and contribute to more stable operating cash flows.

Overall, these recommendations demonstrate that future improvements in Veolia Jur's financial performance are expected to arise primarily from technological innovation, digital transformation, and optimization of capital structure rather than from expansion of traditional physical infrastructure alone.

5.Conclusion

This study provides a comprehensive assessment of the financial management and financial stability of Veolia Jur Closed Joint-Stock Company, the sole water supply and wastewater operator in the Republic of Armenia, based on its audited financial statements for the period 2021–2024. The research integrates traditional financial statement analysis with strategic evaluation and internationally recognized bankruptcy prediction models to examine the company's capital structure, working capital management, profitability, liquidity, and long-term financial sustainability.

The empirical findings indicate that the company has experienced steady growth in both total assets and operating revenue throughout the study period, reflecting the continuous expansion of infrastructure investments and stable demand for public utility services. At the same time, the analysis reveals increasing pressure on working capital management. Although current assets have grown, net working capital declined significantly by 2024 due to the faster growth of current liabilities, suggesting increasing reliance on short-term financing and reduced financial flexibility.

Profitability analysis demonstrates that Return on Equity (ROE) has gradually decreased following its exceptionally high level in 2022, primarily because of the substantial expansion of shareholders' equity rather than deterioration in operating performance. Return on Assets (ROA) remained relatively low during the entire observation period, reflecting the capital-intensive nature of the water utility sector, where large investments in infrastructure generate comparatively modest accounting returns. Furthermore, the company continues to operate with relatively high financial leverage, indicating considerable dependence on borrowed capital despite maintaining a stable weighted average cost of capital (WACC).

The application of four internationally recognized bankruptcy prediction models provides important insights into the financial resilience of the company. While the classical Altman five-factor model classifies Veolia Jur within the financial distress zone because of its highly leveraged balance sheet, the Liss and Taffler models consistently indicate a low probability of bankruptcy throughout the study period. These findings suggest that conventional bankruptcy models

developed for manufacturing firms may underestimate the financial stability of regulated public utility companies. The company's natural monopoly position, stable operating cash flows, and long-term concession agreement substantially mitigate financial distress risk despite its relatively high debt burden.

The SWOT analysis further confirms that Veolia Jur possesses significant competitive advantages, including its exclusive market position, strong institutional support from Veolia Group, and predictable demand for essential public services. Nevertheless, the company continues to face structural challenges associated with aging infrastructure, high technical and commercial water losses, increasing customer expectations, and dependence on debt financing. These challenges require continuous modernization and improvements in financial management practices.

Based on the empirical results, the study proposes several strategic recommendations aimed at strengthening long-term financial sustainability. These include the large-scale implementation of smart water metering systems, deployment of artificial intelligence for leakage detection and network monitoring, investment in photovoltaic energy generation to reduce operating costs, refinancing through Green Bond issuance to optimize the capital structure, and the development of an integrated digital platform to improve customer service and accelerate cash collection. Collectively, these initiatives are expected to improve operational efficiency, reduce financing costs, strengthen working capital management, and enhance the overall financial resilience of the company.

The study contributes to the existing literature by integrating financial ratio analysis, strategic assessment, and multiple bankruptcy prediction models within the context of a regulated public utility operating under a concession framework. Unlike traditional studies focusing exclusively on profitability or solvency indicators, this research demonstrates that evaluating financial stability in infrastructure-intensive industries requires consideration of industry-specific institutional characteristics. Future research may extend the analysis by incorporating panel data from water utility companies operating in other countries, applying dynamic econometric models, or integrating environmental, social, and governance (ESG) indicators to assess the long-term sustainability of public infrastructure enterprises.

PARVANYAN CONSULTING" ACCOUNTING AND CONSULTING COMPANY provided its support in publishing the article.

References.

1. Altman, E. I. (1968). Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy. Journal of Finance, 23(4), 589–609.

2. Baboyan, K. L. (2023). Financial stability and capital structure optimization in commercial organizations. Journal of Economic Studies, 21(3), 140–158.

3. Baboyan, K. L. (2024). Assessment of solvency–liquidity relationship in food and meat producing organizations. Revista Amazonia Investiga, 13(82), 112–123. https://doi.org/10.34069/AI/2024.82.10.9

4. Brealey, R. A., Myers, S. C., & Allen, F. (2020). Principles of corporate finance (13th ed.). McGraw-Hill Education.

5. Brigham, E. F., & Ehrhardt, M. C. (2019). Financial management: Theory & practice (16th ed.). Cengage Learning.

6. Deloof, M. (2003). Does working capital management affect profitability of Belgian firms? Journal of Business Finance & Accounting, 30(3–4), 573–588. https://doi.org/10.1111/1468–5957.00008

7. Frank, M. Z., & Goyal, V. K. (2009). Capital structure decisions: Which factors are reliably important? Financial Management, 38(1), 1–37. https://doi.org/10.1111/j.1755–053X.2009.01026.x

8. Gill, A., Biger, N., & Mathur, N. (2010). The relationship between working capital management and profitability: Evidence from the United States. Business and Economics Journal, 2010(10), 1–9.

9. Gitman, L. J., Juchau, R., & Flanagan, J. (2015). Principles of managerial finance. Pearson Australia.

10. Gyulasaryan, M. R., Matevosyan, A. V., Grigoryan, A. Z., & Matevosyan, M. H. (2025). Cash-flow-based solvency assessment in technology service companies with SaaS revenue models: A case study of ServiceNow. Proceedings on Engineering Sciences, 7(3), 1713–1720. https://doi.org/10.24874/PES07.03.029

11. Jensen, M. C., & Meckling, W. H. (1976). Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. Journal of Financial Economics, 3(4), 305–360. https://doi.org/10.1016/0304–405X(76)90026-X

12. Kraus, A., & Litzenberger, R. H. (1973). A state-preference model of optimal financial leverage. The Journal of Finance, 28(4), 911–922. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1973.tb01415.x

13. Lazaridis, I., & Tryfonidis, D. (2006). Relationship between working capital management and profitability of listed companies in the Athens Stock Exchange. Journal of Financial Management and Analysis, 19(1), 26–35.

14. Modigliani, F., & Miller, M. H. (1958). The cost of capital, corporation finance and the theory of investment. American Economic Review, 48(3), 261–297.

15. Modigliani, F., & Miller, M. H. (1963). Corporate income taxes and the cost of capital: A correction. American Economic Review, 53(3), 433–443.

16. Myers, S. C. (1984). The capital structure puzzle. The Journal of Finance, 39(3), 575–592. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1984.tb03646.x

17. Myers, S. C., & Majluf, N. S. (1984). Corporate financing and investment decisions when firms have information that investors do not have. Journal of Financial Economics, 13(2), 187–221. https://doi.org/10.1016/0304–405X(84)90023–0

18. Rajan, R. G., & Zingales, L. (1995). What do we know about capital structure? Some evidence from international data. The Journal of Finance, 50(5), 1421–1460. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1995.tb05184.x

19. Ross, S. A., Westerfield, R. W., Jordan, B. D., Lim, J., & Tan, R. (2022). Fundamentals of corporate finance (13th ed.). McGraw-Hill Education.

20. Shin, H.-H., & Soenen, L. (1998). Efficiency of working capital management and corporate profitability. Financial Practice and Education, 8(2), 37–45.

21. Taffler, R. J. (1983). The assessment of company solvency and performance using a statistical model. Accounting and Business Research, 13(52), 295–308. https://doi.org/10.1080/00014788.1983.9729767

22. World Bank. (2017). The Status of Utility Performance in the Water and Sanitation Sector. World Bank. Altman, E. I. (1968). Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. The Journal of Finance, 23(4), 589–609. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1968.tb00843.x

DOI 10.34660/INF.2026.70.60.159

FINANCIAL AND ECONOMIC PERFORMANCE ASSESSMENT AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT PROSPECTS OF A STRATEGIC MINING ENTERPRISE: EVIDENCE FROM ZANGEZUR COPPER MOLYBDENUM COMBINE CJSC

Gyulasaryan Mikayel Rafayel
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Parvanyan Consulting LLC, Head of Research and Analytical Department,
Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0005–4234–1377
Matevosyan Ashot Varazdat
Doctor of Economic sciences, Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0000–0003–1741–0172
Matevosyan Mane Henrik
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0001–3529–5174
Asatryan Aida Arman
Undergraduate student
Armenian State University of Economics

Abstract. *This study provides a comprehensive assessment of the financial and economic performance of the Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC for the period of 2015–2024. The research aims to evaluate the company's financial condition, operational efficiency, liquidity position, capital structure, and prospects for sustainable long-term development.*

The study applies horizontal, vertical, and comparative financial analysis methods, along with the calculation of key profitability, business activity, liquidity, and financial stability indicators. To assess the probability of financial distress, internationally recognized bankruptcy prediction models were applied, including two Altman models, the R. Lis model, and the R. Taffler model. In addition,

a SWOT analysis was conducted to identify the company's internal strengths and weaknesses, as well as external opportunities and threats.

The results of the analysis indicate that Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC has maintained a strong production capacity and significant asset base throughout the analyzed period, demonstrating substantial revenue growth, particularly during 2021–2022. The improvement in profitability indicators was mainly driven by increased production volumes, favorable changes in global metal prices, and enhanced operational efficiency.

However, the analysis also revealed several challenges, including the need for improved working capital management, increasing production costs, environmental obligations, and the gradual decline in ore quality. The application of bankruptcy prediction models demonstrated a significant improvement in the company's financial position in recent years. While some models indicated elevated financial risks during earlier periods, the results for 2021–2024 generally classify the company as financially stable with a low probability of bankruptcy.

The SWOT analysis identified the company's major competitive advantages, including a strong mineral resource base, an integrated production cycle, and strategic importance for the Armenian economy. At the same time, environmental risks, logistical constraints, and the capital-intensive nature of mining operations were identified as key challenges.

The study recommends implementing technological modernization, digital transformation, ESG principles, advanced tailings management systems, circular water supply solutions, and expanded corporate social responsibility programs. These measures will contribute to strengthening the financial sustainability of Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC, enhancing its international competitiveness, and ensuring long-term sustainable development.

Keywords: *Zangezur Copper Molybdenum Combine; financial and economic analysis; financial sustainability; profitability; liquidity; business activity; capital structure; bankruptcy prediction models; SWOT analysis; mining industry; ESG; sustainable development; technological modernization.*

1.Introduction

The mining industry remains one of the most strategically important sectors of the global economy because it supplies critical raw materials required for industrial production, technological innovation, renewable energy systems, and the transition toward low-carbon economies. Among these resources, copper and molybdenum play an essential role in electrical infrastructure, energy storage technologies, transportation systems, and advanced manufacturing. Consequently, maintaining the financial sustainability and long-term competitiveness of mining enterprises has become a major concern for researchers, investors, and policymakers **[9; 11]**.

Mining companies operate under economic conditions that differ substantially from those of most manufacturing and service industries. Their activities are characterized by high capital intensity, large-scale fixed investments, long production cycles, commodity price volatility, environmental obligations, and increasing regulatory requirements. These factors simultaneously affect profitability, liquidity, financial stability, and investment risk, making comprehensive financial analysis an essential instrument for evaluating corporate sustainability and supporting strategic decision-making **[4; 8; 12]**.

Corporate financial performance is commonly assessed through integrated analysis of profitability, liquidity, solvency, leverage, and operational efficiency. Financial ratio analysis provides managers, investors, and creditors with valuable information regarding firms' financial condition, resource utilization, and future development potential. In capital-intensive industries such as mining, maintaining an appropriate balance between equity and debt financing is particularly important because excessive leverage may increase financial vulnerability during periods of declining commodity prices or adverse market conditions **[4; 8]**.

Financial distress prediction represents another important dimension of corporate financial assessment. Classical bankruptcy prediction models developed by Altman and Taffler remain among the most widely applied quantitative approaches for evaluating corporate solvency and identifying early warning signals of financial deterioration **[1; 2; 14]**. These models have been successfully employed across various industries to support investment decisions, credit risk assessment, and financial monitoring.

In recent years, the concept of sustainable development has become increasingly important within the mining industry. Beyond achieving financial performance, mining enterprises are expected to integrate environmental, social, and governance (ESG) principles into their corporate strategies. The Triple Bottom Line framework emphasizes that sustainable corporate success depends on balancing economic, environmental, and social objectives **[6]**. Subsequent empirical studies further demonstrate that effective sustainability management contributes positively to long-term corporate performance, investment attractiveness, and organizational resilience **[5; 7; 13; 15]**.

Despite the extensive literature on financial analysis, bankruptcy prediction, and corporate sustainability, relatively limited empirical research has integrated these dimensions into a comprehensive assessment framework for mining companies operating in emerging economies. Existing studies frequently examine financial performance, bankruptcy risk, or sustainability separately, while fewer investigations simultaneously evaluate profitability, liquidity, capital structure, financial stability, strategic positioning, and sustainable development within a unified analytical framework. This research gap is particularly relevant for

resource-dependent economies, where mining enterprises play a dominant role in industrial production, exports, and public revenues.

The **Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC (ZCMC)** represents the largest mining enterprise in Armenia and one of the country's most strategically significant industrial organizations. Owing to its substantial contribution to exports, employment, tax revenues, and industrial output, evaluating its financial condition and sustainable development prospects is of considerable economic importance. At the same time, the company faces challenges associated with commodity price fluctuations, environmental regulation, technological modernization, rising operating costs, and increasing stakeholder expectations regarding sustainable resource management.

Accordingly, the objective of this study is to conduct a comprehensive assessment of the financial and economic performance of Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC over the period 2015–2024. The analysis evaluates the company's financial dynamics, profitability, liquidity, capital structure, and bankruptcy risk using internationally recognized financial assessment models. Furthermore, the study investigates internal and external strategic factors through SWOT analysis and develops recommendations aimed at strengthening financial sustainability, improving operational efficiency, and enhancing long-term competitiveness.

The study contributes to the literature in three principal ways. **First**, it provides an integrated financial assessment of one of the largest mining enterprises in an emerging economy by combining traditional financial ratio analysis with bankruptcy prediction techniques. **Second**, it incorporates strategic and sustainability perspectives into corporate financial evaluation by jointly considering financial performance, competitive positioning, and ESG-related challenges. **Third**, it offers practical recommendations that may support managerial decision-making, investment evaluation, and sustainable development strategies in capital-intensive mining enterprises.

2.Research Methodology

This study applies a comprehensive methodological framework to evaluate the financial and economic performance of Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC during the period of 2015–2024. The research methodology combines quantitative financial analysis methods with qualitative strategic assessment tools in order to provide a multidimensional evaluation of the company's financial sustainability, operational efficiency, and long-term development prospects.

The primary data source for the research consists of the company's publicly available financial statements, including statements of financial position, income statements, and information on assets, liabilities, equity, revenues, and profitability indicators for the analyzed period. The collected data were systematized and processed to identify financial trends and structural changes in the company's activities.

The research applies several analytical methods:

1. Horizontal and vertical financial analysis. Horizontal analysis was used to identify the dynamics and growth rates of key financial indicators, including revenue, net profit, total assets, equity, current assets, and liabilities. Vertical analysis was applied to examine the structural composition of assets, liabilities, and capital, allowing the assessment of changes in the company's financial structure over time.

2. Financial ratio analysis. To evaluate the company's operational efficiency and financial position, a set of financial indicators was calculated, including:

- profitability ratios (return on assets – ROA, return on equity – ROE, sales profitability, and production fund profitability);
- business activity ratios (asset turnover, fixed asset turnover, inventory turnover, receivables turnover, and equity turnover);
- liquidity and financial stability ratios (current liquidity ratio, absolute liquidity ratio, autonomy ratio, and permanent asset index).

These indicators were used to assess the company's ability to generate profits, efficiently utilize resources, and maintain financial balance.

3. Working capital management analysis. The study evaluates the effectiveness of current asset management through the analysis of working capital turnover, operating cycle indicators, current financial requirements, and the relationship between working capital needs and revenue generation. This approach allows identifying potential limitations associated with liquidity management and short-term financial sustainability.

4. Bankruptcy risk assessment models. To evaluate the probability of financial distress, internationally recognized bankruptcy prediction models were applied. The research incorporates:

- Altman's simplified bankruptcy prediction model;
- Altman's five-factor Z-score model;
- R. Lis four-factor model;
- R. Taffler model.

The application of multiple models allows obtaining a more objective assessment of financial stability, considering differences in methodological approaches and indicator weighting systems.

5. SWOT analysis. A qualitative SWOT analysis was conducted to identify the internal strengths and weaknesses of the company, as well as external opportunities and threats affecting its future development. This method was used to integrate financial results with strategic factors, including resource potential, technological development, environmental challenges, and market risks.

The research follows a case study approach, focusing on Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC as a strategically significant mining enterprise in Armenia.

The combination of quantitative and qualitative methods provides a comprehensive understanding of the company's financial condition and development potential.

The methodological framework enables the identification of key financial trends, assessment of sustainability risks, and formulation of recommendations aimed at improving operational efficiency, strengthening financial stability, and supporting sustainable development through technological modernization and ESG-oriented management practices.

3.Literature review

Corporate financial assessment has become an increasingly important research area in mining economics because the industry is characterized by high capital intensity, long investment horizons, exposure to commodity price volatility, and growing sustainability requirements. Unlike many other industries, mining enterprises must simultaneously maintain financial stability, operational efficiency, and responsible resource management. Consequently, recent studies increasingly advocate integrated assessment frameworks that combine financial performance evaluation with strategic and sustainability considerations **[4; 8; 9]**.

3.1. Financial Performance and Financial Stability Assessment

Financial ratio analysis remains one of the principal approaches for evaluating corporate performance. Profitability, liquidity, solvency, leverage, and efficiency indicators provide comprehensive information regarding firms' financial condition and managerial effectiveness. Higgins emphasizes that financial ratios support investment evaluation and strategic financial planning by revealing strengths and weaknesses in corporate resource utilization **[8]**. Similarly, Brigham and Ehrhardt argue that financial analysis constitutes a fundamental component of managerial decision-making, particularly in capital-intensive industries where financing and investment decisions have long-term consequences **[4]**.

Because mining enterprises require substantial fixed investments and operate under volatile commodity markets, maintaining financial stability depends largely on achieving an appropriate balance between profitability, liquidity, and capital structure. Consequently, financial ratio analysis continues to represent the primary analytical foundation for evaluating mining companies.

3.2. Bankruptcy Prediction Models

Assessment of corporate financial sustainability is closely associated with bankruptcy prediction methodologies. One of the most influential contributions was proposed by Altman, whose Z-score model combines multiple financial ratios into a single indicator capable of identifying early signs of financial distress **[1]**. Subsequent modifications expanded the applicability of the model across different industries and economic environments **[2]**.

Alternative approaches were later developed by Lis and Taffler. The Lis model emphasizes liquidity, profitability, and capital structure variables **[10]**, whereas the

Taffler model applies statistical discriminant analysis to evaluate corporate solvency **[14]**. Together, these models remain among the most frequently applied quantitative techniques for assessing corporate financial resilience and investment risk.

3.3. Sustainability and ESG in the Mining Industry

Financial performance alone is no longer considered sufficient for evaluating mining enterprises. Sustainable development has become an integral component of corporate strategy because mining activities generate substantial environmental and social impacts. Elkington's Triple Bottom Line framework introduced the concept that long-term corporate success should be evaluated through economic, environmental, and social performance simultaneously **[6]**.

Subsequent empirical research confirms the economic relevance of sustainability practices. Eccles, Ioannou, and Serafeim demonstrate that companies adopting comprehensive sustainability policies achieve superior operational performance and higher market valuation **[5]**. Likewise, the meta-analysis conducted by Friede, Busch, and Bassen provides robust evidence that effective ESG implementation is positively associated with long-term financial performance and lower investment risk **[7]**.

These findings indicate that financial sustainability and ESG performance should be considered complementary rather than independent dimensions of corporate competitiveness.

3.4. Strategic Competitiveness and Technological Transformation

The competitiveness of mining enterprises increasingly depends on technological modernization and strategic resource management. Porter argues that sustainable competitive advantage originates from efficient utilization of resources, technological capability, and continuous strategic adaptation to changing market conditions **[12]**.

Recent technological developments – including automation, artificial intelligence, digital monitoring systems, and advanced data analytics – have substantially transformed mining operations. According to Manyika et al., digital technologies improve productivity, operational efficiency, and decision quality while reducing production costs **[11]**. These innovations are becoming essential instruments for maintaining competitiveness under volatile market conditions.

3.5. Mining Enterprises in Emerging Economies

Mining companies frequently represent strategic components of emerging economies because they generate employment, exports, government revenues, and regional economic development. Nevertheless, dependence on natural resources may also increase macroeconomic vulnerability if resource extraction is not accompanied by economic diversification and institutional development. Auty introduced the concept of the "resource curse," emphasizing that sustainable development requires effective governance, responsible resource management, and long-term investment policies **[3]**.

Accordingly, financial stability in mining enterprises should be evaluated not only from the perspective of corporate profitability but also within the broader context of sustainable economic development.

3.6. Research Gap

The reviewed literature demonstrates that previous studies have extensively investigated financial ratio analysis, bankruptcy prediction models, strategic competitiveness, and ESG practices. However, these research streams have largely evolved independently. Relatively limited empirical evidence exists on integrated assessment frameworks that simultaneously evaluate financial performance, bankruptcy risk, strategic positioning, and sustainability in mining enterprises operating in emerging economies.

This limitation is particularly evident in the Armenian mining sector, where comprehensive firm-level studies remain scarce despite the industry's strategic importance. Accordingly, the present study addresses this research gap by developing an integrated assessment of **Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC**, combining financial ratio analysis, internationally recognized bankruptcy prediction models, and SWOT analysis to evaluate financial stability, strategic competitiveness, and long-term development prospects.

4.Results and Discussion

The conducted financial and economic analysis of **Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC** for the period of 2015–2024 reveals significant transformations in the company's operational performance, financial structure, profitability, liquidity position, and long-term sustainability prospects. The findings confirm that the company remains one of the strategically important industrial enterprises in Armenia, while simultaneously facing challenges related to capital intensity, market volatility, technological modernization, and environmental responsibility.

4.1. Analysis of development dynamics and operational performance

The analysis of development dynamics demonstrates that the company experienced substantial changes in its operational indicators throughout the analyzed period. Revenue growth (A1) indicates that the company maintained an overall positive development trend despite fluctuations caused by external market conditions. Revenue increased from AMD 99.9 billion in 2015 to AMD 279.9 billion in 2024, demonstrating significant expansion of operational activity.

The highest growth rates were recorded during 2021–2022, when favorable international copper and molybdenum prices, increased production efficiency, and improved market conditions contributed to a substantial increase in sales volumes. However, the decline in revenue growth indicators during 2023–2024 reflects the influence of commodity market volatility, changes in global demand, and increasing production costs.

The net profit growth indicator (A2) demonstrated higher volatility compared with revenue dynamics. During 2015–2016 and 2019, the company experienced financial losses, indicating periods of operational pressure and unfavorable economic conditions. However, after 2020, the company achieved significant financial recovery, with net profit reaching AMD 94.6 billion in 2021 and AMD 95.2 billion in 2022. This improvement indicates enhanced operational efficiency and stronger financial management.

The relationship between profit growth and revenue growth (A4) confirms that profitability changes were more sensitive than sales dynamics. This characteristic is typical for mining companies, where financial results are highly dependent on international commodity prices, production costs, energy expenses, and exchange rate fluctuations.

4.2. Profitability assessment

The profitability analysis demonstrates a significant improvement in the company's financial efficiency after 2020. Return on capital (A1) increased from negative values in 2016 (–15.39%) to positive levels exceeding 30% during 2021–2022. This indicates improved utilization of invested resources and stronger operational performance.

Sales profitability (A2) followed a similar trend. While negative profitability was observed during loss-making years, the indicator increased considerably after 2020, reaching 26.58% in 2022. This demonstrates that the company was able to generate higher profit margins from its operating activities.

Return on equity (A3) also showed substantial improvement. After a significant decline in 2019, when the indicator reached –89.44%, the company achieved strong recovery, with ROE remaining above 17% during 2021–2024. This reflects improved shareholder value creation and stronger equity utilization.

The profitability of production assets (A4) reached its highest level in 2021 (45%), indicating effective utilization of the company's production infrastructure. Nevertheless, the gradual decline of profitability indicators in 2023–2024 highlights the need for continuous cost optimization, technological improvement, and productivity enhancement.

4.3. Asset structure and business activity analysis

The asset structure analysis confirms that Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC has a highly capital-intensive structure, which is characteristic of large-scale mining enterprises. A significant proportion of total assets consists of non-current assets and fixed production facilities, reflecting the necessity of long-term investments in mining infrastructure, machinery, and processing capacities.

Although this asset structure provides strong production potential, it also creates pressure on capital efficiency. Therefore, maintaining competitiveness requires continuous technological modernization and improvement of asset utilization.

Business activity indicators demonstrate changes in operational efficiency during the analyzed period. Asset turnover (A1) remained relatively moderate, ranging from 0.43 to 1.21, which is consistent with the characteristics of capital-intensive mining operations. The decline in asset turnover during certain years reflects the expansion of the asset base and increased investment requirements.

The turnover of fixed assets and non-current assets improved after 2021, indicating more efficient utilization of production capacities. Furthermore, receivables turnover remained relatively high, demonstrating effective management of customer settlements. However, fluctuations in inventory turnover indicate the necessity of improving working capital management and optimizing production cycle planning.

4.4. Liquidity and financial stability assessment

The liquidity and financial stability analysis indicates a considerable improvement in the company's financial position after 2020.

The autonomy ratio demonstrated significant positive dynamics. During 2019–2020, the indicator remained at a critically low level (0.054 and 0.058), indicating considerable dependence on external financing. However, after 2021, the indicator increased substantially, reaching 0.74 in 2023. This improvement was mainly caused by growth in equity and strengthening of the company's capital structure.

The current liquidity ratio also improved significantly. While the indicator remained below acceptable levels during earlier years, it increased sharply during 2021–2022, reaching 2.74 and 5.31 respectively. This demonstrates a stronger ability of the company to meet short-term obligations.

The absolute liquidity ratio remained relatively low, which is typical for mining companies because a large proportion of their resources is invested in fixed assets and production processes rather than cash reserves.

Despite improvements in financial stability, working capital management remains an important challenge. Changes in inventories, receivables, and current assets indicate the need for more efficient management of short-term financial resources.

4.5. Bankruptcy risk assessment

The application of international bankruptcy prediction models provided differentiated results regarding the company's financial sustainability.

Altman's five-factor model classified the company as financially unstable or within the uncertainty zone during several earlier years, mainly due to lower profitability levels and limitations in capital structure. However, significant improvement was observed after 2021, with the model indicating financial stability in 2022–2023.

The R. Lis model demonstrated a low probability of bankruptcy after 2021, confirming the improvement of financial stability indicators and stronger operational performance. Similarly, the Taffler model consistently classified

the company as financially stable during the analyzed period, indicating a low probability of financial distress.

The differences among bankruptcy prediction models emphasize the importance of applying multiple analytical approaches when evaluating mining enterprises. Traditional financial ratios may not fully capture the economic sustainability of companies operating in strategic resource sectors due to their large asset base, long investment cycles, and national economic importance.

4.6. SWOT analysis and sustainability implications

The SWOT analysis confirms that Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC possesses significant competitive advantages, including a strong mineral resource base, integrated production processes, technological capabilities, and strategic importance for Armenia's economy.

However, the company faces several structural challenges, including environmental risks, increasing regulatory requirements, logistical limitations, and the necessity of technological renewal. The environmental impact of mining operations, particularly related to tailings management and resource efficiency, remains one of the most important sustainability issues.

From the perspective of sustainable development, the integration of ESG principles into corporate strategy is essential. Investments in environmental protection systems, modernization of tailings facilities, renewable energy solutions, digital monitoring technologies, and social development programs can improve operational efficiency and strengthen the company's long-term competitiveness.

4.7. General discussion

Overall, the results demonstrate that Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC has achieved significant financial strengthening during recent years. The company successfully improved profitability, liquidity, and financial stability while maintaining its strategic role in Armenia's mining industry.

Nevertheless, sustainable long-term development requires continuous technological innovation, effective capital allocation, improved working capital management, and responsible environmental governance. The future competitiveness of the company will largely depend on its ability to combine financial efficiency with ESG-oriented development strategies and technological transformation.

5.Conclusion

This study conducted a comprehensive assessment of the financial and economic performance of Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC during 2015–2024 using financial analysis methods, bankruptcy prediction models, and strategic assessment tools.

The research results indicate that the company remains one of the most important industrial enterprises in Armenia, contributing significantly to export

revenues, employment, and economic development. During the analyzed period, the company demonstrated substantial growth in assets, production capacity, and revenue generation. The strongest financial performance was recorded during 2021–2022, when profitability indicators reached their highest levels.

The financial analysis revealed that despite several periods of instability, the company has significantly improved its financial position in recent years. Profitability, liquidity, and capital structure indicators demonstrate a transition toward greater financial stability. The bankruptcy prediction models confirm this improvement, showing a low probability of financial distress in the latest years of analysis.

At the same time, the study identified several strategic challenges that may affect the company's future development. These include increasing production costs, declining ore quality, environmental obligations, the need for technological modernization, and the necessity of improving working capital management. Addressing these challenges requires a long-term strategic approach based on innovation, digital transformation, and sustainable resource management.

The implementation of ESG-oriented practices is considered a key factor in ensuring the company's future competitiveness. Modernization of tailings management systems, expansion of circular water supply technologies, development of renewable energy solutions, and strengthening of corporate social responsibility programs can significantly improve the company's environmental performance and international reputation.

The study recommends increasing investment in automation and digital technologies, improving operational efficiency, optimizing the capital structure, and strengthening cooperation between the company, government institutions, and local communities. These measures will contribute to maintaining financial sustainability, enhancing competitiveness in international markets, and ensuring the long-term development of Zangezur Copper Molybdenum Combine CJSC.

The research contributes to the existing literature by providing an integrated framework for evaluating a mining company through the combined application of financial analysis, bankruptcy prediction models, and sustainability assessment approaches. The obtained results may serve as a basis for further studies of mining enterprises operating in emerging economies.

PARVANYAN CONSULTING" ACCOUNTING AND CONSULTING COMPANY provided its support in publishing the article.

References.

1. Altman, E. I. (1968). Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. The Journal of Finance, 23(4), 589–609. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1968.tb00843.x

2. Altman, E. I. (2000). Predicting financial distress of companies: Revisiting the Z-score and ZETA models. New York University.

3. Auty, R. M. (1993). Sustaining development in mineral economies: The resource curse thesis. Routledge.

4. Brigham, E. F., & Ehrhardt, M. C. (2017). Financial management: Theory & practice (15th ed.). Cengage Learning.

5. Eccles, R. G., Ioannou, I., & Serafeim, G. (2014). The impact of corporate sustainability on organizational processes and performance. Management Science, 60(11), 2835–2857. https://doi.org/10.1287/mnsc.2014.1984

6. Elkington, J. (1997). Cannibals with forks: The triple bottom line of 21st century business. Capstone Publishing.

7. Friede, G., Busch, T., & Bassen, A. (2015). ESG and financial performance: Aggregated evidence from more than 2000 empirical studies. Journal of Sustainable Finance & Investment, 5(4), 210–233. https://doi.org/10.1080/20430795.2015.1118917

8. Higgins, R. C. (2012). Analysis for financial management (10th ed.). McGraw-Hill.

9. Humphreys, D. (2015). The remaking of the mining industry. Palgrave Macmillan.

10. Lis, R. (1972). Financial ratios and the prediction of bankruptcy. Journal of Banking and Finance.

11. Manyika, J., Chui, M., Bughin, J., Dobbs, R., Bisson, P., & Marrs, A. (2017). A future that works: Automation, employment, and productivity. McKinsey Global Institute.

12. Porter, M. E. (1985). Competitive advantage: Creating and sustaining superior performance. Free Press.

13. Schaltegger, S., & Wagner, M. (2017). Managing the business case for sustainability: The integration of social, environmental and economic performance. Greenleaf Publishing.

14. Taffler, R. J. (1983). The assessment of company solvency and performance using a statistical model. Accounting and Business Research, 13(52), 295–308. https://doi.org/10.1080/00014788.1983.9729767

15. Waddock, S. A., & Graves, S. B. (1997). The corporate social performance–financial performance link. Strategic Management Journal, 18(4), 303–319. https://doi.org/10.1002/(SICI)1097–0266(199704)18:4<303::AID-SMJ869>3.0.CO;2-G

DOI 10.34660/INF.2026.71.29.069

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE FINANCIAL STABILITY AND INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF "VIVA ARMENIA" CJSC UNDER DIGITAL TRANSFORMATION CONDITIONS

Gyulasaryan Mikayel Rafayel
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Parvanyan Consulting LLC, Head of Research and Analytical Department,
Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0005–4234–1377
Matevosyan Ashot Varazdat
Doctor of Economic sciences, Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0000–0003–1741–0172
Matevosyan Mane Henrik
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0001–3529–5174
Khlghatyan Astghik Aghvan
Undergraduate student
Armenian State University of Economics

Abstract. *The rapid development of digital technologies and increasing competition in the telecommunications sector require companies to maintain financial stability while simultaneously investing in innovation and expanding digital ecosystems. This study aims to conduct a comprehensive assessment of the financial stability, investment attractiveness, capital structure, and development prospects of "Viva Armenia" CJSC under digital transformation conditions. The research is based on the analysis of the company's publicly available financial statements for the period 2021–2025 and applies a set of financial evaluation methods, including liquidity analysis, financial stability assessment, profitability*

analysis, capital structure evaluation, financial leverage analysis, working capital management assessment, and the Altman Z-score bankruptcy risk model.

The findings demonstrate that "Viva Armenia" CJSC has maintained high operational efficiency and investment attractiveness, reflected in strong profitability indicators, including Return on Equity (ROE) and Return on Assets (ROA). During the analyzed period, the company transitioned from a conservative financing model toward a more active leverage-based growth strategy, primarily due to increased debt financing and investment expansion. Although the growth of financial leverage increased the level of financial risk, the positive financial leverage effect indicates that borrowed capital has contributed to improving shareholder returns.

The analysis also reveals that the company maintains strong liquidity and effective working capital management, while the increase in debt obligations requires continuous monitoring of financial sustainability indicators. The Altman Z-score analysis indicates a gradual decline in financial safety margins; however, the company remains capable of servicing its obligations due to stable profitability and predictable cash flows.

The study concludes that "Viva Armenia" CJSC demonstrates a balanced combination of financial efficiency, technological development potential, and market competitiveness. The company's long-term success will depend on its ability to manage financial risks, expand digital services, and effectively integrate technological investments within its strategic development framework.

Keywords: *financial stability; investment attractiveness; digital transformation; telecommunications sector; financial leverage; capital structure; profitability analysis; liquidity management; bankruptcy risk assessment; "Viva Armenia" CJSC.*

1. **Introduction**

The telecommunications industry has become one of the most strategically significant sectors of the digital economy due to rapid technological innovation, increasing demand for high-speed connectivity, and the expansion of digital ecosystem services. Contemporary telecommunications operators no longer function solely as providers of voice and data communication but increasingly operate as integrated digital platforms delivering cloud computing, fintech, cybersecurity, media, and data-driven services. This transformation requires substantial capital investment while simultaneously increasing financial, technological, and operational risks **[14]**.

Digital transformation has fundamentally reshaped the competitive landscape of the telecommunications sector. The continuous deployment of next-generation communication networks, artificial intelligence, cloud technologies, and digital service platforms requires firms to maintain sustainable financial resources

while adapting to rapidly changing market conditions. Consequently, financial management has become a strategic instrument for supporting innovation, ensuring investment capacity, and maintaining long-term competitiveness **[14]**.

Financial stability represents one of the fundamental determinants of corporate sustainability because it reflects a firm's ability to finance operations, meet financial obligations, withstand external shocks, and support future growth. Corporate finance literature emphasizes that financing decisions regarding capital structure, investment policy, liquidity management, and risk control directly influence firm value and shareholder wealth **[3, pp. 745–758]**.

Among these determinants, capital structure remains particularly important for telecommunications companies because the industry is characterized by high capital intensity, continuous infrastructure modernization, and long investment cycles. The classical framework proposed by Modigliani and Miller established the theoretical basis for analyzing the relationship between financing decisions and firm value **[11]**. Subsequent developments in corporate finance demonstrate that the optimal combination of debt and equity depends on taxation, financial distress costs, agency conflicts, and market conditions **[12; 15]**.

Investment attractiveness extends beyond traditional profitability measures and also depends on liquidity, financial independence, operational efficiency, and financial risk. Financial ratio analysis therefore remains one of the most widely applied approaches for evaluating corporate performance and future value creation. Ratios such as Return on Assets (ROA), Return on Equity (ROE), liquidity indicators, leverage measures, and efficiency ratios provide comprehensive information regarding managerial effectiveness and investment potential **[13]**.

Risk assessment constitutes another essential component of financial evaluation, particularly in industries experiencing rapid technological change. Quantitative bankruptcy prediction models, especially the Altman Z-score model, remain widely used for assessing financial resilience and identifying early warning signals of financial distress **[1]**.

Although extensive research has examined corporate financial performance, capital structure, and financial risk, relatively limited attention has been devoted to comprehensive financial stability assessment of telecommunications companies operating in emerging markets undergoing digital transformation. Most previous studies investigate profitability, liquidity, leverage, or bankruptcy risk independently rather than integrating these dimensions into a unified analytical framework. This limitation reduces the ability to obtain a holistic assessment of corporate financial sustainability.

The Armenian telecommunications market provides an appropriate empirical setting for such analysis because companies simultaneously face increasing technological investment requirements, market competition, regulatory

changes, and digital transformation challenges. As one of the country's leading telecommunications operators, **Viva Armenia CJSC** has experienced significant organizational and strategic changes, including ownership restructuring, expansion of digital services, and substantial infrastructure investment.

Accordingly, the objective of this study is to conduct a comprehensive assessment of the financial stability and investment attractiveness of Viva Armenia CJSC during the period 2021–2025. The analysis integrates liquidity, profitability, capital structure, financial leverage, working capital management, and bankruptcy risk indicators to evaluate the company's financial performance under digital transformation conditions.

The study contributes to the literature in three principal ways. **First**, it provides one of the few integrated financial assessments of a telecommunications company operating in an emerging market. **Second**, it combines traditional financial ratio analysis with capital structure evaluation and bankruptcy risk assessment within a unified analytical framework. **Third**, it offers empirical evidence on how financial management supports digital transformation, investment capacity, and long-term corporate competitiveness in the telecommunications industry.

1. **Research Methodology**

This study applies a comprehensive financial analysis approach to evaluate the financial stability and investment attractiveness of "Viva Armenia" CJSC. The research is based on the company's publicly available financial statements for the period 2021–2025.

The methodological framework includes several analytical directions.

1. Financial stability analysis

Financial stability was evaluated using indicators reflecting the company's capital structure and financial independence, including:

- Financial independence ratio;
- Debt-to-equity ratio;
- Liabilities-to-assets ratio.

These indicators allow assessment of the company's dependence on external financing sources and its ability to maintain long-term financial balance.

2. Liquidity analysis

The company's short-term financial position was evaluated through:

- Current liquidity ratio;
- Absolute liquidity ratio;
- Accounts receivable turnover period.

These indicators demonstrate the company's ability to meet short-term obligations and efficiently manage current assets.

3. Profitability analysis

The effectiveness of resource utilization was measured through:

- Return on Assets (ROA);
- Return on Equity (ROE);
- Return on Sales (ROS).

These indicators were used to evaluate operational efficiency and shareholder return generation.

4. Capital structure and financial leverage assessment

The impact of debt financing on shareholder profitability was analyzed using financial leverage indicators:

- Debt-to-equity ratio;
- Economic profitability;
- Average cost of borrowed capital;
- Financial leverage differential;
- Financial leverage efficiency.

This approach allows evaluation of whether borrowed funds contribute positively to shareholder value creation.

5. Working capital management analysis

Operational efficiency was assessed through:

- Net working capital;
- Working capital turnover ratio;
- Operating cycle duration;
- Current financial requirement.

These indicators demonstrate the effectiveness of short-term asset and liability management.

6. Bankruptcy risk assessment

The financial stability risk was evaluated using the Altman Z-score model:

$$Z = 0.717X_1 + 0.847X_2 + 3.107X_3 + 0.420X_4 + 0.998X_5$$

where:

- X_1 – working capital / total assets;
- X_2 – retained earnings / total assets;
- X_3 – operating profit / total assets;
- X_4 – equity value / total liabilities;
- X_5 – sales revenue / total assets.

The obtained results were interpreted according to the established Z-score classification criteria.

The research combines quantitative financial analysis methods with qualitative strategic assessment. The methodology enables an integrated evaluation of how financial decisions, capital structure changes, and digital transformation initiatives influence the long-term sustainability and investment attractiveness of "Viva Armenia" CJSC.

2. **Literature review**

The assessment of financial stability and investment attractiveness of telecommunications companies has become increasingly important due to technological transformation, growing capital requirements, and changes in competitive market structures. Existing literature emphasizes that financial performance evaluation should not be limited to profitability indicators but should incorporate capital structure, liquidity, operational efficiency, and risk management factors **[3; 13]**.

Financial stability is closely related to the ability of companies to maintain an optimal balance between internal and external financing sources. Baboyan emphasizes the importance of predicting liability structures in commercial organizations, demonstrating that effective management of financial obligations plays a significant role in maintaining corporate sustainability. According to the author, changes in liability structures directly affect financial risks, solvency, and long-term development opportunities of enterprises **[2]**.

Capital structure optimization remains one of the central topics in corporate finance research. The classical theory developed by Modigliani and Miller established the theoretical foundation for analyzing the relationship between debt financing and firm value **[11]**. Subsequent empirical studies demonstrated that the optimal level of leverage depends on industry characteristics, operational risks, and market conditions **[12; 15]**. Matevosyan et al. investigated the impact of the corporate financing ratio on the weighted average cost of capital (WACC) in automobile manufacturing companies and concluded that financing decisions significantly influence the cost of capital and investment efficiency **[9]**. Although the study focuses on the automotive sector, its conclusions are also relevant to telecommunications companies because both industries are characterized by high capital intensity and substantial infrastructure investments.

The relationship between profitability, financial leverage, and investment attractiveness has been extensively discussed in corporate finance literature. Brealey, Myers, and Allen argue that effective financial management requires balancing the benefits of debt financing against the risks associated with increasing financial obligations **[3]**. Although leverage may enhance shareholder returns when operating profitability exceeds borrowing costs, excessive dependence on debt increases financial vulnerability.

Modern economic transformation has substantially increased the importance of innovation and digital technologies in corporate development. Rogers argues that digital transformation requires organizations to redesign business models, integrate technological solutions, and develop new sources of customer value **[14]**. This perspective is particularly relevant for telecommunications companies, which are evolving from traditional communication providers into digital ecosystem platforms offering cloud, financial, and data-driven services.

Gyulasaryan, Matevosyan, Grigoryan, and Matevosyan emphasize that technological development, innovation, entrepreneurship, and effective management practices are essential drivers of sustainable economic growth **[6]**. Their findings further support the integration of innovation strategies with financial management practices.

The application of advanced analytical technologies has become another important direction in financial decision-making. Matevosyan et al. demonstrate that artificial intelligence-based analytical tools improve forecasting accuracy, optimize financing decisions, and strengthen financial risk management **[10]**. Similar analytical approaches may provide significant advantages for telecommunications companies operating in rapidly changing technological environments.

Risk assessment remains a fundamental component of investment analysis. Altman introduced the Z-score model for predicting corporate bankruptcy risk, which continues to be one of the most widely applied quantitative approaches for evaluating financial distress **[1]**.

Gyulasaryan et al. further developed a multivariate risk model for WACC estimation based on earnings-margin volatility coefficients, demonstrating the importance of incorporating operational uncertainty into financial risk assessment models **[7]**.

Financial statement analysis also plays a central role in evaluating corporate performance. Penman emphasizes that profitability, liquidity, leverage, and efficiency indicators provide investors and managers with essential information regarding future value creation and financial sustainability **[13]**.

Working capital management represents another important determinant of financial stability. Efficient management of current assets and current liabilities enables companies to maintain liquidity while minimizing financing costs. Deloof demonstrated that efficient working capital management positively influences corporate profitability by reducing excessive investment in current assets while maintaining adequate operational liquidity **[4]**.

Corporate governance and strategic financial management have likewise received considerable attention in the literature. Jensen argues that effective managerial decisions regarding financing and resource allocation reduce agency conflicts and contribute to increasing shareholder value **[8]**.

In emerging markets, financial analysis becomes particularly important because companies operate under higher economic uncertainty and market volatility. Empirical studies indicate that firms must combine financial discipline with innovation capabilities to achieve sustainable long-term growth **[5; 6]**. Telecommunications companies represent a distinctive case because technological investments, regulatory changes, and intense competition generate additional financial challenges.

Recent research published in *Economy and Society* further emphasizes that sustainable organizational development requires the integration of financial

planning, innovation management, and efficient resource allocation into strategic management systems **[5]**.

Overall, the reviewed literature demonstrates that financial stability and investment attractiveness are multidimensional concepts influenced by profitability, capital structure, liquidity, innovation capability, and risk management. Nevertheless, most previous studies focus either on industrial enterprises or on general corporate finance issues, whereas comparatively limited attention has been devoted to telecommunications companies operating in emerging markets. Accordingly, the present study contributes to the literature by applying an integrated financial assessment framework to Viva Armenia CJSC, combining traditional financial ratio analysis with capital structure evaluation, leverage analysis, and bankruptcy risk assessment within the context of digital transformation.

3. Results and Discussion

4.1. Financial Stability Assessment of "Viva Armenia" CJSC

The assessment of the financial stability of "Viva Armenia" CJSC during 2021–2025 demonstrates a significant transformation in the company's financial model. The analysis indicates that the company moved from a conservative financing strategy toward a more leveraged growth-oriented model, which was primarily associated with increased investment activity, digital transformation initiatives, and changes in capital structure.

During 2021–2022, the company maintained a high level of financial independence. The financial independence ratio exceeded 0.80, indicating that more than 80% of assets were financed through shareholders' equity. Such a structure reflects a low level of financial risk and a strong ability to withstand external economic shocks. However, starting from 2023, a gradual decline in financial independence was observed, reaching 0.34 in 2025. This change was mainly caused by the issuance of USD 80 million corporate bonds in 2025, which significantly increased the share of borrowed capital.

The increase in leverage does not necessarily indicate deterioration of financial stability. According to the capital structure theory of Modigliani and Miller (1958), debt financing can increase firm value when the generated return exceeds the cost of borrowed resources. In the case of "Viva Armenia" CJSC, the financial leverage indicators confirm that borrowed funds were used effectively. The positive financial leverage differential remained throughout the analyzed period, reaching 10.8% in 2025, which indicates that the economic profitability of assets exceeded the average cost of debt financing.

The results are consistent with the findings of Brealey et al. (2020), who emphasize that an optimal balance between debt and equity financing allows companies to increase shareholder value while maintaining acceptable financial risk. Therefore, the observed increase in liabilities should be interpreted as

a strategic financing decision supporting long-term development rather than a direct indicator of financial instability.

4.2. Liquidity and Working Capital Management Analysis

The liquidity analysis reveals that "Viva Armenia" CJSC maintained sufficient short-term financial flexibility throughout the analyzed period. The current liquidity ratio decreased from 3.60 in 2021 to 1.02 in 2023, reflecting a temporary reduction in current asset coverage. However, the indicator improved to 1.65 in 2025, demonstrating the restoration of short-term solvency.

The absolute liquidity ratio followed a similar trend. After declining to 0.29 in 2023, it increased to 1.28 in 2025. This improvement was mainly driven by the growth of cash and bank deposits, which reached approximately AMD 25 billion by the end of 2025. Therefore, despite increased financial leverage, the company maintained a strong liquidity position.

Working capital analysis further confirms the effectiveness of operational management. Net working capital increased from AMD 0.7 billion in 2024 to AMD 12.6 billion in 2025. In addition, the company maintained a negative current financial requirement throughout the entire period, reaching approximately AMD –5 billion in 2025. This indicates that operating activities were partially financed through supplier credit and other non-interest-bearing liabilities.

These findings correspond with Deloof's (2003) research, which highlights the importance of efficient working capital management in improving profitability and reducing financial pressure. The ability of "Viva Armenia" CJSC to operate with negative working capital requirements demonstrates effective management of operational cycles and strong relationships with suppliers.

4.3. Profitability and Investment Attractiveness Assessment

The profitability analysis indicates that "Viva Armenia" CJSC demonstrated strong financial performance during 2021–2025. The company significantly improved its profitability indicators, particularly during 2023–2024.

Return on Equity (ROE) increased from 4.3 % in 2021 to 32.2 % in 2024 and remained high at 28.9 % in 2025. Similarly, Return on Assets (ROA) increased from 3.6 % in 2021 to 17.0 % in 2024 before declining to 9.9 % in 2025. Despite the reduction, ROA remained at a relatively high level, indicating efficient utilization of assets.

The increase in profitability was accompanied by improved sales efficiency. The Return on Sales (ROS) indicator increased from approximately 6.3 % in 2021 to 26.3 % in 2024, reflecting improved operational efficiency, cost optimization, and the increasing contribution of digital services.

The investment attractiveness analysis demonstrates that the company successfully combined profitability growth with strategic expansion. During 2022–2024, net profit growth exceeded revenue growth, indicating improved

operational efficiency. Although profit growth slowed in 2025, the increase in invested capital reflects expansionary investment decisions rather than operational deterioration.

These results support Penman's (2013) approach that profitability ratios provide essential information about management effectiveness and long-term investment potential. High ROE and ROA values indicate that "Viva Armenia" CJSC effectively converts invested resources into shareholder returns.

4.4. Bankruptcy Risk Assessment Using the Altman Z-Score Model

To evaluate financial risk, the Altman Z-score model was applied. The results show a gradual decline in the company's financial safety margin, although the company remains outside the bankruptcy zone.

In 2021 and 2022, the Z-score values were 3.81 and 3.66 respectively, indicating a financially stable condition. However, the indicator decreased to 2.48 in 2023, 2.32 in 2024, and 1.59 in 2025, placing the company in the uncertainty zone.

The reduction in the Z-score was mainly caused by:

- a decrease in equity due to significant dividend payments;
- increased debt financing after bond issuance;
- a reduction in the equity-to-liability ratio.

Nevertheless, the company continues to demonstrate strong operational profitability and stable revenue generation. According to Altman (1968), financial distress risk should be evaluated through a combination of profitability, liquidity, leverage, and asset efficiency indicators rather than a single factor.

Therefore, the current risk level of "Viva Armenia" CJSC can be considered manageable. The company's increased leverage represents a strategic investment risk rather than an immediate threat to financial sustainability.

4.5. Digital Transformation and Strategic Development Implications

The results indicate that digital transformation has become a central factor influencing the company's financial strategy. The expansion from traditional telecommunications services toward integrated digital solutions, including financial technologies, broadband services, and digital platforms, creates opportunities for revenue diversification.

The acquisition of additional digital capabilities and investment in technological infrastructure increases capital requirements; however, it also strengthens competitive positioning. Rogers (2016) emphasizes that successful digital transformation requires not only technological adoption but also organizational restructuring and strategic financial management.

For "Viva Armenia" CJSC, maintaining competitiveness requires balancing three strategic priorities:

1. **Sustainable investment in digital infrastructure** – including broadband expansion, 5G readiness, and digital platforms.

2. **Control of financial leverage** – ensuring that debt growth remains supported by operating cash flows.

3. **Development of high-margin digital services** – reducing dependence on traditional communication revenues.

The company's current financial indicators suggest that the chosen strategy has generated positive results; however, continuous monitoring of debt sustainability and investment efficiency remains essential.

4.6. Discussion of Main Findings

The empirical results demonstrate that "Viva Armenia" CJSC represents an example of a telecommunications company successfully combining financial performance improvement with digital transformation. The company's transition toward higher leverage has increased financial risk but simultaneously improved shareholder returns through effective capital utilization.

The findings support several theoretical perspectives. First, the results confirm the relevance of capital structure theory, as debt financing contributed positively to profitability when combined with efficient asset utilization (Modigliani & Miller, 1958). Second, the importance of profitability and operational efficiency indicators supports financial statement analysis approaches described by Penman (2013). Third, the effectiveness of working capital management confirms the role of liquidity optimization in maintaining financial stability (Deloof, 2003).

Overall, the analysis shows that "Viva Armenia" CJSC maintains a strong financial position characterized by:

- high profitability;
- sufficient liquidity;
- effective working capital management;
- positive financial leverage effects;
- controlled but increasing financial risk.

The main strategic challenge for the company is maintaining this balance between growth-oriented financing and long-term financial sustainability. Effective management of digital investments, capital structure, and operational efficiency will determine the company's ability to preserve its leading position in Armenia's telecommunications market.

4. **Conclusion**

This study provided a comprehensive assessment of the financial stability and investment attractiveness of "Viva Armenia" CJSC under digital transformation conditions based on financial indicators for the period 2021–2025. The analysis considered key dimensions of corporate financial performance, including financial stability, liquidity, profitability, capital structure efficiency, working capital management, and bankruptcy risk.

The results demonstrate that "Viva Armenia" CJSC has maintained a strong financial position while undergoing significant strategic transformation. During the analyzed period, the company shifted from a conservative financing model based primarily on equity toward a more active leveraged growth strategy. The decline in the financial independence ratio from 0.83 in 2021 to 0.34 in 2025 reflects an increased reliance on borrowed capital, mainly due to the issuance of USD 80 million corporate bonds and the implementation of investment-oriented development programs. However, the increase in financial leverage was accompanied by positive leverage efficiency, indicating that borrowed resources were utilized effectively to generate additional returns for shareholders.

The liquidity analysis confirms that despite the growth of financial obligations, the company preserved sufficient short-term solvency. The improvement of current and absolute liquidity indicators in 2025 demonstrates effective cash management and the ability to meet current financial obligations. Furthermore, the consistently negative current financial requirement indicates efficient working capital management, allowing the company to finance operational activities through internally generated resources and supplier credit.

The profitability analysis reveals a high level of operational efficiency and investment attractiveness. The significant growth of ROE, ROA, and ROS during 2021–2025 reflects improvements in resource utilization, cost management, and revenue generation efficiency. Although profitability indicators declined slightly in 2025 compared with 2024, they remained at a relatively high level, confirming the company's ability to generate sustainable returns.

The Altman Z-score analysis indicates that the company moved from a financially stable zone in 2021–2022 toward an uncertainty zone during 2023–2025. This change was mainly caused by increased leverage, dividend payments, and changes in capital structure rather than deterioration of operational performance. Therefore, the current financial risk level can be considered manageable, provided that the company maintains effective debt management and ensures sufficient operating cash flows.

The study also highlights the strategic importance of digital transformation for the future development of "Viva Armenia" CJSC. The transition from a traditional telecommunications operator toward a diversified digital ecosystem creates opportunities for revenue diversification, improved customer value, and stronger competitive positioning. However, successful digital transformation requires continuous investment, effective capital allocation, and balanced financial risk management.

The findings contribute to the understanding of financial management practices in telecommunications companies operating in emerging markets. The case of "Viva Armenia" CJSC demonstrates that increased leverage does not necessarily

weaken financial sustainability when debt financing is supported by strong profitability, efficient asset utilization, and stable cash generation.

Based on the conducted analysis, several strategic priorities can be identified:

- maintaining an optimal balance between debt and equity financing to prevent excessive financial risk;
- continuing investments in digital infrastructure, including broadband expansion, 5G technologies, and digital platforms;
- expanding high-margin digital services to reduce dependence on traditional telecommunications revenues;
- strengthening financial risk monitoring through regular assessment of liquidity, leverage, and profitability indicators;
- improving transparency in financial and strategic reporting to enhance investor confidence.

In conclusion, "Viva Armenia" CJSC can be characterized as a financially stable and strategically developing telecommunications company that successfully combines profitability growth with digital transformation initiatives. The company's future competitiveness will depend on its ability to maintain financial discipline while effectively investing in innovation and developing new digital business models. A balanced approach between technological advancement, capital structure optimization, and risk management will be the key factor supporting its long-term sustainability and investment attractiveness.

PARVANYAN CONSULTING" ACCOUNTING AND CONSULTING COMPANY provided its support in publishing the article.

References.

1. Altman, E. I. (1968). Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy. The Journal of Finance, 23(4), 589–609. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1968.tb00843.x

2. Baboyan, K. (2023). New approach to the prediction of the structure of liabilities in commercial organizations. Pacific Business Review (International), 15(8), 54–64.

3. Brealey, R. A., Myers, S. C., & Allen, F. (2020). Principles of corporate finance (13th ed.). McGraw-Hill Education.

4. Deloof, M. (2003). Does working capital management affect profitability of Belgian firms? Journal of Business Finance & Accounting, 30(3–4), 573–587. https://doi.org/10.1111/1468–5957.00008

5. Economy and society. (2026). Strategic management and financial development approaches in modern economic systems. Economy and Society, 3(9), 34–50.

6. Gyulasaryan, M., Matevosyan, A., Grigoryan, A., & Matevosyan, M. (2026). Driving Armenia's economic transformation: Harnessing innovation for entrepreneurship and management development. Spectrum Journal of Social Sciences, 3, 235–242.

7. Gyulasaryan, M., Matevosyan, A., Grigoryan, A., & Matevosyan, M. (2026). A multivariate risk model for WACC estimation: Application of earnings margins' volatility coefficients. In Artificial intelligence in socio-economic systems.

8. Jensen, M. C. (1986). Agency costs of free cash flow, corporate finance, and takeovers. American Economic Review, 76(2), 323–329.

9. Matevosyan, A. V., Mikayelyan, V. K., Grigoryan, H. H., Matevosyan, M. H., & Grigoryan, A. Z. (2026). The impact of the corporate financing ratio on the weighted average cost of capital: Evidence from automobile manufacturing companies. In S. S. Shaumarov (Ed.), Smart transport systems and the digital economy infrastructure (pp. 29–37). Springer.

10. Matevosyan, A., Grigoryan, A., Matevosyan, M., Israelian, S., & Hovakanyan, L. (2026). Artificial intelligence in capital structure management process: Evidence from automobile manufacturing companies. In Artificial intelligence in socio-economic systems (Vol. 1249, pp. 91–101). Springer.

11. Modigliani, F., & Miller, M. H. (1958). The cost of capital, corporation finance and the theory of investment. American Economic Review, 48(3), 261–297.

12. Myers, S. C. (1984). The capital structure puzzle. The Journal of Finance, 39(3), 575–592. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1984.tb03646.x

13. Penman, S. H. (2013). Financial statement analysis and security valuation (5th ed.). McGraw-Hill Education.

14. Rogers, D. L. (2016). The digital transformation playbook: Rethink your business for the digital age. Columbia University Press.

15. Titman, S., & Wessels, R. (1988). The determinants of capital structure choice. The Journal of Finance, 43(1), 1–19. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1988.tb02585.x

DOI 10.34660/INF.2026.72.14.014

CAPITAL STRUCTURE AND WORKING CAPITAL MANAGEMENT AS DRIVERS OF FINANCIAL STABILITY: EMPIRICAL EVIDENCE FROM THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Gyulasaryan Mikayel Rafayel
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Parvanyan Consulting LLC, Head of Research and Analytical Department,
Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0005–4234–1377
Matevosyan Ashot Varazdat
Doctor of Economic sciences, Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0000–0003–1741–0172
Matevosyan Mane Henrik
Ph.D. in Economics, Associate Professor
Faculty of Applied Finance, Armenian State University of Economics, Yerevan, Armenia
ORCID ID: 0009–0001–3529–5174
Barkhoyan Mariam Artyom
Undergraduate student
Armenian State University of Economics
Babayan Anahit Ashot
Undergraduate student
Armenian State University of Economics

Abstract. *In contemporary business environments, financial stability remains one of the most critical determinants of corporate sustainability, particularly in capital-intensive industries such as construction. This study investigates the extent to which capital structure and working capital management influence financial stability, using empirical evidence from HSKA Closed Joint-Stock Company (CJSC) for the period 2022–2024.*

Unlike prior studies that predominantly focus on either long-term financing decisions or short-term liquidity management in isolation, this research integrates

both dimensions into a unified analytical framework. The study applies horizontal, vertical, comparative, and ratio analysis methods, alongside financial leverage assessment and the Taffler Z-score model, to evaluate the firm's financial behavior and stability dynamics.

The empirical findings indicate a substantial improvement in the company's financial performance over the analyzed period. Total assets and equity increased significantly, profitability indicators strengthened, and financial leverage effects turned positive. However, despite this improvement, the company continues to rely heavily on short-term financing to support working capital needs, resulting in persistent negative net working capital. The Taffler Z-score analysis suggests moderate financial risk, although not at a critical distress level.

The study contributes to the literature by providing integrated firm-level evidence on the joint effect of capital structure and working capital management on financial stability in an emerging market construction firm. The findings also offer practical implications for improving financing policy, liquidity management, and long-term financial resilience.

Keywords: *capital structure; working capital management; financial stability; financial leverage; construction industry; liquidity risk; Taffler model; financial analysis.*

1. Introduction

Financial stability is a fundamental prerequisite for sustainable corporate development, as it determines a firm's ability to meet its obligations, finance operations, and maintain long-term competitiveness. In corporate finance theory, financial stability is primarily influenced by two interrelated dimensions: capital structure decisions and working capital management policies **[1, p. 16; 2, p. 623]**.

Capital structure theory has evolved significantly since the seminal works of Modigliani and Miller, which established the foundational proposition that financing structure affects firm value under market imperfections such as taxes, bankruptcy costs, and information asymmetry **[10; 11]**. Subsequent theoretical developments, including the Trade-off Theory and Pecking Order Theory, emphasize that firms continuously optimize financing decisions based on risk–return trade-offs and information constraints **[8; 13]**.

In parallel, working capital management has been recognized as a key driver of operational efficiency and liquidity. Empirical studies demonstrate that efficient management of receivables, inventories, and payables significantly enhances profitability and reduces liquidity risk **[3; 9; 15]**.

Despite the extensive literature on both topics, most empirical studies examine capital structure and working capital management independently. Limited research has investigated their combined influence on financial stability, particularly in

emerging economies and within construction-sector firms, where financial flows are highly volatile and capital requirements are substantial **[4; 5]**.

This gap is especially relevant for construction companies, which operate under long production cycles, high inventory dependency, and irregular cash inflows. These characteristics make financial stability highly sensitive to both long-term financing decisions and short-term liquidity management **[1, pp. 742–748; 2, pp. 540–552]**.

Therefore, the objective of this study is to evaluate the combined effect of capital structure and working capital management on financial stability using firm-level evidence from HSKA CJSC for the period 2022–2024. The study contributes to existing literature by integrating both financing dimensions into a single empirical framework and providing evidence from an emerging market construction firm.

2. Literature Review

Capital structure and working capital management have long been recognized as two of the most influential determinants of corporate financial performance and financial stability. Theoretical and empirical studies demonstrate that financing decisions significantly affect firms' profitability, risk exposure, liquidity, and long-term sustainability **[1; 2]**.

The modern theory of capital structure originates from the pioneering work of Modigliani and Miller, who argued that under perfect capital market assumptions a firm's value is independent of its financing structure **[10]**. Although their proposition provided the foundation of modern corporate finance, subsequent research acknowledged that real markets are characterized by taxes, bankruptcy costs, agency conflicts, and asymmetric information, making capital structure an important determinant of firm value **[11]**.

Recognizing these market imperfections, Modigliani and Miller incorporated corporate taxation into their model and demonstrated that debt financing creates tax advantages through the deductibility of interest expenses **[11]**. This finding initiated extensive research on identifying the optimal balance between debt and equity financing.

Building upon these foundations, Myers introduced the Capital Structure Puzzle, emphasizing that no single theory could fully explain firms' financing behavior **[12]**.

One of the most influential theories is the Trade-off Theory, which suggests that firms determine their optimal capital structure by balancing the tax benefits of debt against the expected costs of financial distress and bankruptcy **[8]**. According to this perspective, firms seek an equilibrium where the marginal benefits of additional debt equal its marginal costs.

Another important contribution is the Pecking Order Theory, proposed by Myers and Majluf, which argues that firms prefer internal financing over external financing because managers possess superior information compared with outside investors **[13]**.

Agency theory also provides important insights into capital structure decisions. Jensen and Meckling argued that financing choices are influenced by conflicts of interest between managers and shareholders. Appropriate leverage can reduce agency costs by limiting managerial discretion; however, excessive debt may increase financial distress and create conflicts with creditors **[7]**.

The relationship between capital structure and firm performance has been widely investigated in empirical studies. Rajan and Zingales found that capital structure determinants differ across developed economies, suggesting that institutional environments significantly influence corporate financing decisions **[14]**. Similarly, Frank and Goyal identified profitability, firm size, asset tangibility, and market conditions as the most robust determinants of leverage **[4]**.

Working capital management has become another important research area in financial management. Gitman emphasized that efficient management of current assets and liabilities is essential for maintaining liquidity while maximizing profitability **[6]**.

Empirical evidence strongly supports the relationship between working capital management and profitability. Shin and Soenen demonstrated that shorter cash conversion cycles improve corporate profitability by reducing the amount of capital tied up in operating activities **[15]**.

A landmark contribution was provided by Deloof, who concluded that efficient management of inventories, accounts receivable, and accounts payable significantly enhances corporate profitability **[3]**.

Similarly, Lazaridis and Tryfonidis reported a statistically significant negative relationship between the cash conversion cycle and profitability among firms listed on the Athens Stock Exchange **[9]**.

More recent studies have extended these findings to emerging economies. Gill, Biger, and Mathur concluded that efficient working capital management positively affects firm profitability, although the magnitude of this relationship varies across industries **[5]**.

Comprehensive finance textbooks emphasize that capital structure optimization and working capital management should not be considered independently. Instead, they represent complementary components of corporate financial strategy aimed at maximizing shareholder value while preserving financial stability **[1, pp. 745–758; 2, pp. 518–535]**.

Despite the substantial body of international literature, relatively limited empirical evidence exists regarding the joint impact of capital structure and working capital management in construction companies operating in emerging markets. Therefore, further empirical investigation is necessary to evaluate how financing policies affect corporate performance within industry-specific contexts **[4; 5; 14]**.

Against this background, the present study contributes to the literature by examining the relationship between capital structure, working capital management, and financial stability using the case of HSKA Closed Joint-Stock Company during

2022–2024. The study extends existing research by integrating both long-term financing decisions and short-term working capital management into a unified analytical framework.

3. Research Methodology

This study adopts a quantitative case study research design based on the financial statements of HSKA Closed Joint-Stock Company (CJSC) for the period 2022–2024. The methodological approach is designed to evaluate the interaction between capital structure, working capital management, and financial stability using multiple financial analysis techniques.

Data Sources

The empirical analysis is based on audited financial statements, including:

- Statement of financial position
- Statement of profit or loss
- Cash flow statement
- Supporting notes and disclosures

Analytical Framework

To ensure a comprehensive assessment, the study applies the following analytical techniques:

- **Horizontal analysis** to evaluate temporal changes in financial statement items
- **Vertical analysis** to assess structural composition of assets, liabilities, and equity
- **Ratio analysis** to measure liquidity, leverage, profitability, and efficiency
- **Comparative analysis** to identify trends over the study period
- **Financial distress modeling (Taffler Z-score)** to assess bankruptcy risk

Key Variables and Indicators

The study focuses on the following core indicators:

- Capital structure: equity ratio, debt-to-equity ratio, leverage indicators
- Working capital: current assets, current liabilities, net working capital
- Profitability: return on equity (ROE), net profit, operating performance
- Liquidity: current ratio, financing structure of working capital
- Financial stability: Taffler Z-score model

Methodological Contribution

Unlike traditional studies that separately analyze capital structure or working capital management, this research integrates both dimensions into a unified analytical framework. This approach enables a more holistic evaluation of financial stability and captures the interdependence between long-term financing decisions and short-term liquidity management.

Limitations of Data

The study is based on firm-level financial data from a single construction company; therefore, while the findings provide deep analytical insights, generalization to other sectors should be made cautiously.

4. Results and Discussion

The financial analysis of HSKA Closed Joint-Stock Company demonstrates a significant improvement in its financial position during 2022–2024. Total assets increased from AMD 1.68 billion in 2022 to AMD 3.98 billion in 2024, representing an increase of approximately 136%. This growth reflects the expansion of production capacity, increased business activity, and continuous investment in operating assets. The company's competitive advantages – including uninterrupted production supported by an independent power generator, substantial inventories of raw materials and cement, and an integrated logistics system with GPS-controlled transportation and automated planning – have contributed to operational efficiency and business expansion.

Equity exhibited particularly strong growth, increasing from AMD 369.9 million in 2022 to AMD 1.77 billion in 2024, while liabilities increased from AMD 1.31 billion to AMD 2.21 billion over the same period. Consequently, the equity ratio (autonomy ratio) improved from 0.220 in 2022 to 0.445 in 2024. Although this value remains below the recommended benchmark of 0.50, the upward trend indicates a gradual strengthening of financial independence.

A similar improvement is observed in the debt-to-equity ratio, which declined from 3.55 in 2022 to 2.20 in 2023 and further to 1.25 in 2024. Despite remaining above the recommended threshold of 1.0, the company substantially reduced its dependence on borrowed funds, reflecting a more balanced financing policy.

The investment coverage ratio decreased slightly from 0.819 in 2022 to 0.710 in 2024, remaining below the recommended level of 0.90. This result suggests that long-term assets continue to be financed partially through short-term sources, indicating the need for further optimization of long-term financing.

Working capital management remains one of the company's major financial challenges. Current assets increased from AMD 301.9 million in 2022 to AMD 907.8 million in 2024, primarily driven by substantial growth in trade receivables, cash balances, and short-term loans granted. The planned demand for current assets increased from AMD 301.9 million to AMD 907.8 million, reflecting the expansion of production activities.

However, net working capital remained negative throughout the analyzed period, amounting to –AMD 2.9 million in 2022,–AMD 290.3 million in 2023, and –AMD 246.5 million in 2024. Although the deficit decreased during 2024, the negative value indicates that permanent capital was insufficient to finance current assets completely. Consequently, the company continued to finance part of its working capital through short-term liabilities.

The structure of working capital financing confirms this conclusion. During 2024, approximately 81% of current asset financing was provided through short-term bank loans and other short-term financing sources, while internally generated

permanent financing remained negative. This financing structure enables business expansion but simultaneously increases refinancing and liquidity risks.

The analysis of profitability indicators reveals a substantial improvement compared with 2022. Balance sheet profit increased from AMD 1.9 million in 2022 to AMD 259.1 million in 2023 and AMD 370.4 million in 2024. Likewise, the return on equity indicator increased from negative values in 2022 to 10.28 % in 2024, demonstrating improved efficiency in utilizing shareholders' capital.

Financial leverage indicators also improved considerably. The financial leverage effect shifted from strongly negative values in 2022 to positive values in 2024, indicating that borrowed capital generated additional returns rather than reducing shareholder value. Interest expenses remained relatively stable despite the expansion of operations, suggesting effective management of debt financing costs.

The company's bankruptcy risk was evaluated using the Taffler Z-score model. The calculated Z-score declined from 7.79 in 2022 to 0.53 in 2023 and 0.45 in 2024, before increasing to 0.61 according to the 2025 projections. Although the significant decrease mainly reflects normalization following the exceptionally high 2022 asset-turnover ratio, the 2023–2025 values remain above the commonly accepted distress threshold of 0.30, indicating that the company is not currently exposed to a high probability of financial failure. Nevertheless, the relatively moderate Z-scores suggest that maintaining liquidity and strengthening the capital structure should remain strategic priorities.

Overall, the empirical findings indicate that HSKA CJSC successfully expanded its operations while improving profitability and strengthening equity financing. Nevertheless, the company continues to rely heavily on borrowed capital to finance working capital requirements, indicating opportunities for further optimization of financing policy and liquidity management.

5. Conclusions

The empirical findings demonstrate that capital structure and working capital management significantly influence the financial stability of HSKA Closed Joint-Stock Company. During 2022–2024, the company substantially expanded its asset base and strengthened its equity position, resulting in improved financial independence and profitability.

The analysis indicates a gradual improvement in capital structure. The autonomy ratio nearly doubled over the study period, while the debt-to-equity ratio declined considerably, confirming reduced financial dependence. Nevertheless, leverage remains relatively high compared with recommended benchmarks, suggesting that additional strengthening of equity financing would further improve financial resilience.

Although current assets almost tripled during the study period, net working capital remained negative, indicating continued dependence on short-term financing. This financing structure supports operational growth but simultaneously

increases liquidity and refinancing risks. Therefore, improving the balance between permanent capital and working capital requirements should become a strategic financial objective.

Profitability indicators improved significantly, while the positive financial leverage effect demonstrates that borrowed capital has been used efficiently to support business growth. Furthermore, the Taffler Z-score analysis indicates that the company does not currently face a high probability of financial distress, although maintaining adequate liquidity remains essential.

Based on the empirical results, the following managerial recommendations are proposed:

- Increase the proportion of equity financing through retained earnings and capital reinvestment.
- Gradually reduce dependence on short-term borrowings by increasing long-term financing sources.
- Improve receivables collection efficiency to accelerate the cash conversion cycle.
- Optimize inventory levels without compromising production continuity.
- Strengthen cash flow forecasting and liquidity planning using integrated financial planning systems.
- Continue investing in digital logistics, automated production planning, and operational efficiency to sustain long-term competitiveness.

In conclusion, HSKA CJSC demonstrates a positive trajectory toward stronger financial stability. However, further optimization of capital structure and working capital financing remains essential for achieving sustainable growth, reducing financial risk, and enhancing long-term corporate value.

"PARVANYAN CONSULTING" ACCOUNTING AND CONSULTING COMPANY provided its support in publishing the article.

References

1. Brealey, R. A., Myers, S. C., & Allen, F. (2020). Principles of corporate finance (13th ed.). McGraw-Hill Education.

2. Brigham, E. F., & Ehrhardt, M. C. (2019). Financial management: Theory & practice (16th ed.). Cengage Learning.

3. Deloof, M. (2003). Does working capital management affect profitability of Belgian firms? Journal of Business Finance & Accounting, 30(3–4), 573–588. https://doi.org/10.1111/1468–5957.00008

4. Frank, M. Z., & Goyal, V. K. (2009). Capital structure decisions: Which factors are reliably important? Financial Management, 38(1), 1–37. https://doi.org/10.1111/j.1755–053X.2009.01026.x

5. Gill, A., Biger, N., & Mathur, N. (2010). The relationship between working capital management and profitability: Evidence from the United States. Business and Economics Journal, 2010(10), 1–9.

6. Gitman, L. J., Juchau, R., & Flanagan, J. (2015). Principles of managerial finance. Pearson Australia.

7. Jensen, M. C., & Meckling, W. H. (1976). Theory of the firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. Journal of Financial Economics, 3(4), 305–360. https://doi.org/10.1016/0304–405X(76)90026-X

8. Kraus, A., & Litzenberger, R. H. (1973). A state-preference model of optimal financial leverage. The Journal of Finance, 28(4), 911–922. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1973.tb01415.x

9. Lazaridis, I., & Tryfonidis, D. (2006). Relationship between working capital management and profitability of listed companies in the Athens Stock Exchange. Journal of Financial Management and Analysis, 19(1), 26–35.

10. Modigliani, F., & Miller, M. H. (1958). The cost of capital, corporation finance and the theory of investment. American Economic Review, 48(3), 261–297.

11. Modigliani, F., & Miller, M. H. (1963). Corporate income taxes and the cost of capital: A correction. American Economic Review, 53(3), 433–443.

12. Myers, S. C. (1984). The capital structure puzzle. The Journal of Finance, 39(3), 575–592. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1984.tb03646.x

13. Myers, S. C., & Majluf, N. S. (1984). Corporate financing and investment decisions when firms have information that investors do not have. Journal of Financial Economics, 13(2), 187–221. https://doi.org/10.1016/0304–405X(84)90023–0

14. Rajan, R. G., & Zingales, L. (1995). What do we know about capital structure? Some evidence from international data. The Journal of Finance, 50(5), 1421–1460. https://doi.org/10.1111/j.1540–6261.1995.tb05184.x

15. Shin, H.-H., & Soenen, L. (1998). Efficiency of working capital management and corporate profitability. Financial Practice and Education, 8(2), 37–45.

DOI 10.34660/INF.2026.72.20.193

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ НА РЫНКЕ АВИАПЕРЕВОЗОК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНЫХ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Рудых Алексей Сергеевич
старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени главного маршала авиации А. А. Новикова
Кильдюшевская Елена Владимировна
старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени главного маршала авиации А. А. Новикова

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ состояния конкурентной среды на рынке коммерческих авиаперевозок в Российской Федерации. Рассматриваются динамика пассажиропотока, структура рынка, уровень концентрации, ценовые стратегии авиакомпаний, а также влияние государственного регулирования и внешнеэкономических ограничений на конкурентные процессы. На основе данных Росавиации, ФАСТ России, Министерства транспорта и отраслевых аналитических отчетов выявлены тенденции к усилению монополизации рынка на магистральных направлениях и дифференциации конкурентных моделей на региональных маршрутах. Особое внимание уделено трансформации рынка в период 2022–2026 гг., связанной с ограничением доступа к зарубежной технике, изменением лизинговых схем, переориентацией маршрутной сети авиалиний и расширением государственных субсидий. Сформулированы предложения по совершенствованию конкурентной политики, поддержке региональных перевозчиков, развитию низкобюджетного сегмента и повышению прозрачности формирования тарифов на авиаперевозки.*

Ключевые слова: *рынок авиаперевозок, конкуренция, концентрация рынка, государственное регулирование, авиаперевозчики, санкционное давление, низкобюджетные перевозчики, региональная авиация.*

Введение

Воздушный транспорт является стратегически важным элементом транспортной системы Российской Федерации, обеспечивая связность территорий, мобильность населения и интеграцию отдаленных регионов в единое экономическое пространство. Согласно Воздушному кодексу РФ, воздушные перевозки относятся к видам деятельности, требующим особого государственного контроля ввиду их социальной значимости и высоких рисков [1]. Учитывая географические особенности страны, авиаперевозки выступают не только коммерческим, но и инфраструктурно значимым сектором, напрямую влияющим на качество жизни, деловую активность и развитие внутреннего туризма. В условиях масштабной трансформации глобальных логистических цепочек, ограничительных мер в отношении российского авиационного сектора и переориентации внутренних рынков, вопрос поддержания здоровой конкурентной среды приобретает особую актуальность.

Конкуренция на рынке авиаперевозок в РФ характеризуется высокой неоднородностью: на магистральных направлениях доминируют несколько крупных игроков, тогда как на региональных и местных линиях наблюдается фрагментация, субсидирование и высокие барьеры входа. Посткризисный период 2022–2026 гг. усугубил структурные диспропорции, связанные с ограниченностью парка воздушных судов (ВС), сложностями технического обслуживания, изменением моделей лизинга и усилением роли государства в ценообразовании и маршрутной политике [4]. В этой связи исследование конкурентных процессов требует системного подхода, учитывающего как экономические, так и регуляторные, технологические и геополитические факторы.

Теоретические и методологические основы исследования рынка авиаперевозок. Рынок коммерческих авиаперевозок относится к категории рынков с высокими барьерами входа, значительными постоянными издержками и ярко выраженной сетевой экономией. Конкуренция в авиационной отрасли традиционно анализируется через призму теории отраслевых рынков, моделирования олигополии, а также применения методов антимонопольного регулирования. Основополагающими подходами являются пятифакторная модель М. Портера, концепция конкурентных стратегий (ценовое лидерство, дифференциация, фокусирование), а также методология оценки рыночной концентрации, разработанная в рамках антимонопольного регулирования [9, 12].

Границы рынка авиаперевозок в Российской Федерации определяются по нескольким параметрам: виду перевозок (пассажирские, грузовые, чартерные), географии сети авиалиний (международные, магистральные внутренние, региональные, местные), классу обслуживания пассажиров (бюджетные, полносервисные, премиум). Для целей настоящего исследования фокус сделан на внутренних пассажирских перевозках, составляющих более 85% от общего

объема рынка после 2022 г., в связи с ограничением международного сообщения с рядом недружественных стран [4].

Методология анализа включает:

1) Оценку индекса концентрации четырех крупнейших игроков (CR4) и индекса Херфиндаля–Хиршмана (HHI) на основе данных о доле перевозчиков в пассажиропотоке и емкости парка [2].

2) Анализ динамики тарифов, коэффициента занятости кресел и частоты рейсов по ключевым направлениям [8].

3) Оценку регуляторного воздействия через призму практики ФАС России, субсидируемых программ, тарифных ограничений и требований к сертификации [9; 14].

4) Сравнительный анализ конкурентных моделей (low-cost, full-service, regional carrier) с учетом специфики российской нормативной базы [11].

Источниками выступают официальные статистические отчеты Росавиации, данные Министерства транспорта РФ, материалы ФАС России о состоянии конкуренции в транспортном секторе, аналитические обзоры IATA, публикации в рецензируемых журналах, а также корпоративная отчетность крупнейших авиаперевозчиков [4; 5; 15]. Период исследования охватывает 2018–2025 гг. с экстраполяцией тенденций на 2026 г.

Структура и динамика рынка авиаперевозок в Российской Федерации. Рынок внутренних авиаперевозок в РФ демонстрирует высокую цикличность и чувствительность к макроэкономическим шокам. В 2019 г. пассажиропоток на внутренних линиях составил около 89 млн чел., после чего в 2020–2021 гг. наблюдалось снижение на 35–40 % вследствие пандемических ограничений [5]. Восстановительный рост начался в 2022 г. и ускорился в 2023–2024 гг., когда внутренний трафик превысил предкризисные показатели, достигнув 102–105 млн чел. [4]. По предварительным данным за 2025 г., объем перевезенных пассажиров стабилизировался на уровне 108–110 млн чел., что отражает как насыщение спроса на ряде направлений, так и ограниченность пропускной способности аэропортов и парка ВС [15].

Структура рынка определяется доминированием федеральных перевозчиков, оперирующих из московских хабов (Шереметьево, Домодедово, Внуково), и региональных компаний, обслуживающих локальные маршруты. По итогам 2024 г. топ-5 авиакомпаний (Аэрофлот, S7 Airlines, Уральские авиалинии, Победа, Smartavia) обеспечивали около 72 % всего внутреннего пассажиропотока [4]. При этом доля низкобюджетного сегмента возросла с 18 % в 2019 г. до 29 % в 2024 г., что свидетельствует о структурном сдвиге в сторону более доступных тарифов и оптимизации операционных моделей [11]. Данный тренд согласуется с глобальной практикой, где low-cost перевозчики демонстрируют устойчивость даже в условиях макроэкономической волатильности.

Маршрутная сеть претерпела значительные изменения. Доля международных рейсов в общем объеме сократилась с 32 % (2019) до 14 % (2024), тогда как внутренние магистральные направления (Москва–Сочи, Москва–Екатеринбург, Москва–Новосибирск, Москва–Краснодар) увеличили свою долю до 41 % [3]. Региональные перевозки, включая субсидируемые маршруты, составляют около 28 % трафика, однако их рентабельность остается низкой из-за высокой доли постоянных издержек и сезонности спроса [10].

Парк ВС также трансформировался. Доля зарубежных ВС (Boeing, Airbus) постепенно снижается ввиду ограничений на поставку запчастей, страхование и лизинг. По данным Росавиации, к концу 2025 г. доля ВС российского производства и адаптированных под отечественные стандарты составила около 38 % действующего парка коммерческих перевозчиков, что создает новые требования к компетенциям, а также инфраструктуре подразделений технического обслуживания и ремонта (ТОиР) [15].

Анализ конкурентной среды: концентрация, ценообразование, государственное регулирование. Оценка уровня концентрации рынка показывает, что внутренний сегмент авиаперевозок в РФ характеризуется умеренно высокой концентрацией. Индекс CR4 в 2024 г. составил 68–70 %, а индекс HHI – около 1850–1920 пунктов, что соответствует диапазону «умеренно концентрированного» рынка по методологии ФАС России (HHI 1500–2500) [2, с. 52]. На магистральных направлениях концентрация существенно выше: на паре Москва–Сочи CR4 превышает 85 %, HHI приближается к 2800, что указывает на олигопольную структуру с ограниченным ценовым давлением [13, с. 38]. На региональных маршрутах, напротив, HHI часто опускается ниже 1200, однако конкуренция носит формальный характер из-за низкой плотности спроса, зависимости от субсидий и ограниченного числа аэропортов, способных принимать определенные типы ВС [10].

Ценовая конкуренция реализуется преимущественно через дифференциацию тарифных классов, динамическое ценообразование и программы лояльности. Низкобюджетные перевозчики (Победа, Smartavia) активно используют модель *unbundling* (разделение услуг), минимизацию времени стоянки, высокую норму занятости кресел (в среднем 88–91 %) и оптимизацию маршрутной сети авиалиний, что позволяет предлагать тарифы на 25–40 % ниже среднерыночных [11]. Сетевые (полносервисные) авиакомпании делают акцент на частоте рейсов, комфорте, стыковочных возможностях и корпоративных контрактах. Однако в условиях ограниченного парка ВС и высокой загрузки инфраструктуры ценовая конкуренция часто уступает место емкостной, где ключевым фактором становится доступность слотов и возможность поддержания расписания.

Государственное регулирование играет двойственную роль. С одной стороны, ФАС России осуществляет мониторинг тарифов, пресекает

«корпоративный сговор» перевозчиков и рассматривает дела о злоупотреблении доминирующим положением (например, ограничения на доступ к наземной инфраструктуре, необоснованное завышение сборов) [9; 2]. С другой стороны, масштабные программы субсидирования региональных перевозок, компенсации части затрат на лизинг отечественных ВС, а также введение тарифных коридоров на социально значимых маршрутах создают условия, при которых рыночные механизмы дополняются административными [10; 17]. По данным Минтранса, объем прямой поддержки авиационной отрасли в 2023–2025 гг. превысил 320 млрд руб., что обеспечило сохранение связности отдаленных регионов, но одновременно снизило стимулы к операционной эффективности у отдельных участников [3].

Антимонопольная практика демонстрирует смещение фокуса с классических ценовых сговоров на контроль за доступом к инфраструктуре, прозрачностью распределения слотов в аэропортах, условиями взаимодействия между авиакомпаниями и операторами аэропортов [14]. В 2024–2025 гг. ФАС России инициировала ряд проверок в отношении практик «скрытого бронирования», неравного доступа к системам дистрибуции и ограничений на интерлайн-соглашения, что свидетельствует о зрелости регуляторного подхода к конкурентным рискам в условиях реструктуризации рынка [2].

Влияние внешних факторов и современные вызовы. Трансформация конкурентной среды в значительной степени обусловлена внешними шоками, повлиявшими на технологическую, финансовую и логистическую составляющие отрасли. Ограничения на поставку запасных частей, программного обеспечения, страховое покрытие и лизинговые схемы привели к росту операционных издержек и потребовали ускоренной локализации ТОиР [17]. В условиях дефицита квалифицированных инженеров и пилотов, а также необходимости переподготовки персонала под новые типы ВС, барьеры входа для новых игроков существенно возросли. Это способствовало консолидации рынка и усилению позиций крупных перевозчиков, обладающих ресурсами для вертикальной интеграции и создания собственных ремонтно-эксплуатационных мощностей.

Инфраструктурные ограничения также влияют на конкуренцию. Пропускная способность аэропортов московского узла, Сочи, Екатеринбурга и Новосибирска близка к предельным значениям, что ограничивает возможности расширения частоты рейсов и создания альтернативных хабов [13]. Программа модернизации региональных аэропортов, реализуемая в рамках нацпроекта, частично смягчает эту проблему, однако темпы ввода новых мощностей отстают от роста спроса на ряде направлений [3].

Цифровизация и развитие систем дистрибуции (NDC, прямые продажи, интеграция с агрегаторами) создают новые каналы конкуренции, где ключевым

становится не только тариф, но и качество клиентского опыта, гибкость условий и скорость обработки данных. Однако фрагментация IT-инфраструктуры, ограничения на использование зарубежных систем бронирования и необходимость перехода на отечественные аналоги требуют значительных инвестиций, что вновь усиливает асимметрию между крупными и средними перевозчиками [14].

Геополитическая переориентация маршрутной сети стимулирует развитие направлений в страны СНГ, Ближнего Востока и Азии, однако эти сегменты остаются логистически сложными, с высокой волатильностью спроса и валютными рисками [6]. В результате основная конкурентная борьба концентрируется на внутреннем рынке, где регуляторные инструменты и государственная поддержка становятся определяющими факторами устойчивости бизнес-моделей.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о том, что конкуренция на рынке авиаперевозок в Российской Федерации находится в стадии структурной трансформации. Рынок характеризуется умеренно высокой концентрацией, усилением роли низкобюджетного сегмента, ростом зависимости от государственной поддержки на региональных направлениях и повышением барьеров входа, связанных с технологическими, инфраструктурными и кадровыми ограничениями. Внешние факторы ускорили процессы локализации, пересмотра маршрутных стратегий и консолидации операционных мощностей, что объективно снизило ценовое давление на магистральных направлениях, но открыло возможности для дифференциации сервисных моделей.

Для поддержания здоровой конкурентной среды и обеспечения долгосрочного развития отрасли целесообразно реализовать следующий комплекс мер:

1) Совершенствование механизма распределения аэропортовых слотов на базе прозрачных аукционных процедур с приоритетом для новых операторов и низкобюджетных моделей, что снизит искусственные барьеры входа.

2) Дифференциация субсидирования региональных перевозок с привязкой к показателям эффективности, регулярности и качества обслуживания, а не только к объему перевезенных пассажиров, что повысит адресность бюджетных расходов.

3) Создание открытых платформ для обмена данными о загрузке рейсов, тарифах и доступности инфраструктуры, что повысит прозрачность рынка и снизит риски асимметрии информации.

4) Поддержка развития отечественных систем дистрибуции и NDC-интеграции, обеспечивающих равный доступ авиакомпаний к каналам продаж независимо от масштаба бизнеса.

5) Стимулирование развития межрегиональных хабов для децентрализации трафика и снижения нагрузки на московский узел.

6) Развитие программ подготовки кадров и создания региональных центров ТОиР, что снизит операционные издержки и барьеры входа для средних перевозчиков.

Реализация указанных мер позволит сохранить баланс между социально значимыми функциями авиации и рыночными механизмами конкуренции, обеспечить устойчивое развитие отрасли в условиях структурных изменений и повысить общую эффективность транспортной системы Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 25.12.2025).

2. Федеральная антимонопольная служба. Аналитический обзор состояния конкуренции в транспортном секторе РФ за 2024 год.– М.: ФАС России, 2025.– 148 с.

3. Министерство транспорта Российской Федерации. Стратегия развития авиационной отрасли до 2030 года.– М.: Минтранс России, 2023.– 92 с.

4. Федеральное агентство воздушного транспорта (Росавиация). Статистический сборник «Гражданская авиация России» за 2024 год.– М.: Росавиация, 2025.– 210 с.

5. Росстат. Транспорт в России. 2024: статистический сборник.– М.: Росстат, 2025.– 384 с.

6. IATA. Economic Performance of the Global Airline Industry. 2024–2025 Outlook.– Geneva: International Air Transport Association, 2024.– 64 p.

7. Кузнецов А. В., Смирнов Д. С. Конкуренция на рынке пассажирских авиаперевозок: теория и практика регулирования // Транспортная политика.– 2024.– № 3.– С. 45–58.

8. Иванова М. Н., Петров С. В. Оценка концентрации рынка внутренних авиаперевозок в РФ с использованием индексов HHI и CR // Экономика региона.– 2025.– Т. 21, № 1.– С. 112–124.

9. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 15.11.2025).

10. Постановление Правительства РФ от 24.06.2023 № 1012 «О мерах поддержки авиаперевозчиков, осуществляющих региональные и местные воздушные перевозки».

11. Лебедев Г. И., Новикова Е. А. Низкобюджетные модели в авиации: адаптация к российским условиям // Вестник ГУУ.– 2024.– № 4.– С. 78–89.

12. Международная организация гражданской авиации (ICAO). Global Air Transport Economic Report. 2024 Edition.– Montreal: ICAO, 2024.– 112 p.

13. Тихонов А. П., Сидоров В. М. Инфраструктурные ограничения как фактор снижения конкурентного давления на магистральных авиамаршрутах // Региональная экономика: теория и практика.– 2025.– № 2.– С. 33–46.

14. Официальный сайт ФАС России. Реестр дел о нарушениях антимонопольного законодательства в сфере транспорта [Электронный ресурс].– URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 10.05.2026).

15. Официальный портал Минтранса России. Данные о пассажиропотоке и состоянии авиационной отрасли [Электронный ресурс].– URL: https://mintrans.gov.ru (дата обращения: 10.05.2026).

16. Орлов П. Г., Козлов Д. А. Цифровизация дистрибуции в авиации: вызовы и перспективы для российского рынка // Научный вестник МГТУ ГА.– 2025.– № 1.– С. 54–63.

17. Постановление Правительства РФ от 18.09.2024 № 1288 «Об утверждении правил предоставления субсидий авиакомпаниям на компенсацию части затрат по лизингу отечественных воздушных судов».

18. Всемирный банк. Russia Aviation Sector Review: Competition, Regulation and Infrastructure. 2024.– Washington, DC: World Bank Group, 2024.– 87 p.

DOI 10.34660/INF.2026.72.29.132

УДК 349.3

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА МАТЕРИНСКИЙ (СЕМЕЙНЫЙ) КАПИТАЛ ДЕТЬМИ-СИРОТАМИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Коростелева Юлия Александровна
кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
ORCID ID: 0000–0002–8439–7329
Егикян Лилит Араратовна
магистрант
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация

Аннотация: *Статья посвящена исследованию особенностей реализации права на материнский (семейный) капитал детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Анализируются действующие нормы законодательства Российской Федерации, регламентирующие предоставление указанной меры государственной поддержки. Особенное внимание уделяется вопросам определения субъектов права на материнский (семейный) капитал, порядку распоряжения средствами и участию органов опеки и попечительства в защите имущественных интересов детей-сирот.*

Ключевые слова: *материнский (семейный) капитал, дополнительные меры государственной поддержки, средства материнского (семейного) капитала, защита интересов детей-сирот, социальная защита.*

Annotation: *The article is devoted to examining the specific features of the realization of the right to maternity (family) capital by orphans and children deprived of parental care. It analyzes the current provisions of the legislation of the Russian Federation governing the provision of this form of state support. Particular attention is paid to issues concerning the identification of eligible beneficiaries, the procedures for the allocation and use of funds, and the role of guardianship and trusteeship authorities in safeguarding the property interests of orphaned children.*

Key words: *maternity (family)capital, additional measures of state support, maternity (family) funds, protection of the interests of orphaned children, social protection.*

С принятием Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон № 256-ФЗ)[1] в российском законодательстве появился институт материнского (семейного) капитала. Реализация данного федерального закона были вызваны необходимостью преодоления демографического кризиса, а также стабилизации социально-экономической ситуации, сложившиеся в Росси в начале XXI века.

На основании проведенного анализа существующих позиций современных исследователей, действующего законодательства в сфере регулирования использования гражданами материнского (семейного) капитала можно сделать вывод, что материнский (семейный) капитал является одной из самых эффективных мер государственной социальной поддержки семей, имеющих детей, а также оказывает положительное воздействие, хотя в большей мере косвенно, на повышение уровня рождаемости в стране, тем самым осуществляя решение такой важной задачи социальной политики Российской Федерации, как улучшение и стабилизация демографической ситуации в стране[2].

Об особом внимании, которое требует подрастающее поколение, свидетельствует в том числе и положение части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, возлагающее на государство создание условий для всестороннего развития несовершеннолетних, осуществление обязанностей родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Очевидно, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, нуждаются в особой заботе и защите, а их статус характеризуется определенными особенностями, предопределяющими специфику правового регулирования отношений с их участием[3].

---

[1] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/

[2] Барбашова Т. П., Жихорева А. В. Материнский (семейный) капитал: понятие, механизм и проблемы его реализации // Молодой ученый Международный научный журнал.– 2022.– № 24 (419).– 203 с.

[3] Обеспечение и защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: международные стандарты и российский опыт: учебное пособие / Под общ. ред. И. В. Шишениной.– Волгоград: Изд-во ВИУ – филиал РАНХиГС, 2021–380 с.

Статья 7 Закона № 256-ФЗ закрепляет общие правила распоряжение средствами материнского (семейного) капитала лицами, претендующими на получение данной меры государственной поддержки. При этом часть 2 вышеупомянутой статьи в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривает специальный порядок, обусловленной их особым правовым статусом и повышенным уровнем государственной защиты.

Распоряжение средствами в отношении ребенка, находящегося под опекой (попечительством), осуществляется усыновителями, опекунами (попечителями) или приемными родителями ребенка (детей) с предварительного разрешения органа опеки и попечительства или самим ребенком (детьми) по достижении им (ими) совершеннолетия или приобретения им (ими) дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия.

Несмотря на наличие требование о предварительном согласовании распоряжения средствами с органом опеки и попечительства, действующее российское законодательство не регламентирует детализированного процедурного правового механизма реализации указанного полномочия. В частности, не урегулированы критерии оценки обоснованности расходования средств материнского (семейного) капитала на цели, отвечающие потребностям и законным интересам несовершеннолетних, распределение ответственности между участниками соответствующих правоотношений и механизм осуществления последующего контроля со стороны органа опеки и попечительства после завершения распоряжения.

В качестве возможного решения предлагается ведение института доверительного управления имуществом несовершеннолетних. Однако данная модель вызывает некоторые возражения. Остается неурегулированным вопрос о субъекте, выступающем учредителем доверительного управления, поскольку несовершеннолетний ребенок не обладает полной дееспособностью, а орган опеки и попечительства выполняет некие надзорные и контролирующие функции. Также не урегулированы пределы усмотрения доверительного управляющего.

С учетом изложенного, более обоснованным представляется создание специального публично-правового механизма распоряжения средствами материнского (семейного) капитала, принадлежащего детям-сиротам. Сущность данного механизма заключается в том, что обладателем сертификата материнского (семейного) капитала признается сам ребенок, законные представители действуют исключительно от его имени. Целесообразно введение номинального счета как инструмента усиленной защиты имущественных прав детей сирот. Открытие номинального счета в системе Социального фонда Российской Федерации (далее – СФР) влечет применение особого порядка рассмотрения заявлений о распоряжении средствами. Такой порядок предполагает, что СФР оценивает целесообразность предполагаемого

распоряжения с точки зрения интересов ребенка и выявляет возможные риски злоупотребления со стороны законных представителей.

Другая проблема заключается во множественности прав на материнский (семейный) капитал, при которой лицо из числа детей-сирот одновременно обладает правом на материнский (семейный) капитал, перешедшим от родителей, и приобретает самостоятельное право на материнский (семейный) капитал в связи с рождением собственного ребенка. Формально такие права существуют автономно и реализуется независимо друг от друга. Однако при практическом распоряжении средствами (прежде всего при улучшения жилищных условий) происходит фактическое объединение в рамках одной сделки. Отсутствие дифференциации режимов распоряжения противоречит самой идее целевого значения данной меры публичного характера.

В целях устранения правовой неопределенности, возникающей при одновременной реализации прав на материнский (семейный) капитал, возникших по нескольким основаниями, одним субъектом, представляется обоснованным закрепление на законодательном уровне принципа раздельного правового режима средств материнского (семейного) капитала. Суть данного принципа заключается в том, что средства, право на которые возникло по различному основанию, сохраняют свою правовую природу и рассматриваются как обособленные имущественные массы, каждая из которых имеет строго целевую направленность на защиту интересов конкретного круга лиц.

Реализация указанного принципа предполагает, что при приобретении имущества с использованием нескольких сертификатов, определение долей в праве собственности должно осуществляться с учетом объема средств, внесенных по каждому сертификату. Закрепление такого подхода в Законе № 256-ФЗ, позволит обеспечить сохранение целевого характера данной меры государственной поддержки, увеличить уровень прозрачности правового регулирования и минимизировать риски нарушения имущественных прав детей, включая детей-сирот.

Проведенный в настоящей работе анализ правового регулирования распоряжения средствами материнского (семейного) капитала в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, позволяет сделать вывод о наличии ряда практических проблем, требующих правоприменительного разрешения.

Несмотря на закрепленные в действующем законодательстве гарантии социальной поддержки, правовой статус детей-сирот остается уязвимым в части реализации их имущественных прав, включая право на материнский (семейный) капитал. Только при условии устранения существующих коллизий и повышения эффективности правового регулирования возможно достижение цели социальной политики – обеспечения достойного и защищенного будущего для детей, лишенных родительской опеки.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993 25 декабря.

2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 256-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 1. Ст. 19.

3. Барбашова Т. П., Жихорева А. В. Материнский (семейный) капитал: понятие, механизм и проблемы его реализации // Молодой ученый Международный научный журнал.– 2022.– № 24 (419).– 203 с.

4. Обеспечение и защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: международные стандарты и российский опыт: учебное пособие / Под общ. ред. И. В. Шишениной.– Волгоград: Изд-во ВИУ – филиал РАНХиГС, 2021–380 с.

DOI 10.34660/INF.2026.72.90.199

УДК 341.31

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО VS НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Примов Магомедрасул Наримановч
аспирант
Дагестанский государственный университет
ORCID: 0009-0003-6216-2734

Аннотация: *Акты совместной с Израилем агрессии против Ирана, вооруженная операция в Венесуэле, блокада Кубы, угрозы в адрес этих государств вновь подтверждают намерение США использовать ситуацию, сложившуюся после ликвидации СССР, для окончательного утверждения в мире своей гегемонии, представляющей собой новый мировой порядок, несовместимый с международным правом. Претензии на особую миссию США документально зафиксированы в регулярно обновляемых стратегиях национальной безопасности. Агрессия Израиля имеет религиозную составляющую. При этом в обоих случаях основой новой версии теории захвата жизненного пространства являются религиозный фанатизм и обоснование своей особой роли в мире некоей избранностью, превосходством над остальными народами. ООН лишена возможности применять установленные её Уставом меры воздействия в отношении Израиля и главного генератора международного терроризма в лице США, ввиду статуса последних в Совете Безопасности ООН. Государства – члены ООН непоследовательны в реализации принятых с их участием решений, что влечет дискредитацию главной международной организации. Индивидуальные санкции к нарушителям международного права, основанные на международном праве, практически не востребованы членами ООН. Государства с отличной от США-Израиля концепцией будущего должны самостоятельно реализовать возможность применения собственных санкций не только за акты агрессии, международного терроризма, угрожающие миру и безопасности, но и за систематическое игнорирование решений ООН.*

Ключевые слова: *СССР, международное право, США, Израиль, гегемония, новый мировой порядок, международный терроризм, ООН, резолюции, санкции*

Введение

Очевидный кризис международного права, сопутствующая ему трансформация ООН происходили на фоне уничтожения США мироустройства, сложившегося по итогам Второй мировой войны. Необходимо отметить, что бывшая колония Великобритании активно начала свою мировую экспансию уже сразу после окончания войны, единственная имея в своем распоряжении ядерное оружие. Но лишь ликвидация СССР открыла США путь к реальному достижению мировой гегемонии посредством не ограничиваемого международным правом применения военной силы, актов агрессии, сопряженных с терроризмом и геноцидом.

Неотвратимо нарастающее ухудшение общей ситуации в мире является объективным следствием предательства руководством КПСС всей социалистической системы во главе с СССР, проигнорировавшего объективную реальность ради желания стать своим для новых друзей – старых врагов с «демократического, цивилизованного Запада» [26, с.111].

Идеологическим прикрытием процесса вхождения в «лоно цивилизованного» Запада, являлась сопряженная с конвергенцией – сближением с коллективным Западом, политика разрядки международной напряженности. Между тем, отсутствие объективных оснований для подобного сближения было подтверждено уже вскоре после окончания Второй мировой войны в программной речи У. Черчилля, заявившего о превосходстве США, подкрепленном наличием лишь у него ядерного оружия, необходимости дальнейшего совместного противостояния коммунистической угрозе [36].

Несмотря на это, идеологическое противостояние руководства СССР с коллективным Западом было скомпрометировано огульной критикой И. В. Сталина, его деятельности, наследия и, в конечном счете всей советской системы, что привело в итоге к ликвидации СССР деградировавшим руководством КПСС [33].

Объективными проявлениями ревизионистской, антисоветской по своей сути политики являлись заимствованные мифы о неэффективности социалистической плановой экономики, опровергаемые победой СССР над фашистскими Европой и Японией и последующим послевоенным восстановлением, ростом народонаселения, темпы которых были недостижимы для капиталистических стран. Результаты собственных ошибочных решений, принимаемых со второй половины 50-х годов,– вопреки прежнему курсу на развитие СССР, а также последовательно проводимому США курсу на установление своей гегемонии, в том числе с использованием военной силы,– руководство КПСС приписывало социалистической системе в целом.

По существу, для ликвидации СССР не имелось объективных оснований, если не считать таковыми деградацию партийно-советского руководства. Об очевидности данного вывода свидетельствуют многочисленные награды,

присвоенные М. Горбачеву западными, в том числе сионистскими организациями, которые сами по себе характеризуют идеологические ориентиры последнего советского руководства. В число этих наград входят, в частности, присвоенные первому и последнему президенту СССР в 1992 году почетные звания трёх израильских университетов. Кроме того, премии: Бенджамина М. Кардосо «За демократию», университет Ешива, Нью-Йорк, 1992 год; Царя Давида (в знак признания огромного вклада М. Горбачева в защиту еврейской жизни), США, 1997 год; международной женской сионистской организации, Майами, США, 1998 год; Джорджа Буша «за выдающиеся достижения в государственной службе», Фонд Джорджа и Барбары Буш, Хьюстон, США, 2001 год. А также награды: «Звезда Героя» университета Бен-Гурион, Израиль, 1992 год; памятная награда «Врата Свободы» в честь 10-летия со времени предоставления евреям бывшего СССР возможности свободно эмигрировать. Компания «Израиль бондс», Нью-Йорк, 1998 год; награда академического колледжа Нетаньи, Израиль, Тель-Авив, 2003 год. Следует также отметить, что 15 октября 1990 года М. Горбачев, единственный из руководителей СССР, был награждён Нобелевской премией мира [35].

Многолетний член КПСС Б. Ельцин также публично присягнул 17 июня 1992 года на верность США в их законодательном органе [32] и полностью подтвердил преданность США своей деятельностью, за которую также был поощрен наградами, в число которых входят медали США «Щит Свободы» и «За самоотверженность и отвагу» [39].

Ликвидация социалистической системы государств во главе с СССР имела своим результатом исключительно негативные последствия, проявившиеся в уничтожении единого народнохозяйственного комплекса, дроблении единой социалистической федерации и социалистической системы в целом на отдельные фрагменты, встроенные в виде новых «независимых» государств, в «лоно цивилизованного» Запада в качестве ресурсных, сырьевых придатков, лишенных возможности самостоятельного развития в интересах народа, управляемых через разного роды псевдо-международные организации типа МВФ, ВТО, ВОЗ, МАГАТЭ, продвигающих исключительно интересы коллективного Запада и его гегемона – США, имеющих свои планы по освоению территории бывшего СССР.

Соответственно, были дезавуированы результаты победы СССР во Второй мировой войне, а ООН утратила свой изначальный статус главного международного органа, обеспечивающего состоявшийся по результатам Второй мировой войны баланс интересов возглавляемых СССР социалистических государств и коллективного Запада во главе с США и неразрывно связанного с ними Израиля. Одновременно была прекращена практика широкого обсуждения нарушений последним международного права, включая вопрос о его

ядерном оружии. И это при том, что слишком частые нарушения международного гуманитарного права, международного права в целом, и без того имеют распространенный характер [21, с.53]

Следствием саморазрушения СССР, диаметральной смены политической ориентации стал также факт восстановления первым и последним президентом СССР дипломатических отношений с еврейским государством в октябре 1991 года. То есть накануне ликвидации СССР, уже после выходы из его состава бывших союзных республик, провозгласивших своей суверенитет и независимость. Совместное заявление подписано 18 октября 1991 года в Иерусалиме. В данном заявлении закреплена готовность обеих сторон «строить двусторонние отношения в соответствии с Уставом ООН, нормами международного права и на основе принципов равноправия, взаимного уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга». Одновременно выражена «уверенность в том, что восстановление в полном объеме дипломатических отношений между СССР и Государством Израиль всецело отвечает задаче всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке, установления прочного мира и стабильности в этом регионе, развития и укрепления международного сотрудничества» [37].

Приведенные констатации представляются далёкими от реальности, неуместными в свете неоднократного рассмотрения ГА ООН вопросов, связанных с грубыми нарушениями Израилем международного права и принятых на этот счет резолюций, оставленных без реагирования как самой ООН, так и её членами.

Между тем, ответственность за нарушение международного права подтверждается лишь наличием реальных санкций за соответствующие нарушения, поскольку обязанность соблюдать требования международного гуманитарного права (МГП), международного права в целом является условием членства в ООН, закреплёнными статьями 1, 2, её Устава. Членство в организации сопряжено с ответственностью за нарушение принципов ее деятельности. Генеральная Ассамблея ООН (ГА ООН) вправе приостанавливать, по предложению её Совета Безопасности (СБ ООН) «осуществление прав и привилегий», обусловленных членством в ООН, у государства, в отношении которого СБ ООН приняты меры предупредительного или принудительного характера. Восстановление прежнего статуса осуществляется СБ ООН. Статьёй 6 Устава установлено право ГА ООН по предложению СБ ООН рассмотреть вопрос об исключении из числа членов данной организации государства, допускающего систематическое нарушение принципов ООН.

Особая ответственность за соблюдение всеми членами ООН ее уставных задач возложена статьёй 23 Устава на СБ ООН в лице его постоянных членов, которыми являются Китайская Республика, Франция, Союз Советских

Социалистических Республик, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (Великобритании), Соединенные Штаты Америки. От позиции данных государств зависит практическое решение в ООН всех вопросов обеспечения мира и безопасности [1].

Поскольку от решений СБ ООН зависит применение предусмотренных Уставом ООН санкций к нарушителям международного права, именно на нём лежит главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Вместе с тем решения ООН отражают позицию государств – членов данной международной организации. Соответственно, в условиях отсутствия реального противодействия гегемонии альянса США и Израиля, ООН оказалась лишена возможности принимать решения, которым противодействуют США.

Блокирование резолюций СБ ООН, а также воспрепятствование решениям ГА ООН, содержащим осуждение Израиля, является неизменной позицией США, оформлено в качестве стратегической позиции США по поддержке Израиля в так называемой «Доктрине Негропонте» [41].

Здесь же необходимо отметить, что в 2022 году по инициативе делегации Лихтенштейна была принята резолюция ГА ООН, предусматривающая автоматический созыв заседания ГА ООН в течение 10 дней после применения членами СБ ООН права вето. Согласно данному процедурному правилу на заседании ГА ООН проводится обсуждение ситуации, в связи с которой было применено право вето [14].

Бывшая колония Великобритании, ставшая США, и новообразование в Палестине в виде теократического государства Израиль, всей историей своего существования подтверждали непреложный факт полной несовместимости своей внешней политики с международным правом.

Становление США происходило на фоне геноцида коренного населения и изобилует фактами обмана и жестокости во взаимоотношениях с племенами индейцев, а также агрессивными войнами в различных регионах мира. Согласно официальным данным Исследовательской службы Конгресса США, с 1798 года американские военные провели 469 военных операций за рубежом, в том числе 251 – после окончания первой холодной войны в 1991 году [42].

Что касается еврейского государства, то его постоянная нацеленность на внешнюю экспансию, реализацию общеизвестного плана создания «Великого Израиля» посредством захвата территорий других стран, обосновывается руководством Израиля декларируемыми им религиозными постулатами.

В целом террористический альянс США и Израиля стремится к созданию противостоящего международному праву нового мирового порядка, на основе завуалированного ветхозаветными сюжетами права сильного, что не даёт оснований даже для предположений о возможности добросовестного соблюдения этим альянсом каких-либо договоров [25, с. 432, 437].

Принятие ГА ООН резолюции об отмене [10] принятой 10 ноября 1975 года ее же резолюции 3379, характеризующей сионизм как «форму расизма и расовой дискриминации» [9], отразило изменение прежнего отношения международного сообщества к оценке военных преступлений Израиля.

Таким образом, именно ликвидация СССР кардинально изменила основу закрепленного Уставом ООН, сложившегося после Второй мировой войны международного права, повлияла на возможность ООН адекватно реагировать на акты открытой агрессии, в том числе в отношении дружественных СССР государств. Всё это в совокупности и привело к гегемонии США, открыто заявивших о своей победе в Холодной войне.

Необходимо при этом отметить подтверждение МИД РФ осуществления последней прав и выполнение обязательств, вытекающих из международных договоров, заключенных СССР, а также выполнение правительством РФ вместо правительства СССР функций депозитария по соответствующим многосторонним договорам, сопровожденное просьбой рассматривать РФ в качестве стороны всех действующих международных договоров вместо СССР [17].

В последующем был принят Федеральный закон о международных договорах, в части 3 статьи 1 которого указано, что он распространяется на международные договоры, в которых РФ является стороной в качестве государства – продолжателя СССР [18].

Вместе с тем очевидно, что отрицающая социализм и его достижения в СССР капиталистическая РФ объективно не является ни альтернативой, ни полноценным противовесом коллективному Западу во главе с США. Более того, именно ликвидация СССР, объединяемой им системы социалистических государств, обеспечила и продолжает обеспечивать США всеми необходимыми им ресурсами, тем самым создала благоприятные условия для реализации плана по достижению мирового господства, организации нового мирового порядка, основанного на гегемонии США.

Результаты Холодной войны и получившие широкое распространение факты применения США военной силы, совершения актов агрессии, международного терроризма и геноцида не являются отдельными эксцессами, поскольку полностью основываются на стратегии национальной безопасности США во всех ее редакциях.

При таких обстоятельствах очевидна актуальность адекватного восприятия руководством государства факта непрерывного военного противостояния [29].

Международный терроризм – основа внешней политики США и Израиля

История нынешней цивилизации неразрывно связана с насилием во всех его самых изощренных формах. В современный период лидерами в применении наиболее жестоких способов умерщвления людей являются США.

При этом последние реализуют террористические кампании в соответствии со своими стратегическими документами [27, с.29–30].

Более того, государственный терроризм США имеет как внутриполитический, так и внешнеполитические аспекты [19].

Израиль, несмотря на несопоставимость численности населения и размеров территории, нисколько не уступает своему главному защитнику в масштабах государственного терроризма, выходящего далеко за пределы собственно еврейского государства. Документально подтверждены многочисленные факты совершения диверсантами Израиля террористических актов в различных государствах мира [28, с.58–80].

Обладатели ядерного вооружения Израиль и США, неразрывно объединены деструктивными религиозно-политическими постулатами ультра-сионизма, являющегося новой идеологической основой для обеспечения их мирового господства в форме нового мирового порядка.

Примечательным является тот факт, что именно в отношении теократического еврейского государства тема государственного терроризма во взаимосвязи с агрессией против соседних государств зафиксирована в специальной резолюции ГА ООН [7]. Резолюция содержала указание на обязательство государств – членов ООН воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применении. Также подтверждала безусловное право всех народов самостоятельно определять свое социально-политическое и экономическое устройство. Кроме того, в резолюции, наряду с требованием избегать всяческие проявления терроризма в международных отношениях, содержалось осуждение таких действий.

Особое место в характеристике государственного терроризма, анализе его причин занимает Женевская декларация от 21 марта 1987 года (Декларация). В числе прочих его проявлений государственный терроризм рассматривается в данном документе как деятельность по осуществлению оборота своего ядерного оружия за пределами государства; проведению военных учений у границ других государств с целью угрозы их государственному суверенитету. Кроме того, к государственному терроризму отнесена агрессия, создающая угрозу для гражданского населения.

Крайне важные констатации, относящиеся прежде всего к природе международного терроризма, содержит преамбула Декларации, в которой прямо указывается, что терроризм – это прежде всего политика самих властных структур, которые манипулируют темой терроризма, приписывая его всецело силам народного сопротивления, законная борьба которых против жестокого подавления лишь косвенно связана с его проявлениями. То есть упомянутые проявления – это лишь следствие государственного терроризма.

Вместе с тем терроризм государства, сопряженный с наличием современного вооружения несопоставим с политическим насилием добивающихся

освобождения от гнёта групп населения. Отказ в поддержке терроризма в какой бы то ни было форме не отменяет того факта, терроризм является следствием постоянного нарушения прав человека преступными режимами, совершающими государственные преступления, подготовки к применению ядерного оружия, агрессии в отношении народов развивающихся стран. Насмешкой над борьбой с терроризмом, его проявлением является также использование этого понятия в качестве ярлыка.

Истоком терроризма является государственная система структурного насилия и господства, наносящая ущерб основным правам человека, собственным гражданам, а также осуществляющая агрессию иное вмешательство, посягающие на территориальную целостность, политическую независимость других государств.

Применительно к национально-освободительным движениям (НОД) в Декларации отмечается, что абсолютное большинство нарушений международного гуманитарного права совершается непосредственно либо опосредованно связанными с государством структурами, а не НОД. При этом западные СМИ умышленно совершают подмену понятий в интересах своих режимов, имеющих цели, которые как раз и могут характеризоваться как террористические, агрессивные.

В разделе IV Декларации, специально посвященном международным СМИ, констатируется их очевидная роль в поддержке международного терроризма посредством избирательного подхода к его определению и освещению, распространения искаженного представления о терроризме, тиражирования дезинформации.

В заключении Декларации сделан вывод об истоках международного терроризма – использование сильными государствами военного, экономического, политического и культурного доминирования для подчинения их воле [2].

США в полной мере соответствуют приведенному определению. Тем более, что противодействие международному терроризму основано на соблюдении принципов Устава ООН, уважении права народов на самоопределение, обеспечении их экономического, политического и социального равенства, которые США открыто игнорируются.

В другом важном документе рассматривается непосредственно международный терроризм, то есть внешнее проявление государственного терроризма. Этот документ – резолюция ГА ООН 49/60 от 9 декабря 1994 года, которая обязывает государства – члены ООН обязанность отказаться от всякого рода участия в совершении терактов на территории других государств; выполнять свои обязательства по борьбе с международным терроризмом согласно Уставу ООН и международному праву [3].

Приведенные выше международные акты, закрепленные в них требования, обязательства государств – членов ООН полностью игнорируются и США,

и Израилем, которые присвоили себе право самостоятельно интерпретировать, оценивать деятельность других государств, совершать против них акты агрессии по своему усмотрению.

Хронология актов агрессии, подтверждающих террористическую основу внешней политики как США, так и Израиля, охватывает весь период их существования.

Как отмечено выше, лишь с 1991 года США многократно нападали на государства-члены ООН, иногда под прикрытием резолюций СБ ООН, а зачастую вовсе без его разрешения.

В частности, 16 января 1991 года коалицией во главе с США проведена военная операция «Буря в пустыне» против Ирака. Операция основывалась на резолюции Совета Безопасности ООН № 678 от 29 ноября 1990 года «Ситуация в отношениях между Ираком и Кувейтом», которая предписывала Ираку вывести войска из Кувейта до 15 января 1991 года, а по истечении данного срока разрешала применение «всех необходимых средств» для деоккупации Кувейта. Против проекта резолюции проголосовали лишь Куба и Йемен. Постоянные члены Совета КНР и СССР правом вето не воспользовались. При этом КНР воздержалась от голосования. СССР, руководимый первым и последним его президентом, поддержал резолюцию [8]. Тем самым, в нарушение действующего с 20 июля 1972 года и до настоящего времени межгосударственного договора [4] содействовал военной операции США и их союзников против Ирака, а также последующей войне непосредственно на территории Ирака уже без разрешения СБ ООН.

В период с 1992 по 1995 год военные операции ООН в охваченных гражданской войной Сомали проводились на основании резолюции СБ ООН № 794 от 3 декабря 1992 [12], но преимущественно вооруженными силами США, чье вмешательство не могло не повлечь еще более разрушительных последствий.

Без рассмотрения соответствующего вопроса на СБ ООН совершены следующие акты агрессии: воздушная операция НАТО «Обдуманная сила» против боснийский сербов самопровозглашенной Республики Сербской в августе-сентябре 1995 года; военная операция США и Великобритании в Ираке, 17–20 декабря 1998 года; агрессия блока НАТО против Союзной Республики Югославии, 24 марта – 10 июня 1999 года.

На основании резолюции Совета Безопасности ООН № 1368 от 12 сентября 2001 года 7 октября 2001 года была начата операция войск США и Великобритании в Афганистане. Вывод войск США бесславно завершился 30 августа 2021 года.

С 2002 года США осуществляют вооруженное вмешательство во внутренний конфликт в Йемене под предлогом войны с терроризмом.

Используя резолюцию СБ ООН [13], НАТО 19 марта 2011 года совершило агрессию против Ливии, используя в качестве предлога необходимость защиты

населения от действий государства. Тот факт, что ситуация в стране была вызвана действиями подстрекаемой извне вооруженной оппозиции, во внимание принят не был. РФ, воздержавшись при принятии резолюции, фактически стала причастной к легитимизации жестокого убийства руководителя Ливии и её ликвидации в прежнем виде. Между тем, Ливия являлась давним союзником СССР. РФ связывают с Ливией действующие до настоящего времени Декларация [5] и Соглашение [6].

С августа 2014 года военные действия в Сирии и Ираке США и их сателлиты инициативно проводили под предлогом борьбы с «Исламским государством». Итогом стал захват Сирии в декабре 2024 году тем же террористическим формированием, против которого США, якобы, так долго боролись, при активном участии Турции и Израиля, имеющих свои планы на эту территорию.

Вероломные нападения на Иран, вначале 13 июня 2025 года, которое продолжалось до 24 июня, последующая агрессия 28 февраля 2026 года, в полной мере продемонстрировали абсолютную несовместимость с международным правом внешней политики США и Израиля, основанной на международном терроризме. Данный факт подтверждается использованием США-Израилем переговорного процесса с Ираном для сокрытия готовящейся агрессии, обеспечения фактора максимальной внезапности нападения, вероломного убийства военно-политического руководства, вообще всех, кого они посчитают нужным убить, включая даже представителей Ирана на переговорах. Кроме того,– умышленным нанесением массированных ракетно-бомбовых ударов по гражданской инфраструктуре, учебным заведениям, приведших к убийству учащихся и педагогов школы для девочек.

Такие убийства цинично именуются агрессорами и их пособниками ликвидацией, для отождествления убитых с террористами, при том, что единственными бесспорными террористами являются сами США и Израиль, непосредственно которому, как отмечено выше, была посвящена резолюция ГА ООН о недопустимости политики государственного терроризма.

Более того, особо вызывающим является факт инициирования и совершения агрессии против Ирана, являющегося участником МАГАТЭ с 1958 года [38], со стороны Израиля, который, обладая ядерным оружием на протяжении многих лет, не только не является членом МАГАТЭ, но и не признает официально факт наличия у него ядерного вооружения.

И это при том, что данный вопрос многократно рассматривался в ООН. На протяжении 1974–1991 года ГА ООН приняты следующие резолюции по вопросу о ядерном оружии Израиля. Так, резолюции с призывом к созданию на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия, были приняты ГА ООН: 9 декабря 1974 года – резолюция 3263; 11 декабря 1975 года – резолюция

3474; 10 декабря 1976 года – резолюция 31/71; 12 декабря 1977 года – резолюция 32/82; 14 декабря 1978 года – резолюция 33/64; 11 декабря 1979 года – резолюция 34/77; 12 декабря 1980 года – резолюция 35/147; 9 декабря 1981 года – резолюция 36/87; 9 декабря1982 года – резолюция 37/75; 13 декабря 1983 – резолюция 36/84; 12 декабря 1984 – резолюция 39/54; 12 декабря 1985 – резолюция 40/82; 3 декабря 1986 – резолюция 41/48; 30 ноября 1987 – резолюция 42/28; 7 декабря 1988 – резолюция 43/65.

По вопросу о ядерном вооружении Израиля ГА ООН приняты: 11 декабря 1979 года – резолюция 34/89; 12 декабря 1980 года – резолюция 35/157; 9 декабря 1981 – резолюция 36/98, в которой также содержалось требование к Израилю отказаться от обладания ядерным оружием и предоставить свои объекты для инспекции; 9 декабря 1982 – резолюция 37/82; 15 декабря 1983 – резолюция 38/69; 17 декабря 1984 – резолюция 39/147; 12 декабря 1985 – резолюция 40/93; 4 декабря 1986 – резолюция 41/93; 30 ноября 1987 – резолюция 42/44; 7 декабря 1988 – резолюция 43/80; 15 декабря 1989 – резолюция 44/121; 6 декабря 1991 года – резолюция 46/39. Примечательным является тот факт, что через 10 дней, 16 декабря 1991 года, от имени СССР была поддержана резолюция, отменившая состоявшееся 10 ноября 1975 года при участии полноформатного СССР признание сионизма формой расизма и расовой дискриминации.

Помимо отмеченного выше, в резолюции ГА ООН 33/71-А от 14 декабря 1978 года отмечалась неприемлемость наращивания Израилем своего военного потенциала, а также его попыток приобрести ядерное оружие, зафиксирован призыв к членам ООН ввести эмбарго на поставки оружия Израилю.

В резолюции 36/27 от 13 ноября 1981 года ГА ООН осудила нападение Израиля на иракские ядерные объекты и потребовала от него выплатить Ираку компенсацию. Об отношении агрессора к решениям ООН свидетельствует тот факт, что через четыре года,– 1 ноября 1985 года,– ГА ООН была принята резолюция 40/6 содержащая «Подтверждение осуждения Израиля за его нападение на иракский ядерный объект». И это при том, что СБ ООН еще 20 августа 1980 года принял резолюцию 487, в которой Израиль решительно осуждался за нападение на ядерный объект Ирака.

16 ноября 1982 года ГА ООН приняла резолюцию 37/18 с осуждением отказа Израиля выполнить резолюцию 487 СБ ООН, а также потребовала от еврейского государства отказаться от своей угрозы атаковать ядерные объекты соседних государств. Аналогичные требования содержатся в резолюциях: 38/9 от 10 ноября 1983 года; 39/14 от 23 ноября 1984 года.

Резолюция ГА ООН 41/12 от 29 октября 1986 года содержит «Призыв к Израилю поставить свои ядерные объекты под надзор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ)».

Таким образом, до 1991 года включительно, Генеральная Ассамблея ООН неоднократно рассматривала вопрос о наличии у Израиля, в нарушение международного права, ядерного оружия [11]. СССР поддерживал соответствующие резолюции.

С ликвидацией СССР, установлением гегемонии США, эта тематика исчезла из повестки дня ООН: инициативы, посягающие на безнаказанность еврейского государства за совершение преступлений против мира и международной безопасности, успешно блокировались США и их сателлитами.

Более того, в тот же период, когда рассматривался вопрос о наличии у Израиля ядерного оружия, ГА ООН, основываясь на своих решениях, зафиксировавших многочисленные военные преступления Израиля, открытое игнорирование им международного права, предлагала всем государствам приостановить или разорвать все дипломатические, экономические и технологические связи с Израилем (резолюции: 38/180 от 19 декабря 1983 года; 39/146 от 14 декабря 1984 года; 40/168 от 16 декабря 1985 года; 41/162 от 4 декабря 1986 года; 42/209 от 11 декабря 1987 года; 43/54 от 6 декабря 1988 года). Отдельно следует упомянуть систематически принимаемые ГА ООН решения, содержащие требование о прекращении Израилем сотрудничества с Южной Африкой, поскольку это сотрудничество включало в себя работы в сфере ядерных технологий.

Террористический характер США и Израиля подтверждается организацией и исполнением последними общеизвестных террористических актов с целью убийства руководителей государственных органов, ученых, общественных деятелей других государств, вероломным нападением на них без объявления об этом, а также массированной бомбардировкой территории этих государств, включая гражданские объекты.

В ноябре 2024 года Международный уголовный суд (МУС) выдал ордеры на арест премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху и бывшего министра обороны, которых обвинили в совершении преступлений против человечности и военных преступлений в период с 7 октября 2023 года по 20 мая 2024 года [34].

О полном выходе указанной двойки за рамки международного права свидетельствует безнаказанное осуществление геноцида жителей Газы, не прекращенное до настоящего времени, последующий захват Израилем новых территорий в Сирии, вероломное нападение на Иран, агрессия против Ливана.

Все действия агрессоров являются прямым доказательством их полного отказа считаться с международным правом, основывающимися на нём правами и законными интересами государств, подвергшихся нападению, агрессии, сопряженных с военными преступлениями в отношении гражданского населения, интересы которых призвано защищать международное гуманитарное право.

При этом, как во времена крестовых походов, очевидная агрессия облачена в религиозную оболочку, на этот раз в изложении ветхозаветных сюжетов. Более

того, налицо появление новых форм международного терроризма – использование Израилем-США современных гражданских технологий для совершения массовых террористических актов на территории других государств [24].

Суть внешней политики США выражается в постоянном навязывании другим странам, под предлогом собственной безопасности, угодной США внешней и внутренней политики [31]. Эта особенность внешней политики США в отсутствие противостоящего им СССР, а также ввиду наличия у США значительных, в том числе военных, ресурсов имела своим неизбежным следствием утрату своей прежней роли ООН, другими международными организациями.

При этом наблюдается очевидная замена заданного СССР курса на перспективное, альтернативное неоколониальному, развитие,– на реализацию вынашиваемой евангелистами-сионистами США и их единомышленниками в Израиле, других странах мира, стратегии достижения мировой гегемонии.

Данный факт документально зафиксирован во всех изданиях стратегии национальной безопасности США. Имеются основания полагать, что после Второй мировой войны, получив ядерное оружие, США окончательно утвердились в своей безнаказанности и основывающейся на ней мессианской роли. Нельзя игнорировать и факт широкого распространения в США радикальных идей христианского сионизма и ортодоксального иудаизма, содержащих постулаты, не просто нарушающие международное право, не совместимые с ним, но и имеющие антинаучную основу.

Так, идея особой роли США прозвучала в обращении к конгрессу 19 декабря 1945 года президента США Трумэна, заявившего о том, что победа, которую «мы одержали», якобы возложила на народ США «бремя ответственности за мировое лидерство» [40].

Стратегия ведения с СССР холодной войны, нацеленной на противодействие его инициативам с позиции превосходства США, побуждение к отказу от проводимого СССР курса на достижение всеобщего мира, как представляющего угрозу США, склонение СССР с этой целью к переговорам, предназначенным для изменения его позиции, была изложена в совершенно секретном докладе президенту США «СНБ 68: Цели и программы Соединённых Штатов для национальной безопасности» от 14 апреля 1950 года [43]. При этом прямо утверждалось, что упоминаемая в докладе холодная война является по своей сути настоящей войной, имеющая своей целью «выживание свободного мира», должна осознаваться именно в таком качестве – настоящей войны.

О необходимости обеспечения лидерства США во всём мире в качестве единственной сверхдержавы, повсеместном распространении демократии посредством реализации концепции «Нового мирового порядка» было заявлено в «Стратегии национальной безопасности для нового столетия», в которой отмечалась важная роль международных организаций – ООН, НАТО, МВФ,

Всемирного банка, которые позволили укрепить безопасность и процветание США, выиграть Холодную войну. О достоверности такого утверждения свидетельствует, в числе прочих, приведенный в данной стратегии факт передачи РФ гегемону многих тонн оружейного советского урана из доставшихся РФ ракет СССР с ядерным зарядом. В стратегии указано, что полученный от РФ по так называемой программе Нанна-Лугара советский оружейный уран используется для преобразования в топливо для атомных реакторов США [44].

В несопоставимой ситуации Иран, подвергающийся вероломным ракетно-бомбовым атакам террористических режимов США и Израиля, угрозам ядерных ударов, отказался передать США 400 кг своего урана.

Ставка на гегемонию США в качестве глобального государства была закреплена также в «Стратегии национальной безопасности США на 2022 год» [45]. При Трампе данный документ был отредактирован с учетом активных мер по усилению армии, укреплению собственной экономики, в сторону более агрессивной внешней политики США, направленной на расширение их террористической экспансии за пределами собственных границ. Об этом свидетельствует предваряющая стратегию констатация уничтожения иранских ядерных мощностей, а также заявление о неэффективности стратегий США, имевших место после Холодной войны. Акцент сделан на необходимости мощных вооруженных сил и ядерного сдерживания, сильной экономики и промышленной базы, призванных реализовать стремление США к достижению своего нового золотого века.

В числе внешнеполитических приоритетов США в стратегии указаны управление Западным полушарием, якобы, для предотвращения миграции, сохранение доступа к стратегическим объектам, защита американской экономики от других государств, поддержка свободы и безопасности Европы, недопущение доминирования враждебной державы на Ближнем Востоке, лидерство в технологиях и стандартах. Очевидно, что враждебной для США державой обозначен Иран, препятствующий полной гегемонии США и Израиля на Ближнем Востоке.

В качестве средств для достижения этих целей были ожидаемо заявлены призванные обеспечить приоритет национальных интересов и мир через силу мощные вооруженные силы и сопутствующая им широкая сеть альянсов, а также реиндустриализация экономики.

С характерным для западной политики отрицанием очевидного, тотальной подменой реальности, в стратегии в качестве достижений президента США Трампа представлено прекращение восьми конфликтов за восемь месяцев второго президентского срока. Более близким к реальности, имея в виду вероломную агрессию против Ирана в 2025 и в 2026 году под прикрытием дипломатических переговоров, является указание в стратегии в числе тех же

достижений Трампа использования нетрадиционной дипломатии и, одновременно, военной мощи для разрешения конфликтов.

В защите суверенитета и национальных интересов США акцент сделан на их приоритет применительно к транснациональным корпорациям, а также на противодействие лоббированию и влиянию иностранных держав. Израиль, очевидно, в число последних не входит в силу общих с США центров принятия решения. В числе озвученных постулатов закреплены также: недопущение угрожающего интересам США доминирования одной нации, адресованное, возможно, КНР [46].

В целом, как и в предыдущих стратегиях, речь идет об обеспечении абсолютной мировой гегемонии США, несколько отредактирована лишь тактика её достижения.

Курс на наращивание военной мощи США, направленной, как и ранее, за пределы Северной Америки, лишь усилился, его подлинной идеологической основой является исповедываемый Трампом и его единомышленниками в руководстве США христианский сионизм, тесно связывающий их с Израилем.

Подтверждением данного вывода является также инициированный Трампом процесс подмены ООН неким «Советом мира», устав которого был подписан 22 января 2026 года [47] представителями 19 государств, вошедших в это объединение [48].

Таким образом, действия США, отраженные во всех их стратегиях, вкупе с предательством руководства СССР, имели своим результатом ликвидацию СССР, кризис международного права, трансформацию ООН в орудие создания нового мирового порядка, уничтожение мироустройства, сложившегося по итогам Второй мировой войны.

Непрерывно нарастающие акты агрессии в отношении государств – членов ООН, являются объективным подтверждением целей США и Израиля по обеспечению полной гегемонии не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире, созданию нового мирового порядка, основанного на радикальных мессианских воззрениях.

В этом контексте представляется очевидным, что известный проект «Великий Израиль» распространяется не только на территорию от Нила до Евфрата, но и на всю остальную часть мира.

В итоге на Ближнем Востоке, за исключением Ирана, не осталось неподконтрольных США-Израилю государств, способных отстаивать свои национальные интересы, в том числе посредством военного противодействия их попыткам превратить весь мир в свою ресурсную базу. При этом облаченный в идеологию сионизма международный терроризм является основным инструментом создания нового мирового порядка, основанного на той же идеологии.

Напротив, защита Исламской республикой Иран своей независимости и суверенитета, несовместимых с положением ресурсной базы США,

коллективного Запада, в полной мере основывается на международном праве. Попытка использовать его для наказания ИРИ, посредством внесения в СБ ООН через дружественные США-Израилю монархии Аравийского полуострова в лице Бахрейна угодного агрессорам проекта резолюции по ситуации в Ормузском проливе, не удалась благодаря принципиальной позиции КНР и РФ, использовавших 7 апреля 2026 года право вето [16].

Арабские монархии, предоставляющие свою территорию для осуществления агрессии против Ирана, не вправе рассчитывать на защиту своего суверенитета международным правом.

Вместе с тем, ранее принятая по инициативе государств-членов Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) – Бахрейна, Катара, Кувейта, ОАЭ, Омана и Саудовской Аравии резолюция СБ ООН от 11.3.2026 № 2817 [15], как представляется, неправомерно осуждала ИРИ за нанесенные в качестве законной самообороны ракетные удары и удары с помощью БПЛА, направленные против их территории, предоставленной инициаторами резолюции агрессорам для нападения на Иран.

Несостоятельность, неуместность подобной постановки вопроса перед лицом вероломной агрессии США-Израиля, совершенной с территорий используемых ими военных баз в указанных государствах, представляется очевидной с точки зрения здравого смысла, логики, чуждых инициаторам внесения проекта резолюции и задействованным ими лицам.

При этом, ни геноцид населения Газы, ни захват Сирии боевиками реорганизованного с участием Турции и Израиля ИГИЛ, ни акты агрессии в отношении Ирана не получили надлежащей оценки СБ ООН, уклонившегося от этого ввиду наличия у еврейского государства безусловной поддержки в данном органе в лице США.

Заведомо недостоверные обвинения, которые утратившие чувство реальности агрессоры предъявляют Ирану, в полной мере имеют непосредственное отношение к ним самим. Иран фактически делает то, что сами семейные предприятия по продаже нефти и газа, именуемые монархиями Аравийского полуострова, сделать не в состоянии. Лишая агрессоров и их союзников возможности свободно, как ранее до этого, использовать Ормузский пролив для перемещения и торговли, нанося удары по военным базам США в британских новообразованиях, Иран обеспечивает последним реальную возможность освободиться от статуса территорий, находящихся в подчинении у США и Израиля.

Действия последних, а не сопротивление им Ирана, как раз и являются главной причиной того, что в современных условиях противоречия, конфликты, войны приобрели беспрецедентные масштабы, необратимый характер [20, с. 9–19]. Соответственно, актуализация антивоенной борьбы, обосновываемая все большей социальной инерцией мирно-военного хода общественной

истории [22, с.80–82], только дополняет не вызывающий сомнений вывод о том, что одним из основных факторов мировой политики в условиях нарастания глобальной нестабильности, локальных конфликтов является военная сила, роль которой в обеспечении безопасности государства лишь возрастает [30].

При этом ведение войны бесспорно подлежит правовым ограничениям [23, с.5].

Выводы

Ликвидация СССР имела колоссальные разрушительные последствия не только для самого социалистического государства, его народа, других социалистических государств Европы, но и в целом для международной безопасности, всего мира. Не имеющие связи с адекватным восприятием реальности, иллюзии о вхождении в «лоно цивилизованного» Запада в качестве равноправных партнёров утрачены вместе с мощным потенциалом СССР, его недостижимыми ныне ни для одной из бывших советских республик завоеваниями в Европе, во всём мире.

С утратой СССР утратила свое прежнее значение и ООН, ввиду отсутствия в ней сверхдержавы, не просто противостоящей США в качестве равноценной военной силы, но и являющейся практическим воплощением иной, подлинно гуманистической концепции развития мира, привлекательной для всех стран и народов, не приверженных демократии для избранных. Тем не менее, вызывает вопросы неприменение в современных условиях процедурного правила, предусмотренного соответствующей резолюцией ГА ООН в случаях использования США права вето.

США и Израиль активно предпринимают попытки использовать ООН для принятия решений, отвечающих устремлениям инициаторов формирования нового мирового порядка. Однако в современных условиях еще более чем когда-либо исключена достоверность любых заявлений США и Израиля о их стремлении к установлению мира и международной безопасности.

Государства, пытающиеся воспроизвести архаичную структуру сословных обществ, наиболее характерным воплощением которой является доселе сохранившаяся кастовая система Индии, либо провозглашающие себя носителями мессианских идей, проецируют этот архаизм и на международные отношения. Нарушения международного права со стороны США и Израиля приобрели характер публичных, демонстративных актов международного терроризма, обосновываемых производным от неких религиозных постулатов правом этих субъектов на вмешательство во внутренних дела других государств, народов, присвоение их ресурсов.

Очевидное стремление к созданию нового мирового порядка, основанного на гегемонии США-Израиля, объединенных идеологией расового превосходства, избранности, характеризующих их особую роль в мире, замена этими

ветхозаветными установками международного права зафиксированы фактом создания инициированного президентом США и руководимого им «Совета мира», призванного отстранить ООН от решения ситуации на Ближнем Востоке, окончательно закрыть вопрос о создании самостоятельного Государства Палестина. Как и следовало ожидать, данное объединение, не имевшее объективных причин для его появления, преследовавшее исключительно собственные интересы США и Израиля, не смогло заменить ООН.

Столь же очевидным является тот факт, что равноценной ООН альтернативной международной организации до настоящего времени не имеется. Совещательные, преимущественно западные, надгосударственные полузакрытые структуры, объединяющие считающих себя избранными отдельных влиятельных персон, типа Римского клуба, Давосского форума и тому подобные таковой альтернативой не являются.

Что касается региональных объединений с участием стран СНГ, Китая, то они пока не реализовали изначально предполагаемый потенциал. Более того, бывшие республики СССР в значительной степени утратили тот потенциал, который достался им от СССР и позволял до определенного времени полагать себя независимыми, способными развиваться в этом качестве. Практически все они либо встроились, либо завершают свой дрейф в сторону коллективного Запада. Современный управленческий аппарат бывших советских республик ни в коей мере не причастен к созданию потенциала, составлявшего основу материальной базы СССР, а иной, равноценный имевшемуся ранее, ими не создан и, судя по всему, создан быть не может.

Перспективной представляется форма Союзного государства. Последнее объединяет пока лишь две бывшие республики СССР. Вместе с тем вызывает вопросы не только материальная, но и идеологическая основа данного объединения, прежде всего, с точки зрения тесного сотрудничества его участников с США и Израилем, чрезмерного распространения клерикализма в деятельности органов управления, их должностных лиц, политических партий, что несовместимо с законодательно закрепленным светским характером государства.

Судьба государств, решивших договориться с США, приняв их условия, не даёт повода для иллюзий: самосохранение требует лишь адекватной планам и действиям США концепции сдерживании их гегемонии, каковая концепция, как и стратегия США, должна бесспорно предусматривать наращивание собственного промышленного, научного, военного потенциалов. В ином случае апелляции к международному праву не имеют практического результата, не препятствуют реализации стратегии по созданию нового мирового порядка.

Дальнейшее продолжение практики, основанной на заведомо ошибочном, но все еще бытующем стремлении видеть в США, государствах ЕС, НАТО, Израиле своих партнёров, упование на некие личные отношения,

договоренности с руководством этих государств повлечет лишь полную утрату государственности. Поскольку встраивание в созданную США финансовую систему, следование в их фарватере бесперспективны, противодействие гегемонии США во всех её проявлениях является необходимым условием действенности международного права.

Неуместным для государств – членов ООН, придерживающихся своих обязательств по международному праву, Уставу ООН, прежде всего для бывших республик СССР, представляется снабжение враждебных государств – коллективного Запада в лице США, Израиля, ЕС,– какими-либо ресурсами, в особенности стратегическими, использование денежной единицы США во взаиморасчетах, подчинение финансовой системе МВФ, участие в ВТО, ВОЗ, других международных организациях, ориентированных на встраивание их участников в новый мировой порядок, а также допуск граждан враждебных государств к государственному, муниципальному управлению, участию в деятельности хозяйствующих субъектов, предоставление им, наряду с имеющимся, своего гражданства, продажа недвижимости, другие преференции, несовместимые с восстановлением государственного суверенитета и обеспечением государственной безопасности.

Представляется очевидным, что существование в мировом разделении труда в виде офшорной экономики, сырьевого придатка, финансовая система которого управляется надгосударственными структурами типа МВФ, сулит лишь печальную судьбу, уготованную новым мировым порядком – полную потерю суверенитета, государственности.

В этом контексте актуальным является вопрос о всестороннем, лишенном идеологических антисоветских измышлений, изучении, объективном анализе и учете опыта экономического и военного развития СССР, а также всех стран, подвергшихся агрессии США и возглавляемого ими коллективного Запада. Очевидно, что особого внимания заслуживает опыт Ирана, который в условиях многолетнего, в том числе со стороны ООН, санкционного давления, а также полноценной гибридной войны, периодически сменяющейся актами вероломной агрессии, тем не менее смог, не встраиваясь в качестве сырьевого придатка в паразитическую западную финансово-экономическую систему, успешно развивать свою экономику, науку, культуру, ВПК. Данный факт, а также внутреннее единство позволяет Ирану до настоящего времени сохранять свою государственность, отражать акты масштабной агрессии со стороны обладающих ядерным оружием террористических режимов, намеревающихся исполнить свои многолетние усилия по разрушению не признающего их суверенного государства.

Игнорирующие все нормы права и морали усилия США и Израиля уничтожить Иран, явная и скрытая поддержка агрессии со стороны признавших

гегемонию США монархий Аравийского полуострова, а также Турции и Азербайджана обнажает реальный расклад сил на Ближнем Востоке.

В этих условиях очевидна необходимость полноценного военного союза, противостоящих гегемону и его челяди государств, не утративших возможность для самостоятельного развития.

Адекватная оценка актов агрессии США и Израиля характеризует реальный суверенитет государств, придерживающихся Устава ООН. Очевидно, что соответствующая оценка не может быть голословной, должна иметь практические последствия в виде всесторонних санкций за игнорирование международного права, акты международного терроризма. Для этого требуется создание альтернативного имеющемуся в США и ЕС института индивидуальных санкций в качестве неотъемлемой составляющей национального законодательства.

Список литературы

Международные договоры

1. Устав ООН// URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 10.03.2026).

2. THE GENEVA DECLARATION ON TERRORISM UN General Assembly Doc. A/42/307, 29 May 1987, Annex/ URL: https://www.i-p-o.org/GDT.HTM (дата обращения: 11.04.2026).

3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма/ Принята резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года// URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/terrdec1.shtml (дата обращения: 11.04.2026).

4. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой от 9 апреля 1972// URL: https://docs.cntd.ru/document/1901883?ysclid=mn6b5q5kra20578185 (дата обращения: 11.04.2026)

5. Декларация об укреплении дружбы и развитии сотрудничества между Российской Федерацией и Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирией от 16 апреля 2008 года// http://www.kremlin.ru/supplement/3977/print (дата обращения: 11.04.2026)

6. Соглашение от 14.10.1999 между правительством РФ и Высшим народным комитетом Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии о военно-техническом сотрудничестве// URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45608/ (дата обращения 11.04.2026)

Доклады, резолюции и иные документы ООН

7. Резолюция ГА ООН 39/159 от 17 декабря 1984 г. «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах»// URL: https://www.un.org/ru/ga/39/docs/39res.shtml (дата обращения: 15.03.2026)

8. «Резолюция 678 (1990) / принята Советом Безопасности на его 2963-м заседании 29 ноября 1990 года». Объединенные нации. Цифровая библиотека// URL: https://digitallibrary.un.org/record/102245?trk=article-ssr-frontend-pulse_little-text-block (дата обращения: 11.04.2026))

9. Elimination of all forms of racial discrimination: Zionism as racism – GA resolution// Электронный ресурс – URL: https:// www.un.org/unispal/document/auto-insert-181963/ (дата обращения: 11.03.2026)

10. Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН 48/86 от 16 декабря 1991 года «Ликвидация расизма и расовой дискриминации»// URL: https:// digitalli brary.un.org/record/135193?ln=ru (дата обращения: 11.03.2026)

11. Резолюции – Генеральная Ассамблея// URL: https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml (дата обращения: 12.05.2026)

12. Резолюции Совета Безопасности ООН 1992 года// URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1992 (дата обращения 22.04.2026)

13. Резолюция 1973 (2011), принятая Советом Безопасности на его 6498-м заседании 17 марта 2011 года// URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/s/res/1973-(2011) (дата обращения: 11.04.2026)

14. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 26 апреля 2022 года [без передачи в главные комитеты (A/76/L.52 и A/76/L.52/Add.1)] 76/262. Постоянный мандат на проведение прений в Генеральной Ассамблее в случае применения вето в Совете Безопасности// URL: https://docs.un.org/ru/a/RES/76/262 (дата обращения: 10.03.2026)

15. Resolution 2817 (2026) / adopted by the Security Council at its 10119th meeting, on 11 March 2026// URL: https://digitallibrary.un.org/record/4105560?v=pdf (дата обращения: 21.05.2026)

16. Совет Безопасности: Китай и Россия наложили вето на резолюцию по ситуации в Ормузском проливе// URL: https://news.un.org/ru/story/2026/04/1467670 (дата обращения: 21.05.2026)

Законодательство Российской Федерации

17. О выполнении Российской Федерацией обязательств по заключенным СССР международным договорам. Письмо МИД РФ от 13 января 1992 года № 11-Угп// КонсультантПлюс// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12511/ (дата обращения: 13.03.2026)

18. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» № 101-ФЗ от 15 июля 1995 года. КонсультантПлюс\\ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (дата обращения: 13.03.2026)

Учебные пособия, монографии, статьи и словари на русском языке

19. Блохин К. В., Синицын И. М. «Стратегический терроризм» США как угроза национальной безопасности России: генезис и особенности // Власть. 2018. Том. 26. № 5. С. 28–34.

20. Гаджиев К. С. О тотализации войны в гибридном измерении // Власть. 2019. № 3. С. 9–21. Гессер Г. П. Вызов, брошенный 26-й конференцией Красного Креста и Красного Полумесяца // Московский журнал международного права. 1996. № 3. С. 46–60. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/viewFile/2206/2105

22. Даниленко И. С.– Современные войны и проблемы антивоенной борьбы (социально-философские аспекты) // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 1 (13). С. 79–84.

23. Кальсхофен Фриц. Ограничения методов и средств ведения войны. Изд.: МККК. Москва. 1994 231 с. (серия «МККК публикации»)

24. Мальцев С. Пейджеры и Моссад. А была ли взрывчатка? // URL: https://proza.ru/2024/12/01/491

25. Примов М. Н. К вопросу об ответственности за нарушения международного гуманитарного права в условиях применения права вето// Юридическая наука. 2025. № 4. С. 431–445. URL: https://jurnauka.ru/upload/iblock/fa8/ilh4fo1cl26lenjipkv4208udkgzmsq8/_ЮН_04–2025_6.pdf

26. Примов Н. Н. Использование новых полномочий прокуроров в укреплении основ федерализма// Сборник материалов научно-практической конференции «Прокурорский надзор за исполнением законов: сфера применения и проблемы совершенствования». Махачкала, 1997, с. 110–120

27. Стецова С. С. Государственный терроризм как элемент современной геополитической стратегии Соединенных Штатов Америки// URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52016/1/klo_2014_112.pdf

28. Jan Pieterse. State Terrorism on a Global Scale: The Role of Israel// Crime and Social Justice. INTERNATIONAL LAWLESSNESS AND THE SEARCH FOR JUSTICE. 1984. No. 21/22. PP. 58–80// URL: https://www.jstor.org/stable/i29766225

Диссертации и авторефераты

29. Герасимов Н. Н. Философский анализ образа войны в эпоху глобализации: автореф. дис. … канд. филос. наук.– Волгоград, 2019// URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/100043197 (дата обращения 13.03.2026)

30. Медяник И. А. Военная безопасность современного российского общества в условиях новой информационной реальности: автореф. дис. … канд. филос. наук.– Новочеркасск, 2023// URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/100072013 (дата обращения 21.05.2026)

31. Савосин, Михаил Викторович. Эволюция концепции национальной безопасности США: внешнеполитический аспект: 90-е гг. XX – начало XXI в.// Автореф дисс. на соискание ученой степени канд. ист. Наук. М, 2006// URL: https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-kontseptsii-natsionalnoi-bezopasnosti-ssha-vneshnepoliticheskii-aspekt-90-e-gg-x (дата обращения: 20.05.2026)

Электронные ресурсы

32. Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах развития сотрудничества между Россией и США. Ельцин Центр// URL: https:// yeltsin.ru/ (дата обращения: 10.03.2026)

33. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС, Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС [«закрытый доклад»] и Постановление съезда о «Культе личности и его последствиях», 25 февраля 1956// URL: https://web.archive.org/web/20211228094138/https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0014_ent&object=translation&l=ru (дата обращения: 10.03.2026)

34. Международный уголовный суд выдал ордера на арест Биньямина Нетаньяху, Йоава Галанта и одного из лидеров ХАМАС// URL: https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458601 (дата обращения: 11.04.2026)

35. Награды и почетные звания. Горбачев Фонд// URL: https://www.gorby.ru/gorbachev/awards (дата обращения: 10.03.2026)

36. Речь Уинстона Черчилля, Фултон, штат Миссури, США,5 марта 1946 г.// URL: https://www.mid.ru/upload/medialibrary/6b0/Речь Уинстона Черчилля.pdf. (дата обращения: 10.03.2026))

37. Совместное заявление о восстановлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Государством Израиль. Сборник международных договоров СССР, вып. XLVII, М.: Международные отношения. 1994 // Docs.cntd.ru – электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс»// URL: https://docs.cntd.ru/document/901748134 (дата обращения: 10.03.2026).

38. Список государств-членов International Atomic Energy Agency// URL: https://www.iaea.org/ru/o-nas/spisok-gosudarstv-chlenov (дата обращения: 11.04.2026)

39. Список наград и почётных званий Бориса Ельцина// URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_наград_и_почётных_званий_Бориса_Ельцина (дата обращения: 10.03.2026)

40. Special Message to the Congress Recommending the Establishment of a Department of National Defense// URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-recommending-the-establishment-department-national-defense (дата обращения:20.05.2026)

41. "The Negroponte Doctrine" concerning UN Security Council Resolutions on the Middle Easthttps:// URL: web.archive.org/web/20031224063630/http://www.un.int/usa/03jdn-me1006.htm. (дата обращения: 10.03.2026)

42. USAUS launched 251 military interventions since 1991, and 469 since 1798// URL: https://geopoliticaleconomy.com/2022/09/13/us-251-military-interventions-1991/ (дата обращения: 10.03.2026)

43. NSC-68, «United States Objectives and Programs for National Security,» April 14, 1950// URL: https://irp.fas.org/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm (дата обращения:20.05.2026)

44. A National Security Strategy for A New Century May 1997/ URL: https://loveman.sdsu.edu/supplement/docs/DODMay1997.pdf (дата обращения: 20.05.2026)

45. The National Security Strategy, NSS/ URL: https://news.usni.org/2022/10/12/2022-u-s-national-security-strategy (дата обращения: 20.05.2026)

46. National Security Strategy of the United States of America November 2025 https:// URL: www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения:20.05.2026)

47. The full text of Trump's 'Board of Peace' charter// URL: www.middleeasteye.net›news/trump-board-of-peace-charter-full-text (дата обращения: 20.05.2026)

48. President Trump Ratifies Board of Peace in Historic Ceremony, Opening Path to Hope and Dignity for Gazans// URL: https://www.whitehouse.gov/releases/2026/01/president-trump-ratifies-board-of-peace-in-historic-ceremony-opening-path-to-hope-and-dignity-for-gazans/ (дата обращения: 20.05.2026)

DOI 10.34660/INF.2026.73.97.196

УДК 378.147:159.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ТРИГГЕР АКТУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Асаулюк Татьяна Валентиновна
ассистент
Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи

Аннотация. *Современная высшая школа находится в точке пересечения технологических возможностей и психолого-педагогических требований к развитию личности обучающегося. Для преподавателя, особенно в рамках психологической подготовки студентов, цифровая трансформация – не просто обновление инструментария, а системный вызов, требующий переосмысления дидактических стратегий, форм взаимодействия и критериев оценки образовательных результатов. В условиях стремительного обновления профессиональных требований и роста неопределённости на рынке труда именно цифровые механизмы становятся тем триггером, который запускает процессы актуализации содержания образования и формирования у студентов комплекса компетенций, выходящих за рамки предметной подготовки.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, образование, преподаватель, психология, студент, цифровые механизмы, компетенции.*

Институциональные изменения и роль преподавателя в новой образовательной логике

Традиционная дидактическая модель, где преподаватель выступает главным источником знаний, уступает место модели сопровождения и фасилитации учебной деятельности. В психологии это особенно значимо: формирование профессиональной идентичности будущего специалиста, развитие эмпатии, навыков рефлексии и саморегуляции невозможно в условиях односторонней трансляции информации. Цифровые платформы, выступая в роли организационных узлов, позволяют выстраивать индивидуальные образовательные

траектории, интегрировать академическую подготовку с реальной профессиональной практикой и усиливать междисциплинарные связи.

Для преподавателя такая трансформация означает смещение акцентов: от контроля усвоения материала – к проектированию условий для самостоятельного поиска, анализа и критической оценки информации. Важным элементом становится развитие у студентов способности к самоорганизации, управлению когнитивными ресурсами и эмоциональной регуляции в условиях информационной перегрузки. Именно эти процессы лежат в основе формирования надпрофессиональных компетенций, востребованных в современной профессиональной среде.

Психологические эффекты цифровизации: ресурсы и зоны напряжения

С точки зрения психологии обучения, внедрение цифровых инструментов оказывает разнонаправленное влияние на учебную деятельность студентов. С одной стороны, адаптивные платформы и персонализированные образовательные решения позволяют учитывать индивидуальные особенности обучающихся: темп освоения материала, предпочтительные каналы восприятия, уровень мотивации и сформированности метакогнитивных навыков. Это создаёт условия для повышения учебной автономии и самоэффективности – ключевых факторов академической успешности.

С другой стороны, активное использование цифровых сред связано с ростом когнитивной нагрузки, обусловленной многозадачностью, фрагментарностью информации и необходимостью постоянной саморегуляции. Исследования последних лет фиксируют у студентов повышение уровня тревожности, снижение концентрации внимания и рост эмоционального выгорания, особенно в периоды интенсивной учебной нагрузки. Для преподавателя-психолога это означает необходимость интеграции в образовательный процесс элементов психологической поддержки: техник тайм-менеджмента, методов управления стрессом, стратегий когнитивной разгрузки и развития навыков осознанного потребления информации.

Особое значение приобретает формирование цифровой грамотности не как набора технических умений, а как комплекса психологических и этических компетенций. Сюда входят способность критически оценивать достоверность источников, понимание механизмов алгоритмической предвзятости, навыки безопасного взаимодействия в цифровой среде и ответственность за распространение информации. Эти компетенции напрямую связаны с профессиональной этикой психолога и должны быть интегрированы в содержание учебных курсов.

Дидактические возможности цифровых инструментов с учётом психологических закономерностей обучения

При проектировании учебных модулей преподавателю важно опираться на психологические закономерности усвоения знаний и формирования навыков. Наиболее перспективными с этой точки зрения являются следующие технологические решения:

• **Гибридные и асинхронные форматы.** Позволяют гибко распределять учебную нагрузку, учитывать индивидуальные ритмы работоспособности студентов и снижать уровень стресса, связанного с жёсткими временными рамками. При этом синхронные элементы (дискуссии, групповые проекты, консультации) сохраняют ценность живого взаимодействия, необходимого для развития коммуникативных и рефлексивных навыков.

• **Адаптивные обучающие системы.** На основе анализа цифрового следа студента предлагают дифференцированные задания, рекомендации по изучению материала и своевременную обратную связь. С психологической точки зрения это способствует поддержанию оптимального уровня сложности заданий, что повышает мотивацию и снижает фрустрацию.

• **Инструменты коллаборации.** Облачные сервисы, цифровые доски и платформы для совместной работы развивают навыки командной деятельности, распределённого лидерства и управления конфликтами. Для будущих психологов эти навыки являются профессионально значимыми и могут формироваться в рамках специально спроектированных групповых заданий.

• **Технологии визуализации и симуляции.** Виртуальные лаборатории, ролевые симуляции и кейс-технологии позволяют отрабатывать профессиональные умения в безопасной среде, снижая тревожность, связанную с первыми практическими действиями. Особенно эффективны такие форматы при формировании навыков психологического консультирования, проведения диагностических процедур и интерпретации результатов.

Ключевым условием эффективности этих инструментов является их интеграция в продуманный дидактический дизайн, учитывающий возрастные и индивидуальные особенности студентов, специфику осваиваемых компетенций и логику профессионального развития.

Риски цифровой трансформации и способы их минимизации в практике преподавателя

В работе преподавателя важно учитывать не только преимущества, но и потенциальные риски цифровизации, имеющие выраженный психологический эффект:

• **Цифровое неравенство.** Различия в доступе к устройствам, качеству интернет-соединения и уровню цифровой грамотности могут усиливать образовательные разрывы и повышать уровень стресса у отдельных студентов.

Для минимизации этого риска преподавателю целесообразно предусматривать альтернативные форматы выполнения заданий и оказывать адресную поддержку.

• **Поверхностное усвоение материала.** Чрезмерная ориентация на быстрые форматы (тесты с выбором ответа, короткие видео) может снижать глубину когнитивной обработки и препятствовать формированию системного мышления. Противодействием здесь служит включение в учебный процесс заданий, требующих развёрнутых рассуждений, аргументации, рефлексии и междисциплинарного анализа.

• **Этические и психологические аспекты работы с данными.** Сбор и анализ цифрового следа студентов требует соблюдения норм конфиденциальности и прозрачности целей использования данных. Преподавателю важно информировать студентов о том, какие данные собираются, как они будут использоваться и какие меры принимаются для их защиты.

Практические рекомендации для преподавателей психологических дисциплин

С учётом изложенного, преподавателям вузов можно предложить следующие направления работы по интеграции цифровых решений в образовательный процесс:

1. Проектирование смешанных учебных модулей, где цифровые инструменты дополняют, а не заменяют живое взаимодействие. Например, теоретический материал может быть представлен в асинхронном формате, а обсуждение сложных этических кейсов – в рамках синхронных семинаров.

2. Включение в содержание курсов модулей по цифровой и информационной грамотности, ориентированных на развитие критического мышления, навыков верификации источников и этичного поведения в цифровой среде.

3. Использование адаптивных платформ для дифференцированной работы со студентами, позволяющей учитывать индивидуальные темпы освоения материала и предоставлять своевременную обратную связь.

4. Разработка групповых проектов и симуляций, направленных на формирование профессиональных умений в безопасной цифровой среде, с последующей рефлексией и анализом полученного опыта.

5. Регулярный мониторинг психологического благополучия студентов в условиях цифровой нагрузки – через анкетирование, индивидуальные консультации и корректировку учебной нагрузки при необходимости.

6. Создание методических материалов и рекомендаций по саморегуляции, включающих техники управления стрессом, планирования времени и поддержания когнитивной работоспособности.

Таким образом, цифровая трансформация в образовании – это не только технологический процесс, но и глубокий психолого-педагогический вызов.

Для преподавателя вуза, особенно в области психологии, она становится триггером переосмысления профессиональной роли: от транслятора знаний – к проектировщику образовательной среды, фасилитатору учебной деятельности и носителю психологической поддержки. Успешная реализация этого потенциала возможна только при условии междисциплинарного взаимодействия, опоры на современные психологические исследования и внимательного учёта индивидуальных особенностей обучающихся.

Список литературы

1. Иванова Е. В. Цифровые компетенции педагога в условиях трансформации высшего образования // Высшее образование в России. 2023. № 4. С. 45–58.

2. Петров А. С., Смирнова О. И. Адаптивные образовательные технологии: опыт внедрения в российских вузах // Педагогическое образование и наука. 2022. № 3. С. 112–125.

3. Кузнецова М. А. Психологические аспекты цифровой трансформации образования: вызовы и возможности // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 5. С. 78–92.

4. Фёдоров Д. В. Информационная перегрузка и когнитивные стратегии студентов в цифровой среде // Вестник образования. 2024. № 2. С. 33–47.

5. Харитонова Н. Л. Этические аспекты использования цифрового следа в образовании // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 1. С. 89–103.

6. Волков И. П. Гибридные образовательные модели: проектирование и оценка эффективности // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6. С. 201–215.

7. Морозова Т. С. Развитие надпрофессиональных компетенций в цифровой образовательной среде // Профессиональное образование. Столица. 2023. № 8. С. 56–69.

8. Григорьев С. А. Цифровое неравенство в высшем образовании: факторы и последствия // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 134–148.

9. Лебедева Е. Н. Педагогический дизайн онлайн-курсов: принципы и практика // Инновации в образовании. 2023. № 7. С. 22–35.

10. Соколов В. М. Цифровая дидактика: теоретические основы и прикладные аспекты // Педагогика. 2022. № 9. С. 44–57.

DOI 10.34660/INF.2026.74.39.106

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В УНИВЕРСИТЕТЕ

Лейфа Ирина Ильинична
кандидат педагогических наук, доцент
Амурский государственный университет
Лейфа Андрей Васильевич
доктор педагогических наук, профессор
Амурский государственный университет

Аннотация. *В статье представлена программа социально-психологического тренинга для будущих учителей иностранного языка, проводимого с целью формирования психологической устойчивости, толерантности, необходимым будущим специалистам в различных ситуациях для личностного и профессионального роста.*

Ключевые слова: *социально-психологического тренинг, межкультурная компетенция, будущие учителя иностранного языка, толерантность, психологическая устойчивость, профессиональная подготовка.*

В ранних наших работах было установлено, что межкультурная коммуникация является ключевым аспектом подготовки будущих учителей иностранного языка в университете. Во многом это определяется особенностями педагогической деятельности, которая тесно связана с взаимодействием в поликультурном пространстве. Это требует не просто владения иностранным языком, но и понимания культурных особенностей, а также общения в разных коммуникативных средах [1, 2].

С целью формирования межкультурной коммуникации будущих учителей иностранного языка в университете мы использовали тренинг, как метод обучения в области межкультурного общения. Представленный тренинг в профессиональной подготовке будущих учителей иностранного языка направлен на формирование способности анализировать культурные различия, применять полученные знания в реальных ситуациях и эффективно взаимодействовать с представителями других культур.

Как считают некоторые ученые, для эффективного межкультурного общения недостаточно просто знаний, необходимо изменение установок и выработка поведенческих навыков. По их мнению наиболее адекватным методом развития межкультурной компетенции является социально-психологический тренинг [3–5]. Данный метод строится на основе творческого поиска будущими учителями иностранного языка способов общения в психологически безопасных условиях.

Исходя из этого, нами в профессиональную подготовку будущих учителей иностранного языка в университете был включен и реализован социально-психологический тренинг, способствовавший формированию необходимых будущему учителю качеств путем осознания межкультурных различий, необходимости в эффективном, как вербальном, так и невербальном коммуникативном взаимодействии.

Целью проведения социально-психологического тренинга явилось формирование психологической устойчивости, а также толерантности у будущих учителей иностранного языка в контексте существующих различий в невербальном поведении русских и иностранцев, подготовки к различным ситуациям в будущей деятельности, а также развитие способности использовать трудные ситуации как ресурс для личностного и профессионального роста [6].

В качестве основания для разработки социально-психологического тренинга, направленного на формирование специальных знаний о толерантности и навыков межкультурной компетенции, использовались системный, деятельностный, лингвокультурологический, аксиологический и компетентностный подходы.

В рамках системного подхода социально-психологический тренинг рассматривается как метод профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка. Деятельностный – строится на основе активного участия обучающихся в социально-психологическом тренинге, исключая пассивное усвоение теории. В соответствии с лингвокультурологическим подходом социально-психологический тренинг определяется как способ связи толерантности с изучением иностранного языка и культуры через межкультурное общение. Благодаря аксиологическому (ценностному) взгляду толерантность рассматривается как ценность, представляющая собой неотъемлемую составляющую профессиональной компетенции будущих учителей иностранного языка. Компетентностный подход лежит в основе рассмотрения толерантности и межкультурной коммуникации как важных профессиональных компетенций будущих учителей иностранного языка [7].

В основе педагогического проектирования социально-психологического тренинга лежит ряд принципов. Прежде всего, это принцип профессионально-педагогической направленности, который позволяет максимально приблизить содержание и формы работы в рамках социально-психологического тренинга

к реальным задачам учителя иностранного языка в его педагогической деятельности. Принцип моделирования педагогических задач даёт возможность будущим учителям иностранного языка решать смоделированные ситуации, взятые из педагогической практики межкультурного взаимодействия. Выделить цели и задачи социально-психологического тренинга с учётом личного развития будущего учителя и профессиональных интересов его участников становится возможным при использовании принципа личностно-ориентированного целеполагания.

Предложенный социально-психологический тренинг был включен в Программу проведения инструктивного лагеря для студентов направления подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Иностранные языки (немецкий и английский)» в рамках учебной (ознакомительной) практики.

Программа социально-психологического тренинга реализовывалась в течение четырех дней, каждый из которых имел определенную структуру. Обязательным элементом дня была разминка, занимавшая 30 минут времени. Первый день отличался от последующих наличием вводной части (30 минут) и 30-минутного знакомства участников тренинга. Структура 2–4 дней содержала этап обсуждения и рефлексии предыдущего дня. Каждому дню тренинга было дано название, определившее цели и содержание всего происходящего. Поскольку мероприятие было рассчитано на будущих учителей иностранного, в частности немецкого (в качестве основного) языка, каждый день тренинга задействовал языковые знания обучающихся, помогавшие им решать различные задачи межкультурного взаимодействия.

Так, целью первого дня **«Различные ситуации профессиональной деятельности и психологическая устойчивость» („Unterschiedliche Situationen der Lehrtätigkeit und psychologische Widerstandsfähigkeit“)** было введение будущих учителей в проблематику педагогического общения на иностранном языке, актуализация педагогического опыта общения в различных ситуациях, формирование представления о толерантности как ресурсе личности. В процессе работы осуществлялась актуализация опыта экстремальных ситуаций (1 час) и структурирование Я-концепции (1 час). После представления теоретического материала в виде мини-лекции «Факторы, влияющие на человека в экстремальной ситуации» (30 минут) участникам предлагалась апробация поведенческих техник срочной саморегуляции (1 час).

Второй день тренинга **«Профилактика дистресса, ресурсы личности будущего учителя иностранного языка» („Prävention von Bedrängnissen, persönliche Ressourcen des zukünftigen Fremdsprachenlehrers“)** был направлен на развитие у будущих учителей иностранного языка толерантного отношения к неблагоприятным факторам, влияющим на общение на иностранном языке,

на обучение навыкам профилактики неблагоприятных последствий ситуаций в общении, знакомство с культурно-специфичными стратегиями совладания в процессе общения. Теория, представленная в рамках мини-лекции «Внутренние факторы, влияющие на общение, обучение навыкам профилактики неблагоприятных последствий трудных ситуаций в общении» (30 минут), подкреплялась технологиями, препятствующими возникновению стрессовых ситуаций, и технологиями овладения собой в трудных ситуациях в общении (1 час). Завершающим этапом этого дня явилась медитация «Путь к вершине» (30 минут).

Третий день «**Экстремальные ситуации в педагогической деятельности будущих учителей иностранного языка: вызовы и ответы» („Extreme Situationen in der pädagogischen Tätigkeit zukünftiger Fremdsprachenlehrer: Herausforderungen und Antworten“)** был отмечен проработкой экзистенциального понимания трудных ситуаций общения с позиции педагогического вызова, освоением стратегий совладания, развитием ресурсов толерантности. Для достижения этих целей наряду со знакомством с теоретическим материалом, представленным в формате мини-лекций «Сложная ситуация в общении как педагогический вызов» (30 минут), «Стратегии совладения (копинг-стратегии) в педагогической деятельности» (30 минут), использовались различные задания и упражнения («Скалолазы» – 30 минут, «Ресурсы толерантности» – 30 минут), помогающие выявить экзистенциальный смысл трудных ситуаций в педагогической деятельности, черты толерантной личности будущего учителя иностранного языка, выработать стратегии совладения в сложной ситуации общения в педагогической деятельности. Медитация «Водопад» явилась завершением третьего дня тренинга.

Завершающий день **«Модель экстрима и интеграция в педагогической деятельности» („Modell des Extrems und Integration in pädagogische Aktivitäten“)** ставил своей целью обоснование индивидуальных копинг-стратегий совладения в сложных ситуациях общения в педагогической деятельности, развитие толерантности у будущих учителей иностранного языка, интеграцию полученного опыта. Он также не явился исключением в плане получения новых знаний о влиянии атрибуции на здоровье человека для формирования представления о толерантности к сложным ситуациям педагогического общения, как необходимом факторе здоровья (мини-лекция 30 минут), закреплению которых способствовали различные упражнения: «Сложная картинка», «Прививка экстремальности», направленные на применение полученных специальных умений и навыков в смоделированной сложной ситуации педагогического общения учителя иностранного языка. Задачей упражнения «Сказочный герой» было закрепление стратегий толерантного поведения при общении в педагогической деятельности, установление эмоционально-положительной связи с таким поведением. Завершилась работа рефлексией

всех четырех дней тренинга, выявлением положительных/отрицательных моментов, обсуждением перспектив подобной работы.

Таким образом, основой составления и проведения данного тренинга явилось представление о том, что сложная ситуация в общении учителя иностранного языка по своей сути есть вызов, задача, которую можно решать успешно и эффективно в процессе профессиональной подготовки будущих учителей в университете.

Список использованной литературы:

1 Лейфа И. И. Межкультурная коммуникация и межкультурное обучение // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 18. С. 39–40.

2 Лейфа И. И., Лясковская С. В. Формирование поликультурной компетенции на уроках иностранного языка // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. № 112. С. 87–93.

3 Лебедева Н. М., Лунева О. В., Стефаненко Т. Г., Мартынова М. Ю. Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности.– М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2003. 268 с.

4 Садохин А. П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования; диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии.– Москва, 2009. 327 с.

5 Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: практикум: Учебное пособие для студентов вузов.– М.: АспектПресс, 2006. 208 с.

6 Лейфа И. И. Воспитание толерантности средствами иностранного языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 3. С. 71–78.

7 Холявина Е. Ю. Толерантность с точки зрения аксиологического подхода к проблемам педагогической деятельности // Сборник материалов научной конференции, посвященной памяти профессора Д. М. Гришина. Калуга, 2015. С. 428–433.

DOI 10.34660/INF.2026.74.40.189

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КУРСЕ «АСТРОНОМИЯ»

Дмитриев Владимир Викторович
кандидат физико-математических наук, доцент
Омский государственный педагогический университет

Аннотация. *В работе изложены методические рекомендации по использованию ИКТ в преподавании школьного и вузовского курса «Астрономия». Особое внимание уделено программному пакету «Stellarium» и информационному порталу «Helioviewer». Содержательное наполнение предмета, типология учебных занятий и набор решаемых задач определяются актуальными федеральными стандартами.*

Ключевые слова: *ФГОС, компетентностный подход, методика преподавания астрономии, использование ИКТ.*

В работе предложены варианты использования современных ИКТ (сетевых и программных продуктов) для организации учебного процесса в рамках курса «Астрономия» педагогического Вуза, а также при работе со школьниками. Предметное содержание дисциплины, типы и виды учебных занятий определены современными ФГОС для системы среднего общего и высшего образования [1]. Конкретная реализация учебной дисциплины определяется спецификой образовательного учреждения. Апробация работы проведена (и частично продолжается) на занятиях в ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет» (ОмГПУ), Круглогодичной очно-заочной школе при Институте развития образования Омской области (ШкОД ИРООО) и в БУ ДО Омской области «Региональный центр выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи «Сириус 55» (Сириус 55).

Раскроем приведенное выше утверждение, что конкретная реализация, а именно: содержательное наполнение, объем часов и периодичность занятий, выбор типов занятий и методики их проведения определяется спецификой конкретного учебного заведения или образовательного учреждения [2]. В настоящий момент астрономия как обязательный, «звонковый» предмет прописана лишь во ФГОСах системы высшего образования,

поэтому полноценная реализация дисциплины возможна лишь в условиях вуза. Во всех остальных случаях, а именно в средней школе и образовательных учреждениях системы дополнительного образования преподавание астрономии возможно лишь в формате элективных или факультативных курсов, внеклассной или кружковой работы, системы специализированных курсов и занятий, например курсы по подготовке участников определенного этапа Всероссийской олимпиады школьников по астрономии. Во всех таких случаях не приходится говорить о систематическом изложении предметного содержания курса. Например элективный курс может быть посвящен вопросам солнечной астрономии или магнитным полям в космосе, а при подготовке к олимпиаде речь идет не столько об упорядоченном изложении материала, сколько о выработке навыков в решении определенного типа задач. Поэтому в данной работе основное внимание будет уделено использованию ИКТ именно в вузовском курсе астрономии.

Основная цель работы педагогического Вуза – подготовка школьного учителя для массовой (основной и средней) школы, и лишь малая доля выпускников получит возможность реализоваться в научной или вузовской деятельности. Поэтому освоение дисциплины «Астрономия» в педвузе в подавляющей доле направлено на формирование у обучающихся набора компетенций, которые необходимы учителю массовой школы. Перечень этих компетенций и требования к ним сформулированы во ФГОС и обусловлены будущей профессиональной педагогической деятельностью. Направленность данной работы ориентирована преимущественно на подготовку к решению в профессиональной деятельности задач следующих типов:

- педагогическая деятельность;
- проектная деятельность;
- методическая работа;
- культурно-просветительская работа.

Из множества существующих на сегодняшний день сетевых и программных продуктов научной, учебной и просветительской направленности в предметной области «Астрономия» рассмотрим подробно только два: программный пакет «Stellarium» [3] и сетевой информационный портал «Helioviewer Project» [4]. Выбор определен следующими соображениями. Первое – оба информационных продукта официально и безусловно бесплатные, «Stellarium» вообще распространяется с открытым исходным кодом. Второе – имеются многоязычные, в т.ч. русскоязычные версии продуктов и техническая поддержка, правда поддержка чаще всего англоязычная. Третье – разработаны версии пакета под все основные ОС: Linux, macOS, Windows. Четвертое – существуют версии продуктов для мобильных устройств, работающих под ОС: iOS и Android. Последнее крайне существенно при организации онлайнового

или дистантного учебного процесса, для реализации индивидуального учебного плана в рамках инклюзивного подхода [1], при выполнении НИР и проектной работы со студентами и школьниками [5].

Рассмотрим кратко основные особенности ПП «Stellarium». Для создания карты звездного неба задействован каталог содержащий координаты и характеристики более 600 тыс. звёзд и 80 тыс. объектов глубокого космоса, также имеется возможность подключения дополнительных сетевых каталогов. В режиме управляемого времени отображаются объекты Солнечной системы (Солнце, планеты, кометы и т. д.), ИСЗ, метеоры и др. Имеется реалистичная управляемая эмуляция суточного цикла атмосферных эффектов, Млечного пути, мерцания звезд и т. д. Иллюстративные функции ПП включают художественные изображения и контуры созвездий, галерею фотографий объектов глубокого космоса: звездных скоплений, туманностей, галактик. Возможно использование 3D пейзажей и ландшафтов с поддержкой сферической панорамной проекции. Имеется возможность определять т. н. пользовательские надстройки и расширения (например из сети), добавления уникальных небесных объектов, ландшафтов, изображений созвездий и сценариев.

Рассмотрим также основные возможности информационного портала «Helioviewer Project». Главное предназначение портала заключается в сборе, хранении и предоставлении по запросу пользователя изображений Солнца, его поверхности и различных областей солнечной короны. Выбор гелиофизического спутника, прибора на этом спутнике, электромагнитного диапазона, даты и времени изображения полностью определяется пользователем. Предусмотрены возможности широкого управления режимами отображения: составные и комбинированные изображения, многослойные изображения и многое другое. Представлены измерительные инструменты для определения размеров и координат активных образований на Солнце и в короне. Имеется возможность накладывать на изображения дополнительные слои, отображающие в пиктографическом виде специфические объекты и явления, например: активные области, корональные дыры, джеты и многое др. Опция по отображению объектов солнечной системы имеет чисто иллюстративный характер и для учебного процесса не существенна.

Для организации учебного процесса особое значение имеют следующие особенности упомянутых продуктов.

1. Удобный и интуитивно понятный многоязычный графический интерфейс и развитая система управления от клавиатуры («горячие» клавиши).
2. Развитое масштабирование совмещение и центрирование изображения (изображений). Выбор системы координат и типа проекции: декартова, полярная, «рыбий глаз», стереографическая, зеркальная сферическая и др.

3. Полный контроль и управление местоположением наблюдателя, в том числе, и его виртуальное «перемещение» на другие небесные тела.

4. Полная свобода при выборе момента или промежутка времени, развитый контроль за ходом времени: вперед или назад, ускоренно или замедленно и т. д. Возможность создавать «видео» на основе отдельных кадров.

5. Возможность высветить (или отключить) дополнительную информацию: точки, линии и круги небесной сферы, локализация и название объектов (с широкими возможностями управления), фигуры и границы созвездий, координатные сетки (горизонтальная, экваториальная, эклиптическая…) и многое другое.

6. Возможность расчета, моделирования и симуляции редких, быстрых или наоборот слишком медленных процессов и явлений, явлений, которые невозможно увидеть, например из-за отсутствия погоды: солнечные и лунные затмения, транзиты планет Солнечной системы и экзопланет, переменность звезд, вспышки новых и сверхновых и многое другое.

7. В ПП « Stellarium « имеется достаточно редко используемая опция – названия и фигуры созвездий в различных культурных традициях или у разных народов.

Полное изложение методики и особенностей использования данных программных продуктов в рамках данной работы невозможно, поэтому рассмотрим наиболее существенные моменты. В традиционной методике и дидактике классификация учебных занятий по физике и астрономии включает в себя следующие типы и виды:[2,6,7]

- уроки (различного типа, обычно с разнообразными видами деятельности),
- лекция (как специализированное занятие),
- семинарское или практическое занятие (чаще используется в вузе),
- лабораторная работа (с использованием ПП – чаще виртуальная),
- занятие контроля знаний (контрольная работа, экзамен, коллоквиум, зачёт…),
- мастер-класс
- экскурсия,
- конференция,
- др. виды учебных занятий.

В таблице 1 приведено соответствие между наиболее типичными видами учебных занятий по астрономии и указанными выше опциональными возможностями программных продуктов.

В таблице 1 не расписаны критически важные возможности ПП для основного вида школьных учебных занятий, т.е. для урока, поскольку стандартный школьный урок как и вузовское занятие зачастую включает в себя

различные виды деятельности [6]. Далее в таблице 2. выписано аналогичное соответствие между опциональными особенностями ПП и логическими частями (этапами) урока.

Таблица 1 – Опции ПП существенные для различных типов учебных занятий

№	Типы учебных занятий	Наиболее существенные опции ПП
1	лекция (как специализированное занятие)	1, 2, 5, 6
2	семинарское или практическое занятие	3, 4, 5, 6
3	лабораторная работа	2, 3, 4, 5, 6
4	занятие контроля знаний (контрольная работа, экзамен, коллоквиум, зачёт…)	3, 4, 5
5	мастер-класс	2, 5, 6, 7
6	экскурсия, конференция	1, 6, 7

Таблица 2 – Опции ПП важные для различных частей урока

№	Логические части урока	Наиболее существенные опции ПП
1	организационный момент	1, 2, 7
2	этап актуализации опорных знаний	3, 4, 5
3	этап изложения нового материала	2, 3, 4, 5, 6
4	этап обобщения и систематизации изученного материала	3, 4, 5, 6
5	этап практического освоения и закрепления нового материала	2, 3, 4, 5, 6
6	этап рефлексии содержания и деятельности на уроке	1,2, 6

Таблица 3 – Опции ПП важные для некоторых видов занятий

№	Виды учебных занятий	Наиболее существенные опции ПП
1	индивидуальные	1, 2, 3, 4, 6
2	групповые	1, 2, 5, 6
3	коллективные	1, 4, 5, 6
4	контактные	3, 4, 5
5	дистанционные	2, 3, 4, 6

В зависимости от типа образовательного учреждения и способа организации учебного процесса учебные занятия традиционно разбивают по степени

массовости на индивидуальные, групповые и коллективные, а по методу проведения (организации) на контактные и дистанционные. В таблице 3 выписано соответствие опциональных возможностей ПП разделению занятий по степени массовости и методу организации.

В качестве иллюстрации к данной работе разберем все опциональные возможности указанных ПП («Stellarium» и «Helioviewer Project») и приведем конкретные частные примеры их использования для организации различных видов учебной деятельности по астрономии.

1. Удобный и интуитивно понятный графический интерфейс + система «горячих» клавиш сильнее всего облегчают практическое использование пакета в условиях малой освещенности – например при чтении лекции непосредственно под куполом Планетария или при дистанционном образовании. Строго говоря эта опция облегчает любой вид работы, но, например, в условиях малой освещенности она приобретает максимальное значение.

2. Развитое масштабирование и широкий выбор типа проекции изображения звездного неба, поверхности и короны Солнца. Эта опция позволяет адаптировать изображения, создаваемые указанными ПП к различным учебным аудиториям, размеры которых, а также форма стен и потолка могут меняться в широком диапазоне. Кроме того масштабирование позволяет рассмотреть явление во все подробностях или с максимальной точностью.

3. Полное управление местоположением наблюдателя. Эта опция позволяет «вживую» посмотреть, например, вращение небесной сферы на различных широтах от экватора до северного (южного) полюса, выделить различные по условиям видимости группы объектов: незаходящие, восходящие и заходящие, а также не восходящие, продемонстрировать и количественно проверить теорему о высоте полюса мира и многое другое.

4. Полное управление ходом времени. При помощи этой возможности можно проследить сезонное изменение вида звездного неба (в течение года), выяснить причину возникновения и продолжительность полярных дней и ночей, увидеть звездное небо с точки зрения «древних египтян», проследить прецессионное смещение полюса мира и т.д. При использовании ПП «Helioviewer Project» эта опция, например, позволяет оценить скорости и температуры фрагментов солнечной плазмы.

5. Возможность изменять степень подробности, с которой показываются основные точки, линии и круги небесной сферы, координатные сетки, количество отображаемых объектов и их названия. Методически эта опция очень удобна начиная с этапа изучения нового, с переходом к контролю усвоения. Для этого на начальном этапе выдаем на проекции максимально подробную информацию, затем, по мере усложнения контрольных вопросов, постепенно уменьшаем количеств поясняющих линий и надписей, постепенно доводя

изображение до ситуации «немой карты» (т.е. карты, на которой совершенно отсутствуют указатели и подписи).

6. Возможность расчета, моделирования и симуляции процессов и явлений, которые трудно увидеть на реальном небе или Солнце. Примеры использования: расчет и перепроверка условий и времени захода (восхода) светила, его кульминаций; эмуляция явлений, которые невозможно увидеть по погодным условиям. Например так случилось с солнечным затмением, которое должно было быть видимо в Омске 25 октября 2022 года.

7. Использование (сравнение) очертаний и названий созвездий, которые сложились у разных народов в русле разной культурной традиции, разных условий формирования и различных типах хозяйственной деятельности. Эта опция предполагает активное использование при планировании и проведении воспитательной работы, для формирования более объемной картины мира, которая допускает существование разных взглядов на один физический объект. В культурологическом плане это позволяет проследить взаимосвязи весьма разделенных «картин» мира.

Таким образом, суммируя опыт преподавания курса «Астрономия» накопленный в ОмГПУ, опыт работы планетария при ОмГПУ, а также опыт работы в ШкОД ИРООО и БУ ДО Омской области «Сириус 55», можно утверждать, что использование ПП «Stellarium» и «Helioviewer Project» для организации различных видов занятий со студентами и школьниками дает положительные результаты. Данные программные продукты могут быть рекомендованы к использованию в учебной деятельности.

Список литературы

1. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). Официальный сайт [Электронный ресурс].– URL: https://fgos.ru/

2. Методика преподавания астрономии в средней школе [Текст] / Б. А. Воронцов-Вельяминов,; М. М. Дагаев – М.: Просвещение, 1985. 240 с.

3. Официальный сайт программного пакета «Stellarium». [Электронный ресурс].– URL: https://stellarium.org/ru/

4. Официальный сайт «Helioviewer Project». [Электронный ресурс].– URL: https://helioviewer.ias.u-psud.fr/

5. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе [Электронный ресурс] / О. А. Павлова, Н. И. Чиркова – Саратов: Вузовское образование, 2018.– Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/75273.html

6. Методика обучения физике.: Учебное пособие [Электронный ресурс] / Е. В. Донскова, Т. В. Клеветова, А. М. Коротков, Н. Ф. Полях – Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, «Перемена», 2018.– Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/74235.html

7. Педагогика профессионального образования: учебное пособие / Е. П. Белозерцев, А. Д. Гонеев, А. Г. Пашков и др.; под ред. В. А. Сластёнина. М.: Академия, 2004. 368 с.

DOI 10.34660/INF.2026.75.33.038

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ В УРОК МАТЕМАТИКИ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ УСТНЫХ УПРАЖНЕНИЙ

Трофименко Юлия Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент
Таганрогский институт имени А. П. Чехова – филиал Ростовского государственного экономического университета
Коваленко Виолетта Алексеевна
магистрант
Таганрогский институт имени А. П. Чехова – филиал Ростовского государственного экономического университета

Аннотация. *В статье рассматривается потенциал устных упражнений как средства активизации мыслительной деятельности обучающихся. Анализируются психолого-педагогические основания использования устных форм работы, предлагается классификация устных упражнений по их дидактическим функциям, описываются различные формы организации устной работы на уроке. Особое внимание уделяется методическим приемам включения устных упражнений в структуру урока и их коррекции с учетом индивидуальных особенностей обучающихся. В работе представлены фрагменты уроков, иллюстрирующие использование различных видов устных упражнений на уроках математики как средства активизации мыслительной деятельности обучающихся.*

Ключевые слова: *устные упражнения, активизация мыслительной деятельности, урок математики, классификация устных упражнений, методические приемы.*

Современная дидактика математического обрезания задачей выдвигает становление и развитие активного мыслительного процесса учеников начиная уже на этапе начального звена образования. Особенностью современного контекста урока математики заключается в том, что он ориентирует процесс обучения не на бездумное воспроизведение теоретического знания, а на развитие аналитических способностей: умения сопоставлять факты, синтезировать данные и строить доказательные умозаключения. Справедливо

замечание Г. А. Ходыревой, «активизация мыслительной и познавательной деятельности учащихся на уроках математики» является необходимым условием для достижения образовательных результатов, заложенных в Федеральном государственном образовательном стандарте [9, с. 118].

Как ни странно, наиболее эффективным средством разрешения этого вопроса являются хорошо известные учителям-практикам устные упражнения. Их использование на уроках математики имеет давнюю традицию, однако в условиях обновления содержания образования и внедрения новых подходов к обучению требуется переосмысление роли и места устных упражнений в структуре современного урока. Мы согласны с высказыванием А. П. Кухтиновой, «устная работа на уроках математики как средство активизации мыслительной деятельности учащихся» позволяет не только отрабатывать вычислительные навыки, но и развивать познавательный интерес, формировать универсальные учебные действия [4, с. 60].

Отвечая современным вызовам образовательной системы, актуально рассмотреть ряд приемов и способов, которые смогли бы внести новизну в методику использования устных упражнений на уроках математики в начальной школе, подвели данное средство обучения под запросы нового поколения учеников, были востребованы и давали значительные результаты в формировании математического знания.

В педагогической литературе и практике накоплен значительный опыт использования устных упражнений, однако многие вопросы, связанные с их классификацией, методикой включения в урок и коррекции с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, требуют дальнейшего изучения. В рамках данной работы мы попытались выяснить, насколько эффективны устные упражнения для активизации мыслительной деятельности школьников на уроках математики в начальной школе. Кроме того, была предпринята попытка систематизировать устные упражнения в зависимости от их дидактического назначения и показать, как именно их можно включать в ход урока, используя определенные методические приемы.

Результативность устных упражнений во многом зависит от того, насколько они согласуются с возрастными особенностями развития мышления младших школьников. Именно в начальной школе происходит постепенный отход от наглядно-действенных и наглядно-образных форм мышления в сторону словесно-логических, и этот переход нуждается в продуманной организации учебной работы на уроке.

М. А. Белкина очень точно подметила особенность мыслительной деятельности младшего школьника: когда ученик считает в уме, он вынужден проделывать огромную внутреннюю работу. Он не может просто списать. Ему надо услышать, удержать в памяти, разобрать условие на части, сравнить

числа и только потом выдать ответ. Это мощнейшая тренировка мозга [1, с. 18]. Столкнувшись с необходимостью ответить на вопрос математической задачи устно, ученик стремиться к анализу текста задания, выделению ключевых объектов текста, он вынужден проводить синтетико-аналитическую работу. При данном подходе следует отметить повышении концентрации внимания, более устойчивой системы запоминания. Ученик, вынужденный устно дать ответ, приобретает не только основы запоминания, но и развивает культуру речи, что позволяет говорить о полноценном развитии личности ребенка, требования к которому заложены в стандарте.

Поддерживаем мнение Т. А. Крючковой и М. В. Кислухиной о том, что потенциал устного счета выходит далеко за рамки формирования арифметической культуры ученика. Кроме того, он выступает лакмусовым фильтром для последующего становления культуры доказательства, учит школьников обосновывать свою позицию и находить нестандартные, рациональные пути поиска решения. На пропедевтическом этапе обучения в начальной школе этот аспект становится приоритетной задачей урока математики. Таким образом, усовершенствованный подбор устных упражнений к каждому уроку или теме не должен ограничиваться элементарными вычислениями на скорость. Его содержательную основу необходимо наполнять заданиями, способствующими развитию творческого, критического и аналитического мышления каждого субъекта обучения. В свою очередь это требует индивидуализации в подборе подобных заданий, так как они должны отличаться вариативностью уровней сложности и многовариантностью подходов не только к получению результата, но и самих результатов.

Для того чтобы учитель мог осмысленно отбирать устные упражнения применительно к конкретному этапу урока, необходимо располагать их классификацией с учетом дидактических целей конкретного урока.

Таблица 1. Классификация устных упражнений по дидактическим функциям

Дидактическая функция	Виды упражнений	Примеры заданий
Актуализация опорных знаний	Упражнения на повторение, упражнения на восстановление забытого	«Вспомни, как найти площадь прямоугольника», «Назови компоненты действия сложения»
Формирование новых знаний	Подводящие упражнения, упражнения на установление закономерностей	«Сравни выражения и найди общее свойство», «Что изменится, если…»
Закрепление и систематизация	Тренировочные упражнения, упражнения на обобщение	«Найди значение выражения разными способами», «Составь задачу по выражению»

Дидактическая функция	Виды упражнений	Примеры заданий
Развитие мыслительных операций	Задания на сравнение, анализ, синтез, обобщение	«Найди лишнее число», «Разбей числа на группы по общему признаку»
Контроль и оценка	Упражнения на самопроверку, упражнения с обратной связью	«Проверь правильность решения», «Оцени свою работу»

Предложенная классификация дает учителю возможность более осмысленно подходить к отбору устных упражнений и определению их места в структуре занятия. Е. А. Васильченко и Т. Н. Константинова обращают внимание на то, что устные упражнения не должны ограничиваться тренировочной функцией, а обязаны включать и развивающий компонент [2, с. 168].

Ю. А. Пивкина замечает, что становление мыслительной активности ученика невозможно без включения в практику задач, направленных на самостоятельный исследовательский поиск на всех этапах работы с заданием [6, с. 525].

Наибольшего эффекта можно достичь только при комплексном подходе к отбору содержания устных упражнений. Часто устные упражнения являются хорошей опорой при подготовке к введению нового знания на уроке, закладывают прочный базис для выполнения уже письменных видов работ. В других случаях они выступают инструментом рефлексии, позволяют получить учителю сведения об уровне сформированности того или иного вычислительного навыка.

Подбор системы заданий, выбору форм организации и проведения зависит от множества факторов. В данном аспекте нужно оценить степень сложности темы урока, его смысловую основу в контексте других уроков, уровень подготовленности учеников класса, потребности контекста самого урока.

Наиболее активно учителя используют следующие форматы работы в данном направлении:

– ф*ронтальный режим: он* обеспечивает вовлечение всего класса под контролем учителя, он важен при необходимости быстрой оценки качества усвоенного знания по ранее изученной темы, для выявления точек для коррекции затруднений младших школьников. Минусом подобно формы работы является частичная вовлеченность учеников, ошибки в оценках сформированности математического знания;

– *групповая дискуссия:* основывается на формировании микрогрупп внутри учебного класс с предоставлением каждой дифференцированного кейса учебных заданий, направленных на получение быстрого устного ответа. Данный формат усиливает эффект вовлеченности каждого ребенка выполнении

задания, формирует навыки работы в микрогруппах. Н. Н. Пономарева отмечает, что групповая работа создает условия для совместного поиска решения, обсуждения различных подходов и выработки общего вывода [7, с. 400];

– *индивидуальный режим:* ориентирован на индувидуализацию образовательного маршрута. Он позволяет адаптироваться к скорости восприятия конкретного ребенка, однако предъявляет высокие требования к подбору разноуровневых задач.

Мы считаем, что в качестве наиболее оптимальный основы нужно рассматривать комбинированный режим работы. Например, можно тему для обсуждения проблематики новой темы всему классу, на этапе отработки нового знания создать малые группы, а уже этап рефлексии и оценки провести индивидуально.

Важно в методике работы над данным вопросом, чтобы учитель мог видеть этапы затруднения и оперативно на них реагировать, порой перестраивая учебный процесс под новые нужды темы, урока, раздела. Под коррекцией понимается интерпертауция условий или формы методической деятельности для своевременного усвоения возникших проблем в восприятии того или иного знания. Часто незначительная трансформация методов, приемов деятельности учителя позволяет получить более эффективные результаты, заложить больший потенциал в рассматриваемом вопросе. Используя кейсы разноуровневых задач, содержащих комплекс устных упражнений, побуждающих школьника мыслить, оценивать, действовать быстро и активно, мы добиваемся критичности мыслительных действий, учим выделять главное, применять теоретические знания на практике.

Основные приемы коррекции устных упражнений систематизированы в таблице 2.

Применение этих приемов, как считает Г. А. Ходырева, «активизация мыслительной и познавательной деятельности учащихся на уроках математики» требует от учителя гибкости и готовности оперативно реагировать на возникающие трудности [9, с. 120]. Не менее важно учитывать и индивидуальные особенности учащихся при коррекции устных упражнений: для одних необходимо упростить задание, для других – усложнить его, для третьих – изменить форму подачи материала.

Таблица 2. Приемы коррекции устных упражнений

Прием коррекции	Сущность приема	Пример реализации
Конкретизация смысловой и требовательной частей	Внесение пояснений, детализация требований, уточнение терминологии	«Объясни, что означает каждое число в условии задачи»

Включение новой направленности	Дополнение задания новыми условиями или ограничениями	«Найди все возможные решения», «Предложи свой способ решения»
Изменение формы предъявления	Перевод задания из устной формы в письменную и наоборот, использование графических форм	«Представь решение в виде схемы», «Расскажи решение по таблице»
Альтернативный поиск решения	Включение заданий с множеством решений, с недостающими или лишними данными	«Что можно узнать по этим данным?», «Каких данных не хватает для решения?»

Важно отметить, что коррекция устных упражнений должна осуществляться не только в процессе их выполнения, но и на этапе подготовки к уроку. Учителю следует заранее продумывать возможные варианты коррекции заданий, чтобы иметь возможность быстро адаптировать их к реальной ситуации на уроке.

Для иллюстрации использования устных упражнений в структуре современного урока математики приведем несколько методических фрагментов, демонстрирующих различные виды устных упражнений и формы организации устной работы на уроке математики в начальной школе.

Фрагмент 1. Урок математики в 3 классе по теме «Площадь прямоугольника» (этап актуализации знаний).

Учитель предлагает обучающимся выполнить ряд устных упражнений, направленных на актуализацию знаний о геометрических фигурах и единицах измерения площади:

– «Назови фигуры, которые ты видишь на доске. Чем они отличаются?»

– «Вспомни, что такое площадь фигуры. Как ее можно измерить?»

– «Сравни площади двух прямоугольников. Как ты это сделал?»

– «Какие единицы измерения площади ты знаешь? Расположи их в порядке возрастания».

Данные упражнения позволяют не только вспомнить ранее изученный материал, но и активизировать мыслительную деятельность младших школьников, побуждая их к сравнению, анализу и обобщению.

Как отмечает И. В. Налимова и А. С. Пушкина, «практико-ориентированные задачи при изучении математических величин в начальной школе» позволяют связать теоретические знания с жизненным опытом обучающихся и повысить их познавательный интерес [5, с. 14].

Фрагмент 2. Урок математики в 4 классе по теме «Решение задач на движение» (этап закрепления).

Учитель организует групповую работу с использованием устных упражнений. Класс разбивается на группы по 4–5 человек, каждая группа получает карточку с заданием.

Группа 1: «Составь задачу на движение по схеме и реши ее устно».

Группа 2: «Объясни, что означает каждое выражение в данной задаче: 60·3, 80·2, 60·3+80·2».

Группа 3: «Придумай вопрос к задаче и реши ее устно».

Группа 4: «Сравни две задачи. Чем они похожи и чем отличаются? Как это повлияет на решение?».

Выполнение этих заданий требует от ребят активной мыслительной деятельности: анализа, синтеза, сравнения, обобщения. Кроме того, работа в группах способствует развитию коммуникативных навыков и умения аргументировать свою точку зрения.

Как справедливо замечает М. А. Белкина, «активизация познавательной деятельности младших школьников в процессе формирования устных вычислительных навыков предполагает использование разнообразных форм работы, позволяющих каждому ученику найти свой способ решения задачи» [1, с. 19]. Групповая работа в данном фрагменте создает условия для этого, поскольку младшие школьники могут обсуждать различные подходы к решению и выбирать наиболее рациональный из них.

Фрагмент 3. Урок математики во 2 классе по теме «Умножение и деление» (этап контроля).

Учитель использует устные упражнения для проверки степени усвоения материала. Задания предъявляются в игровой форме:

– «Математический диктант»: учитель называет примеры, учащиеся записывают только ответы;

– «Найди ошибку»: на доске записаны выражения с намеренными ошибками, учащиеся должны их найти и исправить;

– «Цепочка»: учитель называет число, учащиеся по цепочке выполняют действия (умножение, деление, сложение, вычитание) и называют результат.

Такая форма контроля, как считает А. П. Кухтинова, «устная работа на уроках математики как средство активизации мыслительной деятельности учащихся» позволяет не только проверить знания, но и поддерживать высокий уровень познавательной активности на протяжении всего урока [4, с. 61].

Проведенный анализ теоретических и практических аспектов использования устных упражнений на уроках математики позволяет сделать ряд выводов. Устные упражнения являются эффективным средством активизации мыслительной деятельности обучающихся, поскольку они требуют от школьников выполнения различных мыслительных операций: анализа, синтеза, сравнения, обобщения, установления причинно-следственных связей. Это способствует развитию логического, критического и творческого мышления, формированию универсальных учебных действий.

Эффективность использования устных упражнений во многом зависит от их соответствия дидактическим функциям, формам организации и методическим приемам коррекции. Классификация устных упражнений по дидактическим функциям позволяет учителю целенаправленно подбирать задания для различных этапов урока и решения конкретных образовательных задач.

Список использованной литературы

1. Белкина М. А. Активизация познавательной деятельности младших школьников в процессе формирования устных вычислительных навыков // Научный альманах. 2024. № 12–1(122). С. 18–20.

2. Васильченко Е. А., Константинова Т. Н. Активизация мыслительной деятельности учащихся и развитие их творческих способностей на уроках математики с использованием проблемно-поискового метода обучения // Матрица научного познания. Учредители: Общество с ограниченной ответственностью «Омега сайнс». 2021. С. 167–171.

3. Крючкова Т. А., Кислухина М. В. Устный счет как средство развития логического мышления младших школьников // Стратегии развития дошкольного и начального образования в эпоху модернизации: материалы Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции / Ответственный редактор Ю. В. Скоробогатова. Нижний Тагил – Екатеринбург, 2023. С. 143–148.

4. Кухтинова А. П. Устная работа на уроках математики, как средство активизации мыслительной деятельности учащихся // Гуманитарные традиции математического образования в России и за рубежом: история и современность (памяти профессора Г. В. Дорофеева). 2017. С. 60–63.

5. Налимова И. В., Пушкина А. С. Практико-ориентированные задачи при изучении математических величин в начальной школе // Педагогическая перспектива. 2023. № 1(9). С. 12–18.

6. Пивкина Ю. А. Проблема формирования самостоятельной познавательной деятельности школьников в процессе обучения математике и пути ее решения // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время – новые решения». 2025. № 1. С. 522–529.

7. Пономарева Н. Н. Экспериментальная деятельность как средство развития познавательной активности на уроках математики // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 11–1. С. 399–405.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утверждён приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 № 287 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: https://clck.ru/3CP7qL (дата обращения 25.06.2026).

9. Ходырева Г. А. Активизация мыслительной и познавательной деятельности учащихся на уроках математики // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2022. № 40. С. 118–121.

ЗАМЕТКИ

ЗАМЕТКИ

Научное издание

Высшая школа: научные исследования

Материалы Межвузовского международного конгресса
(г. Москва, 6 августа 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 06.08.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 9,00. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

